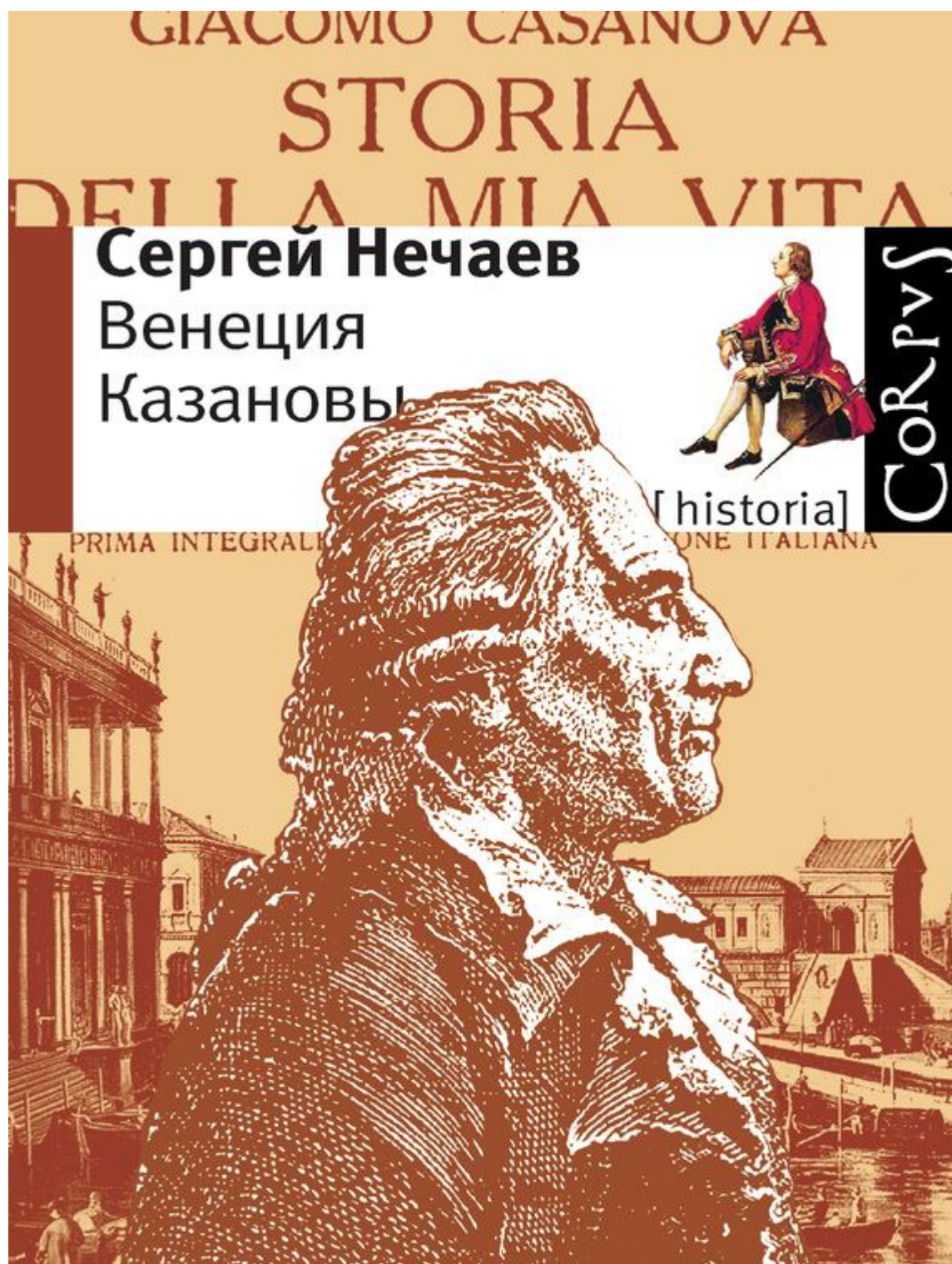

**Сергей Юрьевич Нечаев
Венеция Казановы**

«Сергей Нечаев. Венеция Казановы»: Астрель, Corpus; Москва, 2010
ISBN 978-5-271-24660-9

Аннотация

Самый знаменитый венецианец всех времен — это, безусловно, интеллектуал и полиглот, дипломат и сочинитель, любимец женщин и тайный агент Джакомо Казанова.

Его судьба неотделима от города, в котором он родился. Именно поэтому новая книга историка Сергея Нечаева — не просто увлекательная биография Казановы, но и рассказ об истории Венеции: достопримечательности и легенды этого удивительного города на воде читатель увидит сквозь призму приключений и походов великого авантюриста.

Сергей Нечаев Венеция Казановы

Предисловие

Кто хоть раз был в Венеции, не даст соврать, это — потрясающий город. Уникальный и неповторимый. Город с великой историей и ни с чем не сравнимой культурой. Выходцами из Венеции были Макро Поло, Карло Гольдони, Антонио Вивальди, Якопо Робусти, более известный как Тинторетто, и многие другие знаменитые люди. У любого человека, даже никогда не видевшего Венецию, есть свое представление об этом городе. Спросите, с чем у вас ассоциируется какой-нибудь Ла-Пас или Сидней? Многие не смогут найти ответа. А с чем Венеция? Ответы посыплются как из рога изобилия. Кто-то, и он будет совершенно прав, скажет, что это город на воде. Кто-то вспомнит карнавал, а кто-то — престижный Венецианский кинофестиваль. Назовут и знаменитое венецианское стекло, и гондольеров, и венецианского льва. Кто-то обязательно упомянет похороненных здесь Иосифа Бродского и Сергея Дягилева...

И уж точно все назовут имя Джакомо Казановы, великого авантюриста, интеллектуала и полиглота, дипломата и сочинителя, любимца женщин и тайного агента, отлично владевшего не только пером, но и шпагой. Именно этот легендарный человек по праву считается самым знаменитым в мире венецианцем. Джакомо Казанова является для Венеции таким же мировым брендом, как Наполеон Бонапарт для Корсики, Моцарт для Зальцбурга или Фидель Кастро для Кубы.

Короче говоря, мы только произносим слово «Венеция» — и тут же всплывает образ Казановы. И наоборот: мы говорим о Казанове — и тут же возникает образ великого города на воде. И это просто удивительно и еще в большей степени подчеркивает масштаб этого получеловека-полулегенды. Да, Казанова родился в Венеции, но, когда биографы говорят, что он «родился в Венеции и провел здесь большую часть своей жизни», — это неправда. На самом деле из своих семидесяти трех лет жизни в родном городе Казанова провел всего чуть больше двадцати восьми лет, из которых первые восемь с половиной лет, как он сам признается, «был слаб умом», а еще почти полтора года находился в заточении.

Все остальное время (а это почти две трети жизни) Казанова вынужден был прятаться, скрываться от преследования, переезжать из одной страны в другую. Да и умер он не в родном городе, а в изгнании, в далекой Богемии. Но — и этого у него не отнимет даже самый яркий недоброжелатель — он везде любил и везде был любим.

Короче говоря, жизнь Джакомо Казановы, победоносного конкурента графа Калиостро и графа де Сен-Жермена, — это наглядная иллюстрация народной мудрости о том, что не место красит человека, а человек — место.

Венеция — не Париж, не Рим и не Москва. Это маленький и очень компактно скроенный город, расположенный на более чем ста островах и островках, разделенных каналами и соединенных почти тремя с половиной сотнями мостов. Площадь Венеции без островов Джудекка и Сан-Джорджо-Маджоре составляет всего семь квадратных километров. Расстояние от центральной площади Сан-Марко здесь, например, до моста Риальто составляет не более четырехсот метров, а до острова-кладбища Сан-Микеле по прямой — чуть больше километра.

Франческо Сансовино («Венеция, город очень благородный и особенный»):
«Вода в каналах течет по городу подобно тому, как кровь струится в венах»

человека, образуя различные островки, созданные частично природой, частично руками людей; островки эти соединены между собой более чем 450 мостами из камня, и на них стоят красивые здания и знаменитые дворцы, а также поистине царские храмы».

Антонио Квадри («Восемь дней в Венеции»):

«Этот город, который никогда не брался приступом, стоит на примерно семидесяти островах в центре лагуны; он во всех направлениях разделен двумя большими и 147 маленькими каналами, соединяясь воедино посредством 306 общественных мостов, практически все из которых выполнены из мрамора.

На этих островах и на берегах каналов высятся 27 918 зданий, в которых некогда обитало 190 000 жителей, а ныне осталось примерно 100 000. Эти здания связаны между собой каналами и 2108 маленькими улочками».

Как видим, сын знаменитого скульптора Франческо Сансовино и секретарь венецианского правительства Антонио Квадри называют несколько иные цифры, но тут следует заметить, что свою книгу первый издал в 1581 году, а второй — в 1828-м, а с тех пор в Венеции произошло немало изменений.

Анж Гудар («Китайский шпион»):

«Чтобы обойти весь город, требуется проводник; по улицам можно передвигаться только на лодках или, по крайней мере, обладать привилегией известного святого, который, по утверждению христиан, умел шагать по воде. Если вам надо отдать или нанести несколько визитов, необходимо брать с собой компас и заранее справиться о направлении ветра... Правда, практически в любой конец Венеции можно пройти пешком по мощеным берегам каналов, этим специально устроенным для пешеходов набережным, но удобством это, прямо скажем, назвать весьма сложно, ибо приходится постоянно взбираться на горбатые мосты».

Процитированный популярный писатель Анж Гудар тоже не наш современник, он жил в XVIII веке. Тем не менее и сейчас пересечь Венецию с севера на юг можно меньше чем за сорок минут. Именно поэтому наиболее правильным в подаче информации представляется не территориальный подход, а хронологический. Таким образом у читателя будет возможность проследить жизнь Казановы Великолепного от рождения 2 апреля 1725 года до его знаменитого побега из тюрьмы Пьямби 1 ноября 1756 года, а потом и до его окончательного бегства из Венеции в январе 1783 года.

Сразу же представился я господину Морозини, ныне Прокуратору собора Святого Марка, а тогда посланнику Республики при дворе французского короля. В первый же день, когда давали оперу, позволил он мне сопровождать его; музыка была Люлли. Я уселся в партере, в точности под ложей, где находилась госпожа де Помпадур, которой я не знал. В первой сцене является из кулис знаменитая девица Лемор и на втором же стихе испускает столь сильный и неожиданный вопль, что я испугался, не сошла ли она с ума; я негромко и вполне чистосердечно смеюсь, никак не предполагая, что меня могут дурно понять. Голубая лента, что сидел возле маркизы, сухо спрашивает меня, откуда я приехал, и я столь же сухо отвечаю, что из Венеции.

— Когда я был в Венеции, я тоже весьма смеялся над речитативом в ваших операх.

— Охотно верю, сударь, и уверен также, что никому и в голову не пришло помешать вам смеяться.

Мой несколько дерзкий ответ рассмешил госпожу де Помпадур, и она спросила, вправду ли я из тех краев.

— Каких именно?

— Из Венеции.

— Венеция, сударыня, не край, а центр.

Часть первая Венеция до Казановы

Сказочный город Венеция возник в 421 году. Многие могут поспорить с этим утверждением, но согласитесь, как-то неприглядно было бы начинать летоисчисление одного из величайших городов мира со слов «примерно» или «около». Впрочем, можно сказать, что Венеция была заложена в первой половине V века жителями суши, спасавшимися от набегов кровожадных и беспощадных варваров под предводительством вождя гуннов Аттилы, который собрал под свои знамена племена, жившие от Рейна до Северного Причерноморья, и завоевал всю Верхнюю Италию вплоть до реки По.

Антонио Квадри («Восемь дней в Венеции»):

«Мы находим достаточно разумным зафиксировать время обоснования венецианцев на островах 421 годом, когда жестокость северных народов, завоевавших Италию в самом начале пятого века, вынудила обитателей суши искать убежища в самых отдаленных болотах Адриатического залива».

Бежавшее население — венеты, от которых в будущем получила название страна, — нашло на малопригодных для осмысленного существования заболоченных островах лагуны убежище и таким образом сумело сохранить собственную культуру.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Построенная на нескольких островах, разбросанных посреди болотистой лагуны, в своеобразном лабиринте, где смешались земля и вода, не имеющая стен и вверившая защиту свою самой свободе, Венеция не похожа ни на один из существующих городов. Она не поддается никакому разумному описанию. Тайна, изначально окружающая город и его имя, чудо, коим вполне можно считать могущество Венеции, и небывалые богатства, сконцентрированные венецианцами в столь негостеприимном от природы месте, — все это превращает город на лагуне в источник поэзии. Каких только метафор не удостоилась Венеция! Венеция, новая Венера, вышедшая из волн, — так с точки зрения мифологии объясняют название города. Впрочем, некоторые предпочитают видеть в староитальянском *Venetia*, ставшем затем *Venezia*, игру латинских слов «*venus etiam*», «приходи еще», передающих очарование, оказываемое этими местами на путешественников, и их неизменное желание вновь сюда вернуться».

Кристиан Бек («История Венеции»):

«Относительная недоступность этой местности — передвигаться можно только по протокам на лодке — надежно гарантировала ее безопасность. По отношению к материку, где на протяжении веков хозяйничали захватчики и бушевали политические катаклизмы, она располагалась на отшибе, и обитателям ее было легче сохранять свою независимость. Нехватка продовольствия побуждала жителей выходить в море и добывать на продажу соль и рыбу. Суровые условия жизни заставляли поселенцев проявлять инициативу, способствовали возникновению чувства локтя и гражданского долга».

Спасшиеся от уничтожения венеты начали мало-помалу вести хозяйство, соорудили двенадцать поселений (Градо, Гераклея, Маламокко, Кьоджа и др.) и уже к 466 году договорились основать некое подобие правительства — совет наиболее уважаемых представителей этих поселений.

А еще два столетия спустя беспокойная обстановка в лагуне заставила венецов избрать своего высшего правителя — дожа (*ital . doge*, от *lat . dux* — вождь, предводитель).

Титул этот возник в Венеции в 697 году и существовал на протяжении более чем десяти веков.

Когда возник этот титул, Венеция имела полную независимость, но формально сохраняла политическую связь с Византией. Первым дожем стал Паолуччио Анафесто, правивший до 717 года. Предположительно он и другие первые дожи, избиравшиеся из самых богатых и влиятельных семей Венеции, выполняли функции наместников Византийской империи.

Потом византийское влияние стало постепенно уменьшаться.

Административный центр лагуны находился сперва в Геракле, в 742 году он был перенесен в Маламокко, а в 810 году — на пустынный остров Риво-Альто (сейчас это место называется Риальто, и там находится знаменитый мост, соединяющий районы Сан-Марко и Сан-Поло). Так, собственно, и возник город Венеция.

В 806 году венецианская островная группа была атакована франками, и ее на короткое время присоединили к империи Карла Великого, но уже по условиям соглашения о мире и дружбе между двумя империями 812 года Венеция была возвращена Византии.

В 828 году два венецианских купца съездили в Египет, в город Александрию, и привезли оттуда мощи святого Марка. Фактически это было похищение. Венецианцы, для того чтобы перенести мощи на свой корабль, прибегли к хитрости: тело одного из четырех евангелистов, умершего в Александрии (там он основал церковь и был ее первым епископом), было положено в большую корзину и сверху покрыто свиными тушами, к которым не могли прикоснуться арабы даже при таможенном досмотре.

В Венеции мощи святого Марка были размещены в домашней церкви дожей, которая тут же получила имя евангелиста, ставшего с тех пор покровителем Венеции.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Местность Риво-Альто («Высокий берег»), расположившаяся в устье одного из речных притоков лагуны, в 810 году была провозглашена местопребыванием правительства, резиденция которого прежде находилась в Маламокко. Там построили дворец, а затем базилику, чтобы разместить в ней реликвии святого Марка, доставленные в 828 году двумя купцами из Александрии. Вскоре святой Марк стал более популярен, нежели святой Теодор, первый покровитель города, а площадь Сан-Марко стала более значимой, нежели Риво-Альто; затем место это, название которого превратилось в Риальто, вошло в состав административного района Сан-Поло; теперь словом «Риальто» называли всего лишь мост и рынок. Площадь Сан-Марко стала политическим центром города, Риальто — центром экономическим. Там воцарились ювелиры, торговцы пряностями, мясники, торговцы овощами, фруктами, рыбой, вином, оливковым маслом и апельсинами. Мастерские кожевников, канатчиков и корзищиков соседствовали там с конторами контролеров, торговых агентов и нотариусов, конторками чиновников, призванных следить за уплатой пошлин на лес, железо и животный жир».

Свое экономическое процветание республика святого Марка построила на морской торговле. Географически город в лагуне был местом пересечения торговых путей между Востоком и Западом, и островитяне, будучи талантливыми коммерсантами, быстро поняли, как извлекать из этого выгоду. Венецианские корабли уходили в плавание и возвращались доверху наполненные ходовым товаром, а если возникали проблемы с местными пиратами, препятствовавшими нормальному судоходству на Адриатике, то венецианцы просто откупались от их излишне навязчивого внимания.

Когда же в 991 году дожем был избран знаменитый Пьетро II Орсеоло, жители лагуны стали успешно применять и силовые методы воздействия. Через девять лет своего правления, в праздник Вознесения, этот дож вышел в море с самым мощным флотом, какой только видели воды Адриатики, и очень быстро очистил море от далматинских пиратов, захватив

заодно и попавшиеся на пути города. Так началась территориальная экспансия Венеции, которая завершилась тем, что дож Энрико Дандоло при содействии французских крестоносцев в 1204 году завоевал Константинополь и при разделе между союзниками приобрел три восьмых Византийской империи и остров Крит (Кандию).

До 1032 года венецианские дожи имели практически неограниченную власть в государственных, военных и церковных делах. После этого их власть была ограничена введением нескольких альтернативных институтов власти.

Дело в том, что внутри республики неоднократно возникала борьба между демократической и аристократической партиями, а некоторые даже заявляли о необходимости превратить пожизненное правление дожей в наследственную монархию. После одного из восстаний, в котором погиб дож Витале II Микель, в 1172 году был учрежден Большой Совет, состоявший из выборных представителей знати (нобилей), который с тех пор стал высшей властью и сильно ограничил могущество дожей.

Антонио Квадри («Восемь дней в Венеции»):

«С 1172 года в Венеции уже имелся Большой Совет, состоявший из 47 членов, которых меняли ежегодно. Граждане всех классов имели избирательные права и даже могли быть выбраны в Совет, что сохраняло демократическую систему, хотя общее влияние народа на дела государства и было уже существенно ослаблено».

После 1172 года глава государства стал избираться через сложную процедуру: специальный Комитет Сорока выбирал дожа из четырех кандидатов, выбранных из состава Большого Совета. На выборах 1229 года Комитет Сорока был увеличен до сорока одного, чтобы было нечетное количество членов.

С 1268 года и до конца существования титула действовала процедура выбора, включающая в себя одиннадцать этапов голосования. Сначала собирались члены Большого Совета старше тридцати лет, которые выбирали тридцать человек, принадлежавших к различным семьям. Затем эти тридцать выбирали девять человек, которые выбирали сорок человек. Эти сорок выбирали двенадцать человек, а эти двенадцать — двадцать пять человек. Двадцать пять человек выбирали девять, а девять человек — сорок пять; сорок пять человек выбирали одиннадцать, а эти одиннадцать выбирали окончательный Комитет по выборам из сорока одного человека, которые и выбирали дожа.

Подобный метод голосования был призван учесть интересы всех сторон и не допустить на высшую должность в Венеции явного ставленника какой-либо партии или клана. Когда дож был выбран, он принимал присягу, в которой торжественно клялся действовать согласно законам и на благо государства. С 1268 года была введена должность заместителя дожа или консультанта дожа.

Власть дожа строго ограничивалась различного рода предписаниями. Будучи дожем, человек не имел права появляться на публике в одиночку, не мог в одиночку встречаться с иностранными государями или посланниками, не мог один вскрывать официальную корреспонденцию. У дожа не могло быть собственности на территории других государств. Он не мог покидать территорию Дворца дожей и собора Сан-Марко.

В 1355 году, правда, дож Марино Фальер попытался сделать свою власть наследственной, как королевскую, но за это он был обезглавлен своими же подданными.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Согласно Кристофоро Тентори, Венеция является «островом, сделанным из островов». Точнее, как утверждает Сансовино, которому в этом вопросе вполне можно доверять, из ста пятидесяти маленьких островков. Островки эти были разделены водными пространствами, постепенно сведенными на нет: их заполнили, заделали высушенными водорослями, тростником и землей, а затем возвели на них дома и дворцы.

Неуклонное отвоевание земель, пригодных для жизни, у болотистых почв осуществляется по центростремительному принципу, начиная с мелких островков, группирующихся вокруг Риво-Альто. Первоначально осушения производятся без лишних споров, по взаимному согласию, по принципу соседства, по плану, разработанному крупными частными собственниками или церковными общинами или же в зависимости от нужд ремесленников. Затем, по мере увеличения потребности, в 1285 году была создана специальная магистратура, занимающаяся вопросами осушения территорий (Magistrato del Piovego), в обязанности которой также входило определять размеры обязательного взноса на осушение для каждого прихода. В начале XVI века к ней присоединились еще одно учреждение, занимающееся вопросами водоустройства (Officio sovra alle acque), и комиссия «мудрецов-водоустроителей» (Savi ed esecutori alle acque), также ведающая вопросами, связанными с водой; члены ее избирались раз в два года и несли ответственность только за водоиспользование, что свидетельствует о большом внимании, уделяемом городом настоящей проблеме».

Центральные острова, где расположилась основная часть населения Венеции, были окружены стенами, а главный канал, который дал начало Большому Каналу, на ночь перегораживался массивными цепями. Таким образом местные жители защищались от нападений врагов.

Тем временем могущество республики достигло высшей степени, а сама Венеция превратилась в удивительный мир, в котором люди на улицах говорили на сотнях языков и наречий, а в палаццо (дворцах) все было обустроено с невиданной роскошью. Венеция раздавала заказы величайшим живописцам и архитекторам, в городе строились церкви, шло развитие книгопечатания. С необычайной быстротой развивались театр и музыка, влияние которых до сих пор отличает Венецию от всех остальных городов мира.

Управление в Венеции опиралось на народную поддержку, а репрессивный аппарат был сведен к минимуму. Налоги были незначительны, и правление имело относительно мягкий характер, когда дело не касалось политических преступлений, для преследования которых были назначены три Государственных инквизитора.

А вот отношения с папским престолом у города были прохладными. Как ни пытались римские папы влиять на политику Венеции, у них ничего не получалось. В результате город не раз отлучали от церкви, пытались навязать перечень запрещенных книг, угрожали отлучением от церкви всего венецианского Сената, но всякий раз эти решения игнорировались, и город продолжал преспокойно жить и процветать.

Короче говоря, *Serenissima*¹, которая после столкновения с могущественной Генуей расширила свои владения до реки По и города Бергамо, к началу XVI века стала одним из самых богатых и сильных государств в Европе.

Но уже в XV веке на Средиземноморье начали укреплять свои позиции турки, и первые признаки упадка влияния Венеции стали проявляться после того, как в 1453 году они захватили Константинополь.

Далее, покорив множество земель, Османская империя стала завоевывать одну за другой материковые территории Венеции. Светлейшая республика сопротивлялась, но кровавые сражения приносили ей лишь разорение, а некогда доходные земли последовательно переходили к туркам. В 1571 году Османская империя отняла у республики остров Кипр, а в 1669 году, после двадцатилетней войны, и Крит (Кандию). Последние крепости на этом острове были потеряны Венецией в 1715 году.

Антонио Квадри («Восемь дней в Венеции»):

«Республика, всегда такая уважаемая, вынуждена была теперь уступить

¹ *Светлейшая республика* (la Serenissime république) — историческое название Венеции в XV–XVII веках.

могуществу турок, которые, проливая реки крови, опрокидывали любые препятствия на своем пути».

Единственная крупная морская победа над турками при Лепанто, имевшая место 7 октября 1571 года (в сражении участвовало около трехсот различных судов так называемой Священной Лиги, в которую входили Испания, Венеция, Генуя, Сицилия, Неаполь, Тоскана и Парма, в том числе 108 венецианских галер, а также примерно 210 галер и 66 галеотов турок), уже ничего не могла изменить.

Ко всем прочим несчастьям, в 1575 году, а потом еще и в 1630-м город подкосила чума, очень много людей погибло, а все оставшиеся человеческие и денежные ресурсы продолжала выкачивать непрекращающаяся конфронтация с турками. К 1720 году республика была практически банкротом.

С этого времени республика почти перестала принимать участие в мировой торговле. Она лишь довольствовалась сохранением своего устаревшего государственного строя и удержанием за собою, при соблюдении строжайшего нейтралитета, остальных своих владений (Истрии, Далмации и Ионических островов), в которых насчитывалось до двух с половиной миллионов подданных.

Герман Кестен («Казанова»):

«Тысячелетняя патрицианская республика жила в зеркальном свете ушедшего величия. Еще дож надевал тиару на голову и торжественно брал в жены море. Но море уже слушало новых господ, и торговля Венеции угасала».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Если верить большинству историков и критиков, Венеция XVIII века уже не была Венецией. Она превратилась в тень самой себя, ностальгическое обтрепанное воспоминание о былой военной и торговой мощи. Блестящая победа над турками при Лепанто, в 1571 году, уже далеко».

Анж-Анри Блаз де Бюри («Воспоминания и рассказы о военных действиях Австрии»):

«Это было гигантское скопление языков; и все это оживлялось лишь дыханием прошлого... Ах! Если бы Казанова жил в лучшие дни Республики, если бы он писал свои воспоминания не в XVIII веке...»

Часть вторая

Венеция при Казанове

В настоящее время Венецианская лагуна (Laguna Veneta) представляет собой обширное мелководье, где властвуют сильные приливы и отливы.

Сьюзи Болтон («Венеция»):

«Лагуна простирается примерно на 50 км с северо-востока на юго-запад и имеет ширину от 8 до 15 км».

Некоторые называют это мелководье морем; впрочем, если не знать о глубине (а она в лагуне в среднем составляет всего чуть больше метра, в то время как в основных судоходных каналах — 12 метров), то оно морем и выглядит.

Филипп де Коммин («Мемуары»):

«В тот день, когда мне предстояло приехать в Венецию, меня встретили в

Фузине, в пяти милях от Венеции; там с судна, приходящего по реке из Падуи, пересаживаются на маленькие барки, очень чистые и с обитыми красивыми бархатными коврами сиденьями. Оттуда плывут морем, ибо добраться до Венеции по суше нельзя; но море очень спокойное, не волнуемое ветром, и по этой причине в нем вылавливают множество рыбы всяких сортов».

Фузина, которую упоминает в своих «Мемуарах» французский хроникер XV–XVI веков Филипп де Коммин, — это селение на «твердой земле», расположенное на западе от Венеции. Именно туда обычно прибывали все, кто хотел добраться до Венеции. Там кареты приходилось оставлять и пересаживаться на лодки или на паром, чтобы переправиться через лагуну. Примерно так же в город можно было попасть через Местре (с северо-запада) и Кьоджу (с юга).

Изначально среди болот Венецианской лагуны было разбросано множество мелких островов — Мурано (Murano), Бурано (Burano), Торчелло (Torcello) и др. — и шесть десятков едва выступавших из воды островков архипелага, сгруппировавшихся вокруг излучины бывшей реки, которая превратилась в Большой Канал.

В последнее время население Венеции уменьшилось почти наполовину — с 108 тысяч до 64 тысяч человек. В самом деле, жить в вечно сыром промозглом городе с его сумасшедшими ценами на недвижимость стало практически невозможно. В XVIII же веке Венеция являлась густонаселенным (около 190 тысяч жителей по тем временам — это было очень прилично) и еще очень богатым городом, где было принято веселиться и, не думая, сорить деньгами. Венецианцам всех родов и сословий чужда была экономия, они предпочитали жить одним днем, ни в чем себя особо не ограничивая.

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«Расслабленные миром; более не вмешиваясь в интересы и споры вокруг себя; сохраняя перед лицом спорящих или дерущихся держав позицию сооруженного, а больше безоружного мира; проводя внешнюю политику любезности и учтивости; следуя внутренней политике снисходительности и попустительства; беседуя с послами, проживающими в ее дворцах, лишь о вздоре приятного ничегонеделания и как будто приобретя за весь свой долгий опыт лишь бесконечную недоверчивость и дипломатическую проницательность старика, Республика более не имеет другой истории, кроме истории счастливых народов».

Ален Бюизин («Казанова»):

«На самом деле XVIII век во многих отношениях — настоящий ренессанс, просто благодать после ужасающих несчастий века XVII: крупного экономического кризиса с 1620 года, страшной чумы 1630 года, унесшей за полгода 80 тысяч человек, падения Кандии 5 сентября 1669 года и потери Крита, самого последнего уголка чудесной торговой империи, которую основала Венеция на левантском побережье Средиземного моря, землетрясения 4 марта 1678 года, нанесшего значительный ущерб. После стольких страданий, проигранных войн, общего обеднения, эпидемий мрачного и зловещего XVII века век XVIII был пережит венецианцами как возрождение...

После суровых испытаний XVII века нужно наслаждаться жизнью, развлекаться, забавляться, смеяться, «карнавалить». Если венецианцы считают, что имеют право вести веселую и легкую жизнь, то не потому ли, что сознают: их история уже позади?»

Несмотря на все проблемы, знатные венецианские вельможи жили в шикарных палаццо на Большом Канале, с мраморными колоннами и внутренним убранством, стоимость которого смело можно назвать верхом расточительства. Там устраивались концерты, театральные представления, давались бесконечные балы и, конечно же, завязывались любовные интриги. Там пили, ели, играли в карты и кости. Никто и думать не желал о

завтрашнем дне. Представители более низких слоев населения, естественно, не обладали подобными хоромами, но, в своей общей массе, их жилища были вполне приличными — разве что они не находились в престижном центре города.

Филипп де Коммин («Мемуары»):

«Затем посадили меня на другие суда, которые они называли *пьятто* и которые гораздо больше первых; два из них были обиты алым атласом и застелены коврами, и в каждом из них помещалось сорок человек. Меня усадили между двумя послами (а в Италии почетно сидеть посередине) и провезли вдоль большой и широкой улицы, которая называется Большим Каналом. По нему туда и сюда ходят галеры, и возле домов я видел суда водоизмещением в 400 бочек и больше. Думаю, что это самая прекрасная улица в мире и с самыми красивыми домами; она проходит через весь город.

Дома там очень большие и высокие, построенные из хорошего камня и красиво расписанные, они стоят уже давно (некоторые возведены сто лет назад); все фасады из белого мрамора, который привозится из Истрии, в 100 милях оттуда; но много также на фасадах и порфира, и серпентинного мрамора. В большинстве домов по меньшей мере две комнаты с позолоченными плафонами, с богатыми каминами резного мрамора, с позолоченными кроватями, с разрисованными и позолоченными ширмами и множеством другой хорошей мебели. Это самый великолепный город, какой я только видел, там самый большой почет оказывают послам и иностранцам, самое мудрое управление и торжественней всего служат Богу. И если у них и есть какие-либо недостатки, то уверен, что Господь простит им за то, что они проявляют такое почтение к служению церкви».

Филипп де Коммин в своих «Мемуарах» отмечает суда *пьятто* (от итал. *piatto* — плоский). Так в Венеции назывались плоскодонные суда, предназначавшиеся в основном для разгрузки и погрузки других судов, стоявших на рейде. Называет он и галеры, а существовали еще и большие паромы (*targhetto*), и многие другие виды судов (Теофиль Готье, например, в своей книге об Италии использует термины «гондолы-омнибусы» и «барки»), без которых сообщение Венеции с материком («твердой землей» — *terra ferma*) было бы невозможно.

Дени де Лаэ-Вантеле («Описание Венецианской республики»):

«Зрелище сего города всегда удивительно; издалика кажется, что он наполовину погружен в воду, однако, по мере приближения, замечаешь, как из воды вырастают зачарованные дворцы, и ты уже не перестаешь восхищаться великолепием его построек и причудливыми изгибами его каналов, служащих улицами, отчего весь город делается единым водным лабиринтом».

Посол короля Людовика XIV Дени де Лаэ-Вантеле сравнивает Венецию со сказочным городом из страны фей. С точки зрения шевалье Луи де Жокура, Венеция не «вырастает из воды», а «качается на волнах», подобно адмиральскому флагману. Писатель XVIII века Анж Гудар называет Венецию «огромным каменным кораблем, который природа и человеческий гений удерживают на якоре вот уже тринадцать столетий». Лорд Байрон писал о Венеции, что ее дворцы «стремятся выйти на сушу».

Джордж Байрон («Паломничество Чайльд-Гарольда»):

«Морей царица, в башенном венце,
Из теплых вод, как Анадиомена,
С улыбкой превосходства на лице

Она взошла, прекрасна и надменна»².

Первое, что бросалось в глаза на венецианских узких улочках и площадях, — это причудливое смешение людей разных национальностей и общественных сословий. Богатые и бедные, патриции, представители церкви, средний класс и простой люд — все, как ни странно, прекрасно уживались друг с другом. Но так обстояло дело только на первый взгляд. На самом деле социальные барьеры конечно же существовали, а реальная власть была сосредоточена в руках немногочисленной местной знати. По сути, венецианские патриции являлись закрытой кастой, ревностно хранившей свои привилегии, доставшиеся им с древних времен, благодаря коммерческим манипуляциям, о которых не принято было вспоминать в приличном обществе.

Смешение больших масс людей всегда провоцирует преступность, нападения более бедных на более богатых. В Венеции имело место и это, причем если многочисленные наемные убийцы, о которых писали хронисты, остались в XVII веке, то банальное воровство и грабежи на улицах и даже в церквях стали весьма частым явлением. Городские власти пытались бороться с этим, освещая улицы фонарями, что должно было позволить запоздалым путникам спокойно попасть домой. Дело это было недешевое, но оно не всегда себя оправдывало.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«В 1758 году в городе было 1550 фонарей, и каждый вечер их надо было зажигать. Однако эффективность этих светильников сомнительна: известно, например, что январским вечером 1774 года будущий либреттист Моцарта Лоренцо да Понте, бродивший по улицам города в поисках любовных приключений, слугу своего, несмотря на «городские фонари», узнавал только по голосу».

Знаменитый венецианец Карло Гольдони вообще считал освещение Венеции лишь элементом ночного украшения города.

Карло Гольдони («Мемуары»):

«Я нашел, что венецианские фонари являются весьма полезным и приятным украшением города, тем более что освещение это нисколько не обременяет жителей, ибо все расходы на него покрываются одним лишним ежегодным тиражом лотереи».

Гораздо эффективнее фонарей решали проблему так называемые «повелители ночи», то есть дозорные, отвечавшие за ночную безопасность жителей Венеции, которые патрулировали улицы и устраивали регулярные облавы. Попавшегося в их руки преступника тащили на городскую площадь и подвергали позорному наказанию кнутом.

Во времена Казановы Венеция была разбита на семьдесят два церковных прихода. Естественно, некоторые из них считались хорошими, некоторые — не очень хорошими. В хороших приходах жили приличные люди, в них проходили главные торговые, культурные и политические события города. В них были сосредоточены лучшие гостиницы и трактиры. Например, в XVIII веке в Венеции было восемнадцать постоянных дворов, так вот из них одиннадцать были расположены возле моста Риальто, а семь — вокруг площади Сан-Марко. Не очень хорошими приходами были те, что находились на периферии Венеции.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

² Перевод В. Левика.

«В каждом квартале насчитывалось разное количество приходов: в Сан-Марко их было шестнадцать, а в Санта-Кроче — всего восемь. Общее же число приходов в Венеции у разных авторов разное: семьдесят согласно Франческо Сансовино, семьдесят два, если верить Монтескье или Казанове, семьдесят три — если принять за основу масштабный план, выполненный Никколо Уг и в 1729 году. Согласно последним данным, верным следует считать число семьдесят один. Приход является структурой, обеспечивающей социальную жизнь общества, он организован вокруг более или менее просторной площади (campo), форма которой может быть самой разнообразной. Площадь окружена лавками и жилыми домами, на ней непременно имеются общественный колодец и церковь. Приходские власти осуществляют непосредственное руководство повседневной жизнью населения, для которого приход значит гораздо больше, чем сестьере».

Сестьере (sestiere — в единственном числе и sestieri — во множественном) — так назывались и называются исторические районы Венеции. Всего их шесть, и о них будет сказано ниже. Приход — это совсем другое дело. Можно сказать, что приход в Венеции — это самостоятельный маленький городок, во многом напоминающий остров. Та же Франсуаза Декруазетт называет приходы «своего рода островами на острове».

Франческо Сансовино («Венеция — город очень благородный и своеобразный»):

«В каждом приходе имеется своя площадь со своими колодцами, общественными пекарням, винными складами, мастерскими портных, фруктовыми лавками, аптекарями, школьными учителями, продавцами дров, сапожниками и прочими ремесленниками; покинув территорию одного прихода и вступив на территорию другого, можно подумать, что ты покинул один город и приехал в другой».

В каждом приходе была и своя винная лавка — своеобразный центр общения, где любили собираться местные жители.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В каждом из семидесяти двух приходов города Венеции есть большой трактир, именуемый винной лавкой, где торгуют вином в разлив; эти лавки открыты всю ночь, и каждый пожелавший выпить идет туда, потому что цены там ниже, чем во всех прочих городских трактирах, где обычно к выпивке подают еду. Впрочем, в винной лавке также можно поесть, приказав принести себе еду из колбасной лавочки, каковая имеется в каждом приходе и тоже открыта почти всю ночь».

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«По традиции горожане приходили поболтать друг с другом в крохотные лавчонки, где продавали напитки (в основном вино) не самого лучшего качества, зато дешевые. Даже Казанова находит больше удовольствия в посещении этих лавчонок, нежели модных кофеен...

Аристократы отправлялись в лавки в поисках приключений. Пожелавшему выпить водки приходилось идти в иные места, например в Сан-Проволо, в трактир «Греческий мост», где в 1742 году стояло двенадцать спиртогонных кубов. В кофейнях можно было попробовать марочные вина, а также ароматизированные и иные экзотические напитки: сладковатое кипрское вино, в которое было принято макать бисквиты, крепкий сладкий ликер из цветов роз и апельсинового дерева, ракию, мальвазию. Желающие не только выпить, но и развлечься могли принять участие в игре или беседе. Там же можно было отведать шербетов, и в частности шербетов из ароматизированного молока».

Каждый приход имел свою церковь, свою колокольню и обязательно своего святого. Все дни этих многочисленных святых ежегодно праздновались, так что церковных праздников в Венеции было предостаточно.

Филипп де Коммин («Мемуары»):

«Я был поражен видом этого города со множеством колоколен и монастырей, обилием домов, построенных на воде, где люди иначе и не передвигаются, как на этих лодках, очень маленьких, но способных, думаю, покрывать и тридцать миль. Около города, на островах, в округе по меньшей мере в пол-лье, расположено около 70 монастырей, и все они, как мужские, так и женские, очень богаты и красивы и окружены прекрасными садами; и это не считая того, что расположено в самом городе, где монастыри четырех нищенствующих орденов, 72 прихода и множество братств; удивительное зрелище — столь большие красивые церкви, построенные на море».

При этом, как ни странно, венецианцы не отличались особой религиозностью, и это очень удивляло путешественников того времени, которым порой казалось, что местное население только и делает, что грешит, а потом замаливает грехи. К тому же венецианцы были очень суеверными, и Светлейшая республика всячески поощряла эти проявления, так что между Венецией и Ватиканом отношения были не самыми благоприятными.

По словам многих авторов, писавших о Венеции, ни один город в мире не любил так развлекаться.

Алвизе Баффо («Эротические произведения»):

«В Венеции царит такая веселость, там ведут столь приятную жизнь, что я думаю, во всем мире нет ничего подобного».

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«Те, кто не жили за десять лет до революции, не познали счастья жизни, утверждал Талейран. В Венеции, родине легкой жизни, создается впечатление, что счастье жизни всегда было гораздо большим, чем где-либо в другом месте».

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Как и везде, в Венеции любили веселье; однако, на наш взгляд, в XVIII веке там его любили больше, чем везде. Во время карнавала веселье и развлечения «били через край», карнавальные обычаи постепенно утрачивали свою значимость, уступая место бесчисленным развлечениям, не отягощенным традициями».

В самом деле, радость жизни ощущалась чуть ли не в самом венецианском воздухе, и ее мог вдохнуть любой желающий. Весь город пел. Пели гондольеры, пели рыбаки, пели дети и домохозяйки, идущие на рынок.

Карло Гольдони («Мемуары»):

«Поют на улицах, на площадях и на каналах. Торговцы поют, продавая свои товары, рабочие поют, возвращаясь с работы, гондольеры поют в ожидании своих господ. Основой венецианского характера является веселость, а основой венецианского говора — шутливость».

Карнавал в Венеции длился почти полгода (начиная с первого воскресенья октября). В этот период весь город надевал маски и буквально тонул в различных проявлениях пороков и наслаждений. Из всех уголков Европы в этот развеселый хаос стекались всевозможные авантюристы и любители острых ощущений. И даже им в Венеции начинало казаться, что мир сошел с ума.

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«В XVIII веке Венеция — зачарованный остров, розовый песок неведомой страны, светлый и безумный город маскарадов, серенад, переодеваний, развлечений, путешествий в золотой мишуре и с бумажными фонариками».

Своего наивысшего расцвета и наибольшего блеска венецианские карнавалы достигли именно в XVIII веке. Танцы на площадях и роскошные, шитые золотом и драгоценными камнями карнавальные костюмы тогда стали настоящими образцами высокой моды. При свете тысяч свечей и под покровом оригинальных масок все целовались друг с другом, изменяли законным мужьям и женам, а не совершить грехопадение в карнавальные дни и ночи, когда падала бдительность даже самой католической церкви, считалось просто неприличным. Чуть ли не на каждом углу здесь ревнивцы настигали своих соперников, и даже смерть во время карнавала считалась особенно почетной и желанной.

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«В тот момент, когда все думали, что она умерла, Венеция отбросила на весь мир совершенно новый отблеск. Потеряв всякое политическое значение, она родила самую оригинальную культуру в Италии. Она засверкала вновь и стала мировой столицей удовольствий».

Нынешние карнавалы в Венеции длятся лишь десять дней и не могут сравниться по размаху с праздниками XVIII века, но и в наши дни от ста до двухсот тысяч человек из разных стран мира приезжают сюда на карнавал, тратя огромные суммы денег и готовясь к этому по два-три месяца.

В XVIII веке восторг всеобщего праздника пьянил голову и богатым и бедным, и старым и молодым, и семейным, и холостым. Подобная атмосфера, похоже, специально была создана для таких людей, как Джакомо Казанова, которого автор великолепных биографий Стефан Цвейг назвал «блистательным шарлатаном, попавшим в пантеон творческих умов так же незаслуженно, как Понтий Пилат в Символ веры», а также «человеком, страстно преданным наслаждениям, типичным пожирателем мгновений, к тому же наделенным со стороны судьбы фантастическими приключениями, со стороны ума — демонической памятью, со стороны характера — абсолютной несдержанностью». Да, Джакомо Казанова чувствовал себя в этой атмосфере как сыр в масле.

Стефан Цвейг («Три певца своей жизни»):

«Он, Казанова, — Бог свидетель! — всегда облегчал себе жизнь, он не принес в жертву суровой богине бессмертия ни одного грамма своих радостей, ни одного золотника наслаждений, ни одного часа сна, ни одной минуты своих удовольствий: он ни разу в жизни не двинул пальцем ради славы, и все же она потоком льется в руки этого счастливица».

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«Есть счастье на земле!» — восклицал Казанова, когда у него все было хорошо, когда он любил и был любим, когда у него было много денег, чтобы тратить. Слава этого города и этой эпохи собрала «все счастье на земле», и он любил это счастье всей своей душой, всем своим духом, посвящал ему все свое естество... Если удовольствие и имеет своих героев, то именно здесь и в это время нужно было их искать».

В период карнавала местные власти разрешали жителям и гостям Венеции пользоваться небольшой маской, которая называлась баутта (bautta). В переводе это слово означает «костюм-домино», и венецианская баутта была подчинена строгому рисунку и

сочетанию двух цветов — белого и черного. Она состояла из белой атласной маски с резким треугольным профилем и глубокими впадинами для глаз. К маске прикреплялся кусок черного шелка, совершенно закрывавший нижнюю часть лица, шею и затылок. Чтобы человека вообще невозможно было узнать, на голову надевалась черная треугольная шляпа, отделанная серебряными галунами, а на туловище накидывался широкий черный плащ с черной же кружевной пелериной. Было положено надевать белые шелковые чулки и черные туфли с пряжками.

Эстебе Сальветре «Цивилизация: Венеция, Рагуза»:

«Известно, что маска в Венеции играла универсальную роль. Маска делала человека неприкосновенным. Обычай сделали маску священным талисманом, и правительство терпимо относилось ко всему, что не регулировалось законом, отдавая населению в обмен на свободу все то, что не могли разбудить благородные чувства. В городе, отличавшемся большой строгостью нравов, использования маски было достаточно, чтобы оправдать и прикрыть многочисленные беспорядки: таким образом, можно судить о ее важности в Венеции».

Все это позволяло, оставаясь инкогнито, заниматься всем, чем только душе угодно. А душа — властелин тела, и она, как известно, всегда жаждет любви. Под прикрытием же маски в любви падали классовые барьеры, исчезали какие-либо комплексы и невозможное становилось возможным.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Венеция покинула историческую сцену ради театральной. Она больше не вмешивается, не действует, она выставляет себя напоказ, лицедействует. Не случайно, что XVIII век породил великих мастеров городских пейзажей, с безумной скоростью плодивших свои полотна, те самые «ведуты»³, как для богатых патрициев, так и для иноземных, в основном английских, туристов, хотевших сохранить памятку о своей поездке».

Действительно, в Венеции насчитывалось множество театров, на представления которых очень трудно было попасть, ибо все места, даже самые неудобные, раскупались задолго до представления. На центральной площади Сан-Марко устанавливались импровизированные театральные подмостки, организовывались концерты, соревнования по борьбе и фехтованию, предлагались услуги гадалок, магов и астрологов. Здесь же приводились в исполнение и смертные приговоры, так как публичные казни в те времена считались неотъемлемой частью народных развлечений.

Местные богачи, жившие в летний период вне островной части, на время карнавала дружно возвращались в Венецию. Им необходимо было показать всем, какие они богатые. Это и понятно, ведь богатство никогда бы так не ценилось, если бы оно не доставляло удовольствия тщеславию. А посему повсеместно устраивались своеобразные соревнования: кто закатит самый шикарный праздник, кто потребит больше кофе и табака...

Ален Бюизин («Казанова»):

«Тратить дукаты, чтобы поражать нарочитой роскошью построек, коллекций, пиров и празднеств, спускать безумные деньги на игру, соблазнять и любить женщин всех сословий — вот основные занятия богатых венецианцев в XVIII веке. Джакомо Казанова в этом смысле — «продукт» своего города и своего века, с тем только (весьма значительным) отличием, что он ни благороден по рождению, ни

³ *Ведута* (veduta) — жанр европейской живописи эпохи Возрождения, представляющий собой картину, рисунок или гравюру с изображением городского пейзажа. В Венеции известнейшим представителем этого жанра был Каналетто.

богат. Его жизнь столь исключительна потому, что он играл роль богатого венецианца-космополита, никогда не обладая настоящим личным состоянием».

Действительно, в стране, где бедность и богатство всегда шествовали рядом, Джакомо Казанова был никем и ничем — внук вдовы сапожника, жалкий наследник умершего танцора и сын комедиантки, уехавшей за границу.

Но в Венеции были очень распространены азартные игры. Сам Казанова обожал это дело и часто проводил за карточным столом по двое суток подряд. Венецианцы играли в домах, на улицах, на церковных ступенях, в кафе, в борделях, но особенно в ридотти (*ridotto* — единственное число, *ridotti* — множественное), которые открыли еще в 1630 году.

Ридотто — так назывался открытый игорный дом, разрешенный правительством. Как правило, это было помещение, занимающее целый этаж и состоявшее из десятка комнат, где, несмотря на огромное скопление народа, царила исключительная тишина. Входить туда можно было только в маске. Частыми посетительницами подобных значных мест являлись не только куртизанки, но и замужние венецианские дамы.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Характерными заведениями для проведения досуга в Венеции становятся «ридотти» — игорные дома и «казини» — домики для развлечений, нередко загородные, где также велась игра, и кофейни. Число их неуклонно возрастало; многие из них размещались в помещениях театров или же поблизости от последних, так что театр начинал совмещать функции развлекательного заведения и места отдыха. Впрочем, игорные дома снискали популярность отнюдь не в XVIII столетии, а гораздо раньше. В Бассано «казини» существовали уже в XIII веке. В конце XVI века в зданиях Прокуратий насчитывалось уже три «ридотти», богато украшенных работами Тинторетто и Веронезе. На площади Сан-Марко, возле небольшой церквушки Сан-Джиминиано, находилось казино, посещавшееся академиками из филармонии, и там по заказам аристократов устраивались концерты, бывать на которых считалось хорошим тоном. В XVIII веке число развлекательных заведений в Венеции достигает максимума: в 1744 году там насчитывается сто восемнадцать игорных домов и залов, и это не считая просторного общедоступного игорного зала Ридотто. Основная часть этих залов расположена в квартале Сан-Марко, имеются казино возле Фондаменте нуове и возле церкви Санта-Мария Матер Домини в Санта-Кроче. Накануне падения Республики число игорных залов было равно ста тридцати двум, и это несмотря на единодушное осуждение игры и официальное закрытие в 1774 году общедоступного ридотто. Только в приходе Сан-Моизе в 1755 году насчитывалось семьдесят три игорных дома, принадлежавших нобилем и просто частным лицам, которые, по утверждению Градениго, содержали их «для личных нужд». В этих случаях речь шла, в сущности, о гостиных, где играли преимущественно знакомые хозяев дома. Слово «ридотто» означает «место сбора». «Казино», уменьшительное от слова «*casa*» (дом), подчеркивает малые размеры постройки и ее непригодность для повседневной жизни. Казино-домик задумывался как дополнительное место жительства. Приобретая казино, патриции, давно уже переставшие селиться в центре города, получали возможность приблизиться к месту своей деятельности и местам проведения досуга, расположенным в центральных районах. Дома, принадлежавшие богатым аристократам, имели несколько этажей, кухню, гостиные, спальню (иногда даже несколько), залы для игр и музыкальные залы. Убранство залов отличалось роскошью. Некоторые «казини» представляют собой настоящие маленькие дворцы. Их фасады отличаются изысканными украшениями, внутренний декор часто заказывался известным художникам. Здесь никогда не бывает рабочих кабинетов, это уютное жилище предназначено для общения, но не делового, а, к примеру, дружеского, интеллектуального, возвышенного, и, разумеется, для любовных встреч. В домике для свиданий, где Казанова познал поистине бессмертные мгновения любовной страсти, «пять комнат с изысканнейшей меблировкой» и с поваром английского

посланника в придачу сдавались на период с ноября по Пасху за шестьсот цехинов, и «все там было устроено так, что можно было беспрепятственно наслаждаться любовью, хорошей едой и предаваться сладострастным занятиям».

Дружеские компании часто снимали загородные домики, где устраивали банкеты по любому поводу, будь то выборы президента компании, женитьба или получение одним из друзей новой должности. В загородных «казини» проводили досуг и интеллектуалы: спорили об искусстве, литературе или философии. Почти повсюду играли, нередко по-крупному, и в конце концов игра стала отличительным признаком казино. Однако нельзя полностью отождествлять казино с игорным домом, ибо «маленькие домики» обладали гораздо большими функциями. В Ридотто Дандоло приходили играть, там даже имелись «зал вздохов», куда удалялись несчастные проигравшие, и зал для собраний, куда навевались прежние игроки, к старости порвавшие со своей страстью. Еще в нем была гостиная, где подавали кофе, шоколад, чай и блюда традиционной кухни: вино, хлеб, сыр, колбасы, фрукты; еду и напитки разносили молодые люди в зеленых ливреях».

Банк в ридотти могли держать только богатые патриции, но ставки делать мог любой желающий. При этом ридотти были не только игорными домами: это были настоящие центры типичной венецианской жизни. Здесь завязывались любовные интриги, здесь оттачивали свое мастерство разного рода авантюристы. Сюда, как в кафе, приходили после ученых заседаний, судебных сессий или просто на дружеский ужин.

В 1774 году Сенат постановил закрыть самый крупный общедоступный игорный зал, и уныние охватило всю Венецию. Один путешественник, ставший свидетелем этого события, писал тогда домой: «Все стали ипохондриками: купцы не торгуют, ростовщики-евреи пожелтели, как дыни, продавцы масок умирают с голода, и у разных господ, привыкших тасовать карты по десять часов в сутки, окоченели руки. Положительно пороки необходимы для деятельности каждого государства».

После того как игорные дома стали закрываться, богатые венецианцы поспешили в бордели. У каждого жителя города определенного уровня имелось свое место, где он мог принимать любовниц и куртизанок.

Кстати сказать, когда Венеция вела тяжелые войны с Турцией, денег, естественно, не хватало, и правительство изыскивало все новые и новые способы пополнить казну. В 1514 году Сенат решил обложить специальным налогом всех куртизанок. Согласно проведенной переписи, их оказалось около одиннадцати тысяч (!). Не правда ли, это дает представление о стиле жизни венецианцев, ведь население города очень редко превышало 150 тысяч человек.

Конечно, не все венецианки были куртизанками, но всем безумно нравилось развлекаться, флиртовать и изменять мужьям. Особенно этим отличались самые богатые. Замуж в те времена выходили только по расчету, и это только способствовало почти обязательному наличию любовника и сопровождающего кавалера.

В XVIII веке Венеция была, наверное, самым музыкальным городом Европы. Четыре женских монастыря превратились в Венеции в четыре превосходно организованные музыкальные школы. С тех пор слово «консерватория»⁴ стало применяться для названия любых музыкальных академий. Во главе этих консерваторий стояли лучшие композиторы того времени. Хор и оркестр состояли исключительно из девочек и девушек, одетых в белые платья, с цветами в волосах. Их выступления производили неизгладимое впечатление на путешественников.

Герман Кестен («Казанова»):

«На каждом углу стояла церковь, но прихожане приходили с игры и шли на

⁴ *Консерватория* (итал. conservatorio, от лат. conservo — сохраняю) — так в XVI веке называли приюты для сирот и беспризорных, где детей обучали ремеслам.

разврат. Более четырехсот мостов было простерто через сто пятьдесят каналов. Город на сотне островков посреди лагуны в четырех километрах от материка был кипучим предместьем Европы. Шулеры в масках встречались здесь с настоящими королями. Художники и матросы были замечательно живописны. На всех улицах и во всех театрах играли импровизированные комедии. Не только в ложах играли в азартные игры, но и в салонах, казино и кофейных домиках. Весь мир казался влюбленным.

С фальшивыми окнами, с бесчисленными причалами и гондолами, с никуда не ведущими переулками, с неожиданно открывающимися кулисами, с беззвучно закрывающимися потайными дверцами, с тысячами балконов и сотнями тайных ходов Венеция была раем авантюристов и влюбленных».

Часть третья

Пять этапов венецианской жизни Казановы

1725–1734

Улица Малипьери, где родился Казанова

Многотомные воспоминания Казановы, называющиеся «История моей жизни», начинаются с его рождения. Начнем с этого и мы.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Матушка произвела меня на свет в Венеции, апреля второго числа, на Пасху 1725 года».

Казанова родился в самом прославленном районе Венеции — в районе Сан-Марко (San Marco). Сан-Марко — это центральный из шести исторических районов (sestieri) Венеции. Он также включает в себя остров Сан-Джорджо-Маджоре.

Венеция разделена на шесть сестер: первый носит имя святого Марка, покровителя Венеции; второй именуется Кастелло (Castello), от названия бывшего замка Оливоло, стоящего подле острова Риальто; третий прозван Канале-Реджио или Каннареджио (Cannaregio), он назван так из-за тростника (canne), прежде произраставшего на этом самом месте. Эти три сестры расположены по одну сторону Большого Канала, который делит город на две части, соединенные между собой мостом Риальто.

Мост Риальто — это один из самых знаменитых мостов в мире. Первоначально здесь находился паром и подъемный мост Куарторола (так в те времена называлась находившаяся в обращении монета). В 1181 году архитектор Николо Бараттьери установил на этом месте мост на лодках. Потом был сооружен деревянный мост, но он разрушился во время одного из праздников под тяжестью огромной толпы. Вообще мост в этом месте неоднократно разрушался и восстанавливался.

После очередного разрушения в 1524 году начался сбор новых предложений по конструкции более надежного моста. Они поступали из разных концов Италии. Победившим в конкурсе вариантом и стал нынешний мост Риальто, выполненный архитектором Антонио да Понте из белого камня в виде единой арки длиной 28 метров.

Антуан Ронделе («Исторический очерк о мосте Риальто»):

«К несчастью для нас, мы сейчас знаем лишь имена архитекторов, конкурировавших между собой в столь важных обстоятельствах. Конкурс, который был открыт по поводу строительства моста Риальто, без всякого сомнения, предоставляет в этом смысле самую ценную коллекцию. Можно смело утверждать, что небольшое количество проектов, ушедших в забвение, полностью подтверждает ту известность, которую он получил в Европе».

Мост, дошедший в таком виде до наших дней, был построен в 1588–1592 годах. Он имеет посередине улицу для пешеходов, а по бокам — два ряда арок, в которых расположены торговые лавки, где всегда продавались шелк, ювелирные и кожаные изделия.

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Мост сделан из камней, привезенных из Истрии, и его построили за три года под руководством архитектора да Понте, создавшего проект. Мосту не хватает элегантности и вкуса, однако он впечатляет своей длиной и массивностью (и это все скомпоновано в одну арку), а также своей прочностью».

Карло Гольдони («Мемуары»):

«Этот мост имеет только одну арку, шириной в девяносто футов, настолько высокую, что это дает возможность пропускать под ней корабли и баркасы даже во время самого большого подъема воды; на нем целых три дорожки для пешеходов, и он поддерживает на своем сгибе двадцать четыре лавочки с жилищами, покрытые свинцовыми крышами».

Три других sestieri расположены по другую сторону канала: это Сан-Поло (San Polo), что включает в себя древний Риво-Альто; Санта-Кроче (Santa Croce), от названия церкви Ла-Кроче-ин-Луприо (так прежде назывался этот приход), и Дорсодуро (Dorsoduro), названный так по форме острова, который, вздымаясь подобно рифу, очертаниями своими напоминает спину.

Заметим, что во времена Казановы мост Риальто был единственным мостом через «главную артерию Венеции» — Большой Канал, длина которого составляет около четырех километров. Большой Канал изгибается в виде гигантской перевернутой буквы «S», проходя через самый центр Венеции.

Кроме моста Риальто, sestieri, находившиеся по обе стороны Большого Канала, соединялись переправами — таргетто (targhetto). Таргетто представляло собой большую гондолу с двумя гребцами, приспособленную для перевозки нескольких пассажиров. В XVIII веке в Венеции было двадцать два причала для таргетто.

Деление города на sestieri и сейчас не потеряло своего значения, но во времена Джакомо Казановы оно имело еще и такой очень важный смысл: главы sestieri входили в Совет при доже, а его состав был строго ограничен.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«В XVIII столетии sestiere как административная единица во многом утрачивает свою значимость, однако, символическое значение его по-прежнему велико. Sestiere тесно связаны с историей города, с мифом о его бессмертии, поэтому, когда победитель Республики Бонапарт пожелал вытравить из памяти венецианцев воспоминания о прошлом, то 15 мая 1797 года после создания Временного муниципалитета он предложил новое административное деление города. Венеция должна была быть поделена на восемь секций согласно роду занятий их жителей. Западный район Каннареджио, где были сосредоточены скотобойни, огороды, сады и виноградники, стал секцией Продовольствия. Кварталы вокруг церкви Иезуитов стали Воспитательной секцией; восточный квартал Кастелло, где находился Арсенал, разумеется, стал Морской секцией. Улицы, прилегающие ко Дворцу дождей и площади Сан-Марко, естественным образом стали секцией Законов, а западная часть квартала Сан-Марко, где сосредоточились театры, кафе и трактиры, стала секцией Зрелищ; западная часть Дорсодуро, где находились таможня, портовая зона и устье Большого Канала, вместе с Джудеккой превратилась в Торговую секцию, название Риальто было уничтожено, а квартал ремесленников Сан-Поло стал секцией Революции.

Наконец, та часть Дорсодуро, где проживали рыбаки, и часть Санта-Кроче были названы секцией Рыболовства. Вековые границы сестьере и их история были сметены с лица земли».

Для туристов район Сан-Марко — настоящее раздолье. Здесь сконцентрирована большая часть главных достопримечательностей города, включая центральный комплекс Сан-Марко, в который входят: площадь Сан-Марко, собор Святого Марка, Дворец дождей, колонны Сан-Марко, библиотека Сан-Марко, Лоджетта, Кампанила, Башня часов и т. д.

В западной части этого района, примерно в шестистах метрах от знаменитой площади, которую Наполеон называл «самым элегантным салоном Европы», находится огромная площадь Санто-Стефано (Campo Santo Stefano)⁵.

На этой площади в старину проводились бои быков и карнавальные торжества.

Сьюзи Болтон («Венеция»):

«Во время последней корриды, состоявшейся в 1802 году, несколько зрителей погибли под рухнувшей трибуной».

Сейчас площадь Санто-Стефано — это одно из главных в Венеции мест встреч, чему служит местный «памятник Пушкину» — бронзовая фигура писателя XIX века Никколо Томмазо. Помимо приятных, хотя и недешевых кафе, на площади есть и более современное место встреч — открытый круглосуточно интернет-центр «Net House».

В юго-западной части площади высится дворец Пизани (Palazzo Pisani), выходящий на Большой Канал. Теперь это Венецианская консерватория.

В северо-восточной части площади стоит церковь Санто-Стефано (Santo Stefano).

Первоначально она была построена в XIII веке для монахов-отшельников ордена Святого Августина. Потом, в XIV и XV веках, она перестраивалась. Церковь выполнена в типичном готическом стиле. В 1544 году верхняя секция 60-метровой колокольни обрушилась после удара молнии, повредив соседние здания. Колокольня была восстановлена и в настоящее время имеет характерный наклон.

Самая красивая часть церкви — портал со стороны переулочка. Внутри церковь просторная, с живым, не тронутым современными коммерческими веяниями духом. Особой формы деревянный свод церкви напоминает днище корабля; бронзовая бляха в полу — надгробие адмирала Франческо Морозини, последнего героя морских сражений Венеции. Справа от алтаря дверь в сакристию, где хранятся три поздних работы великого Якопо Робусти, более известного как Тинторетто: «Моление о чаше», «Омовение ног» и одна из «Тайных вечерь». За первые два с половиной века ее истории церковь шесть раз секуляризировали (то есть переосвящали) из-за крови, которая проливалась в ее стенах.

Церковь Санто-Стефано интересна еще и тем, что в ней можно увидеть работы Бартоломео Виварини и многих других художников. Гробницы и фрагменты убранства церкви выполнены Пьетро Ломбардо, Туллио Ломбардо и Антонио Кановой. Вход в церковь идет через резной готический портал работы Бартоломео Бона.

Если пойти от площади Санто-Стефано на запад, то можно выйти к церкви Сан-Самуэле (San Samuele).

Между площадью Санто-Стефано и церковью Сан-Самуэле находится улица Малипьеро (Calle⁶ Malipiero). На ней, если идти от площади, с правой стороны можно увидеть дом, где 2 апреля 1725 года родился Джакомо Казанова — самый знаменитый венецианец, сын актеров соседнего театра.

⁵ Это удивительно, но площадь Сан-Марко — единственная площадь Венеции, которая называется piazza. Все остальные площади, уступающие ей по размерам или находящиеся перед храмами, называются сатро.

⁶ Calle (ит.) — то, что в других итальянских городах называется via (улица).

В начале XVIII века улица, на которой родился Казанова, называлась улицей Комедии (Calle della Commedia), а свое нынешнее название она получила по имени венецианского патриция, сенатора Альвизо-Гаспаро Малипьеро (1664–1745).

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«У меня был большой дар смешить, не смеясь самому, которому научился я у господина Малипьеро, первого моего наставника. «Если хочешь вызвать слезы, — говаривал он, — надобно плакать самому, но, желая насмешить, самому смеяться нельзя».

Об этом человеке, которого Казанова называет своим первым наставником, мы еще подробно расскажем, но это будет позже. Пока же отметим, что точное место рождения Джакомо Казановы неизвестно. Правда, на доме № 3082 по улице Малипьеро можно увидеть указание на то, что здесь «родился Джакомо Казанова», однако эта памятная табличка была установлена на этом доме сравнительно недавно. С тех пор выяснилось, что родился «блистательный шарлатан» вовсе не в этом доме, а в каком-то из домов, расположенных поблизости, но адрес достопримечательности решено было не менять, чтобы не путать туристов.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Если захотеть действительно понять Джакомо Казанову, нужно обязательно погулять подольше по этому невзрачному кварталу со скромными узкими переулками, темными и переплетенными друг с другом, над которыми отныне восстало во всем своем эстетско-коммерческом великолепии отреставрированное палаццо Грасси. Нужно пройти по улице Комедии, выходящей на площадь Сан-Самуэле, на которой мраморная доска, установленная заботами городского турбюро, напоминает прохожим (которые, кстати, никогда здесь не ходят) о рождении знаменитого венецианца: «В одном из домов на этой улице 2 апреля 1725 года родился Джакомо Казанова». Нужно было родиться в темном и тесном переулке этого бедного квартала, чтобы до такой степени возжелеть яркой пышности европейского космополитизма и роскошного величия королевских дворов».

Церковь Сан-Самуэле, где крестили Казанову, и театр Сан-Самуэле, где играли родители Казановы

Мать Джакомо Казановы звали Мария-Джованна Фарусси, и она была дочерью простого сапожника, выбившейся в актрисы театра Сан-Самуэле (San Samuele), принадлежавшего богатому семейству Гримани. Она родилась в Венеции в 1707 году. Поступив на работу в театр, она взяла себе псевдоним Дзанетта Фарусси.

Ее мужа звали Гаэтано Казанова. Он родился в Парме в 1697 году и, приехав в Венецию в 1723 году, тоже поступил в театр Сан-Самуэле танцором.

Как видим, Казанова и его родители были, что называется, «из простых». Впрочем, есть и иные мнения, которые, однако, не имеют под собой никакой серьезной доказательной базы.

Луи-Габриэль Мишо («Универсальная старинная и современная биография»):

«Его предки происходили из Испании и принадлежали к семейству Палафокс. Но, лишенный этих блестящих корней, его отец (Гаэтано) был сначала танцором, потом — актером, а потом женился на дочери сапожника, имя которого было Фарусси. Джакомо Казанова был старшим из их детей».

Почти триста лет назад, как и сейчас, район театра Сан-Самуэле был скромным,

непримечательным местом. Это не мешало, впрочем, театру быть одним из главных городских театров (теперь на его месте находится школа). Для его труппы писал живший по соседству знаменитый автор «Трактирщицы» и «Слуги двух господ» Карло Гольдони (он родился в Венеции 25 ноября 1707 года), и он в своих воспоминаниях достаточно лестно отзывался о Дзанетте Фарусси.

Карло Гольдони («Мемуары»):

«В этой труппе было две актрисы для интермедий. Одна была вдовой, очень красивой и талантливой, ее звали Дзанетта Казанова, и она играла молодых любовниц в комедиях; вторая не была комедианткой, но обладала прекрасным голосом. Ее звали мадам Аньес Амюра, я ее использовал в Венеции для исполнения серенад. Эти две женщины не знали ни одной ноты, но все они имели вкус, четкий слух, отличную выучку, и публика была довольна».

Впрочем, принц Шарль-Жозеф де Линь, выходец из знатного бельгийского рода и австрийский фельдмаршал, хорошо знавший Казанову, называет его сыном «плохенькой комедиантки из Венеции». Конечно, принято говорить, что о вкусах не спорят и каждый имеет право на свое собственное мнение, но, с другой стороны, на основе частных мнений формируется так называемое общественное мнение, и нет мнения зловреднее, чем оно. Между определениями «талантливая» и «плохенькая» — пропасть. По всей видимости, и в этом вопросе истина лежит где-то посередине между этими крайними точками.

Италия XVIII века отличалась огромным разнообразием театральной жизни, и ни в одной стране Европы не было тогда такого количества театров, как в Италии.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«В противоположность утверждениям многочисленных путешественников, в Венеции XVIII века театры отнюдь не заменяют храмы, хотя по сравнению с другими европейскими городами она действительно занимала первое место по числу зрительных залов. Но, по сравнению с концом XVII века, число театров уменьшилось почти наполовину».

Увлечение театром было велико во всех городах Италии, и бродячие актерские труппы разъезжали из города в город. Но в Венеции увлечение театром достигало просто невероятных размеров. В XVII веке, например, в Венеции было создано семнадцать театров. В XVIII веке некоторые из них были разрушены, некоторые отстроены вновь, и их стало четырнадцать, что, согласитесь, тоже очень много. Четыре театра были оперными, три — драматическими, а в остальных работали приезжие труппы. Заметим также, что в это число не входили многочисленные частные театры Венеции, которые заводили в своих палаццо богатые аристократы.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«В 1760 году Венеция со своими 150 тысячами жителей прочно занимает третье место среди городов Италии по численности населения: впереди только Неаполь и Рим. Конечно, до Лондона или Парижа, где уже в конце XVII века проживало более 500 тысяч человек, ей далеко, однако в Европе не так уж много городов, население которых превосходило бы население Венеции. Несмотря на эпидемию чумы 1630 года, после которой численность населения упала до 100 тысяч человек, то есть до уровня конца XVI века (в 1582 году в городе проживал 404 871 человек, а в 1586 году — 148 637 человек), городское население довольно быстро увеличилось вновь. Тем не менее рост его в XVIII столетии практически прекратился. В промежутке между 1760 и 1770 гг. город потерял более 8 тысяч человек, в 1770-м число его жителей было равно 141 000, а к концу 1790-го остановилось на цифре 137 603».

Четырнадцать театров на сто сорок тысяч зрителей! Показатель потрясающий. Для сравнения: в это же время в Париже, где населения было почти в пять раз больше, в середине XVIII века было всего три театра.

Венеция всегда была городом не только театров, но и завязанных театралов. Любая новая пьеса, дебют актера или актрисы — все это было для Венеции событиями первостепенной важности. Соперничество двух театров или двух драматургов вырастало здесь до масштабов государственной важности.

Венецианские театры в подавляющем своем большинстве назывались именами святых: театр Сан-Кассиано, театр Сан-Бенедетто, театр Сан-Джованни Кризостомо, театр Сан-Самуэле, театр Сант-Анджело, театр Сан-Лука и т. д.

Старейшим был театр Сан-Кассиано, который открылся в 1637 году и стал первым ярусным театром Европы.

Самым красивым и оборудованным из венецианских театров до середины XVIII века считался театр Сан-Джованни Кризостомо (театр Святого Иоанна Златоуста), построенный в 1678 году. Этот театр сохранился до сих пор, правда в перестроенном и обновленном виде, и носит название театра Малибран (Teatro Malibran).

В 1755 году в Венеции был открыт театр Сан-Бенедетто — самый нарядный в городе. В этом театре давались роскошные балы по случаю приема знатных особ. Наиболее пышное празднество в этом театре было организовано в 1782 году по случаю посещения Венеции «северными князьями», то есть наследником российского престола, будущим императором Павлом I и его супругой Марией Федоровной. Сцена театра была превращена в роскошный зал, украшенный большими зеркалами, на ней стоял стол, за которым сидели восемьдесят знатных венецианских дам...

Драматическими театрами были Сан-Самуэле (открыт в 1655 году), Сант-Анджело (открыт в 1676 году) и Сан-Лука (открыт в 1661 году), позже переименованный в «Театр Гольдони». Знаток Венеции аббат Москини приводит другие данные о театре Сан-Самуэле.

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Он был основан в 1747 году по проекту братьев Маури. Потом он оставался закрытым несколько лет, а когда его окончательно открыли, он был расписан Антонио Пелланди».

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Театры вели между собой настоящую войну. Когда в 1748 году Гольдони переходит из Сан-Самуэле в Сант-Анджело, в Сан-Самуэле в качестве автора подражают некоего аббата Кьяри, плодовитого сочинителя стихотворных опусов, предназначенных в основном для женской части общества. Яростное соперничество между Гольдони и Кьяри породило множество интриг и поистине бесчисленное количество листовок, так что в спор сей вынуждены были вмешаться Государственные инквизиторы, которые, усмотрев в нем подходящий повод, установили театральную цензуру».

Все венецианские театры имели покровителей из числа представителей знатнейших родов — Микель, Гримани, Венье, Джустиниани и др. В этом списке Гримани занимали особое место.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Крупными театральными антрепренерами являются представители древнего патрицианского рода Гримани. В XVII столетии Гримани строят не менее трех театров: Сан-Джованни-э-Паоло, Сан-Самуэле (для которого Гольдони работает с 1734 по 1743 г.) и Сан-Джованни Кризостомо. Микеле Гримани, которого Гольдони считал «любезнейшим человеком в мире... патрицием по

происхождению и уважаемым за свои таланты», являлся владельцем театра Сан-Джованни Кризостомо, куда в 1737 году Гольдони пришел в качестве управляющего. Также по инициативе Гримани основан театр Сан-Бенедетто, разместившийся в доме, купленном Гримани у семьи Венье».

Но фактические владельцы театров не руководили их работой, а лишь сдавали их в аренду антрепренерам. Антрепренеры получали от зрителей плату за вход, а состоятельные люди покупали абонементы в ложи, вмещавшие от восьми до десяти человек (в ложи подавались кофе и мороженое). Плата была невысокая: посещение серьезной оперы стоило чуть дороже, комедии — чуть дешевле. Простые зрители стояли в партере, желавшие сидеть платили двойную цену.

В зрительном зале венецианских театров сохранялась полутьма, он освещался только двумя площадками с маслом, прикрепленными к деревянным шестам, расположенным над оркестром. Зрители приносили с собой свечи и держали их в руках, свечами зрителей же освещались и ложи. Сцена, напротив, была ярко освещена.

В настоящее время единственным сохранившимся в Венеции оперным театром XVIII века является театр Ла-Фениче (Teatro La Fenice), построенный в 1792 году, чтобы заменить собой театр Сан-Бенедетто, который сгорел в 1774 году. Отсюда происходит и его название «Ла-Фениче», что по-итальянски означает «Феникс» (птица, способная возродиться из пепла).

Театр этот, находящийся на площади Сан-Фантин (Campo San Fantin), много раз реконструировался: в 1854 году, в конце Первой мировой войны, в 1939 году... В январе 1996 года он вновь был закрыт на ремонт, так как в нем произошел пожар, который его практически полностью уничтожил. Городское начальство сочло это преднамеренным поджогом. К счастью, уже в 2004 году эта замечательная сцена открылась вновь.

Венчание «прекрасной и весьма талантливой» актрисы театра Сан-Самуэле и танцора того же театра Газтано Казановы состоялось 24 февраля 1724 года в церкви Сан-Самуэле в присутствии епископа Пьетро Барбариго.

Джакомо родился через тринадцать месяцев после этого. Его крестили в церкви Сан-Самуэле.

Сан-Самуэле — это очень древняя церковь, перестроенная примерно в 1000 году. За столько столетий она дважды была уничтожена пожарами и после этого реконструирована. В 1685 году она снова почти полностью была восстановлена. Обычно она закрыта, но внутри нее есть частично восстановленные фрески XV века, которые имеет смысл посмотреть (церковь открывают, только если там проходит продолжение выставки в палаццо Грасси).

На первых порах жизнь Казановы часто соприкасалась с этой церковью. Там он был не только крещен, там, отучившись в Падуе и получив сан аббата, он прочитал свою первую проповедь.

Герман Кестен («Казанова»):

«Он был дитя любви и нелюбимым ребенком. У него было два отца, один бедный и законный, а другой незаконный и богатый; ни один о нем не заботился. У него была юная прелестная мать, делавшая карьеру на сценах и в постелях, от Лондона до Дрездена, но этого ребенка она отдала чужим людям, как только ему исполнился год; с того времени он более никогда не жил с нею вместе. У него было пять братьев и сестер, а он рос как сирота».

Казанова был нелюбимым ребенком?

Действительно, уже через два года после рождения Джакомо мать бросила его и уехала на гастроли в Лондон. Там она стала любовницей принца Уэльского и родила еще одного ребенка. На этом основании некоторые биографы предполагают, что брат Казановы Франческо является незаконнорожденным сыном короля Англии Георга II из династии Ганноверов, правившего в 1727–1760 годах. Но вероятность этого практически равна нулю.

У Казановы было два отца?

Дзанетта очень ловко, почти до девяти месяцев, скрывала, что вынашивает первенца. Причем она не посвящала в это даже своего законного супруга. Объяснить это несложно: особого актерского таланта в ней, похоже, не наблюдалось, зато все остальное было очень большим и очень убедительным. В результате добрейшая Дзанетта не могла отказать никому, поэтому, если бы был объявлен конкурс на право зваться отцом ее ребенка, между немалым числом претендентов завязалась бы самая нешуточная борьба.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и Гаэтано Казанова отличался своим свободным нравом в гораздо большей степени, чем актерскими и какими-либо другими талантами.

У Казановы было пять братьев и сестер?

Действительно, у Дзанетты Фарусси было шесть детей: помимо Джакомо, это были Джованни, Фаустина-Магдалена, Мария-Магдалена-Антония, Гаэтано и Франческо.

Фаустина-Магдалена скоропостижно умерла, когда ей было пять лет. Джованни стал художником, директором Академии художеств в Дрездене, Гаэтано — священником; Мария-Магдалена-Антония — танцовщицей Дрезденского оперного театра.

Франческо Казанова родился 1 июня 1727 года в Лондоне, куда Дзанетта Фарусси отправилась играть в итальянской комедии. Он был учеником Франческо Симонини и Джованни-Антонио Гварди, обучался живописи в Париже и стал известным художником-баталистом. В 1761 году его избрали в члены Французской королевской академии. Это ему Екатерина Великая заказала картины, посвященные русским победам над турками, одна из которых хранится в Эрмитаже.

Помимо баталлий, Франческо Казанова рисовал также пейзажи, животных и жанровые сцены во вкусе старинных голландцев. Его произведения, встречающиеся в галереях Парижа, Вены, Лондона и других столиц мира, полны жизни и весьма эффектны. В русском Эрмитаже можно увидеть его работы «Корова на пастбище», «Бык на пастбище» и «Стадо, перешедшее через ручей».

Под конец жизни Франческо Казанова переселился в Вену, где и умер 8 июля 1803 года.

Заметим, что в свое время Франческо Казанова был очень знаменит. Кстати, до самой смерти Джакомо Казанову называли «братом того самого Франческо Казановы». Зато в наши дни никто и не помнит имени такого художника, как Франческо Казанова, зато все знают о похождениях его старшего брата...

Палаццо Гримани, принадлежавшее возможному отцу Казановы

Некоторые биографы Казановы не без оснований полагают, что его подлинным отцом был венецианский дворянин Микеле Гримани.

Герман Кестен («Казанова»):

«Джакомо был дитя театра, — и мать, и оба отца вышли оттуда. Джованна, которую в семье звали Дзанетта, а в театре — ла Буранелла, девушка из Бурано, была дочерью сапожника Фарусси. Она поспешно вышла за актера Гаэтано Казанову, который жил напротив и похитил ее пятнадцатилетней. Они обвенчались против воли родителей у патриарха Венеции (27 февраля 1724 года). Она изменила ему с директором своего театра, нобилем Микеле Гримани, и принесла ребенка. Это случилось через тринадцать месяцев после свадьбы».

Итак, Микеле Гримани (1697–1775). Этому человеку в год рождения Казановы было двадцать восемь лет. Он происходил из очень обеспеченной и благородной венецианской семьи, а в 1748 году его избрали сенатором. Помимо этого, он был владельцем театра Сан-Самуэле, где работали Дзанетта Фарусси и Гаэтано Казанова.

Ален Бюизин («Казанова»):

«В 1782 году Казанова издал у Модесто Фенцо роман-ребус, озаглавленный «Ни любви, ни женщин, или Вычищенные конюшни», из-за которого, кстати, был вынужден отправиться в изгнание. В этом романе он дает понять, что на самом деле он — побочный сын богатого патриция Микеле Гримани, сенатора, хозяина великолепного дворца Гримани на углу Руга Джуффия и Рио ди Санта-Мария-Формоза, прославившегося своей роскошной коллекцией произведений искусства, и владельца не менее трех театров — Сан-Самуэле (где играли его отец и мать), Святого Иоанна Златоуста и Сан-Бенедикто. Правду сказать, могущественное семейство Гримани вездесуще во время детства и отрочества Казановы. Брат Микеле, Алвизе Гримани, стал строгим и властным опекуном Джакомо. Три брата Гримани — Микеле, Алвизо и Дзуане — будут рядом с супругой и детьми у одра умирающего отца. Разглядел ли Казанова в этом постоянном покровительстве, порой навязчивом и неудобном, признание в скрываемом родстве? Вообразил ли он, что Микеле Гримани обладал неким «правом господина» в отношении актрис, служащих в его театре? Выдумал ли он небольшой семейный роман со всеми полагающимися тайными любовными приключениями и побочными детьми, чтобы в своем воображении найти себе гораздо более презентабельного и достойного отца? Смазливая актриса, обрюхаченная знаменитым венецианским сенатором, — это уже совсем другое дело! Разве не поговаривают тут и там, что его брат Франческо, второй сын Гаэтано и Дзанетты, родившийся в Лондоне в 1727 году, — плод трудов принца Уэльского, будущего Георга II? Не говоря уже о Гаэтано, его втором брате, родившемся в 1734 году, уже после кончины его отца! Почему аббат Гримани однажды заговорил с его матерью о том, чтобы «наделить вотчиной» эту бездарь, чтобы того можно было посвятить в протодьяконы, а затем в священники... тогда как в отношении его самого никаких подобных разговоров не велось? Почему брату такое преимущество, тогда как Джакомо одно время тоже прочили в священники? Подобное предпочтение — уже косвенное признание родства. Заметив, что Джакомо приходил в ярость и отчаяние, когда при нем упоминали о его брате, «которого он считал лишь за сводного», Фелисьен Марсо подумал, уж не решил ли Казанова, отличавшийся живостью ума, «нимало не сомневавшийся в законности собственного происхождения и, будучи убежден в том, кто именно был отцом его брата, распространить отцовство Гримани и на самого себя?»

В любом случае семейство Гримани сыграло важную роль в судьбе Казановы, и к этому мы еще вернемся. А пока же отметим, что жили братья Гримани в палаццо Гримани (Palazzo Grimani), который и сейчас стоит на канале Рио-ди-Сан-Лука (Rio di San Luca), в точке впадения последнего в Большой Канал.

Изначально этот дворец был построен для дожа Антонио Гримани (1434–1523), отличившегося в боях с Османской империей. После его смерти, в 1532–1569 годах, дворец последовательно перестраивался наследниками дожа, сначала Витторе Гримани, Генеральным прокуратором города, затем Джованни Гримани, кардиналом и патриархом Аквилейским. Предположительно подряд на заказ последнего выполнял знаменитый архитектор Микеле Санмикели. Окончательно дворец был закончен в 1575 году Джованни Рускони.

Дворец этот состоит из трех частей и небольшого заднего дворика. Из этого дворика идет парадная лестница, ведущая на парадный этаж, где размещается главный зал дворца. Джованни да Гриджи после смерти Санмикели по просьбе заказчика достроил четвертый и пятый этажи, без которых здание напоминало триумфальную арку. В результате получилось одно из самых красивых палаццо Венеции, фасад которого украшен разноцветным мрамором. В настоящее время в здании палаццо Гримани располагается венецианский апелляционный суд.

Улица Монахинь, где Казанова жил у своей бабушки

Первые восемь лет своей жизни Джакомо Казанова, брошенный родителями, жил у своей бабушки Марции Фарусси. Рос он слабым и болезненным, и вспоминать об этом периоде своей жизни ему явно не нравится.

Ален Бюизин («Казанова»):

«В его памяти не сохранилось ничего от первых восьми лет, проведенных в Венеции в доме бабушки Марции Фарусси, на улице Монахинь, рядом с Большим Каналом и церковью Сан-Самуэле со старой колокольной XII века в венецианско-византийском стиле, увенчанной пирамидальным шпилем, покрытым позеленевшими от времени свинцовыми листьями».

Дом бабушки находился на бывшей улице Монахинь (иногда ее именуют Calle dei Preti, или улица Священников). Ныне эта улица называется Калле-делле-Мунеге (Calle delle Muneghe). Улица эта проходит параллельно площади Сан-Стефано, в двух шагах от улицы Малипьеро.

Гаэтано Казанова умер, когда Джакомо было восемь лет. Дедушка, сапожник Джироламо Фарусси, умер еще до замужества дочери. Получается, что фактически бабушка заменила Джакомо и мать, и отца, и всех прочих родственников.

Марция Фарусси примирилась с замужеством дочери, узнав об обещании Гаэтано Казановы не понуждать свою супругу подниматься на сцену. Такие обещания всегда дают женящиеся актеры, но они никогда их не выполняют, в том числе и потому, что их жены сами не настаивают на верности данному слову. Впрочем, Дзанетта Фарусси вполне могла быть довольна своей судьбой, сделавшей ее актрисой: она была очень востребована, постоянно гастролировала, в том числе и в Санкт-Петербурге, ведя при этом весьма беспорядочный образ жизни и рожая детей.

Бабушка любила внука и заботилась о нем, но мальчик не был счастлив. Его детство было молчаливым и одиноким. Очень болезненный от рождения, он страдал частыми кровотечениями из носа, которые лишали его последних сил. Все жалели маленького Джакомо, но никто не старался его развивать, полагая, что он все равно скоро умрет.

Герман Кестен («Казанова»):

«Его детство было отвратительным. До девятого года жизни он болел. Думали, что он вскоре умрет, и не обращали на него внимания. Нищета продолжалась всю юность. Если вдуматься, у него была ужасная жизнь, какую едва бы вынес другой».

Лишь бабушка, когда Джакомо исполнилось восемь с половиной лет, отвезла его на остров Мурано.

Сьюзи Болтон («Венеция»):

«Остров Мурано (иногда его называют «малой Венецией») состоит из островков, разделенных каналами и соединенных мостами. На самом деле его нельзя сравнить с историческим городом, хотя здесь есть свой Гранд-канал, несколько сохранившихся старинных дворцов и красивая венето-византийская базилика. В XVI веке остров был местом развлечений знатных венецианцев, с виллами, садами и фонтанами. Его население составляло до 30 000 человек; теперь оно сократилось до 8000».

Дело было промозглым октябрьским утром 1733 года. В узкой черной гондоле бабушка и внук пересекали широкий канал, отделявший Венецию от острова. Было видно, что мальчику очень страшно очутиться за пределами родной Венеции, и женщина вынуждена была время от времени склоняться над ним и шептать:

— Не бойся, мой Джакомо! Главное — не бойся! Тебя вылечат, я совершенно в этом

уверена.

Гондола наконец подошла к острову Мурано, окутанному серой дымкой, и пристала к берегу рядом с великолепной старинной церковью Санта-Мария-э-Донато.

— Подождите нас! — приказала пожилая дама двум гондольерам. — Мы можем задержаться!

Герман Кестен («Казанова»):

«Бабушка повезла его в гондоле на остров Мурано в жилище ведьмы с черной кошкой на руках и пятью кошками вокруг. Ведьма уговорила ребенка не бояться и заперла его в сундук».

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Малыш Джакомо, запертый в темном ящике, перестал кричать, сжался в комочек и, ни жив ни мертв, стал ждать нападения неведомого врага. Но ничего не произошло, если не считать того, что раздался оглушительный шум, в котором смешались пение, крики, мяуканье, топот ног, звон тамбурина, плач и даже хохот. Слушая этот дьявольский концерт, мальчик лихорадочно припоминал обрывки молитв: он не сомневался, что попал в ад!»

Герман Кестен («Казанова»):

«Потом ведьма освободила ребенка, раздела и положила на постель, сожгла корешки и, снова одев с заклинаниями, дала пять сахарных облаток и приказала под страхом смерти молчать обо всем».

За все это колдунья получила от бабушки Казановы серебряный дукат. Она сказала, что кровотечения теперь прекратятся. Наставив мальчика подобным образом, она еще предупредила его, что следующей ночью к нему придет одна прекрасная дама и его благополучие также зависит от того, сможет ли он удержаться и сохранить в тайне это посещение. С этим Джакомо и его бабушка возвратились домой.

Едва очутившись в постели, Джакомо сразу же заснул, но через несколько часов что-то разбудило его.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Я увидел — или вообразил, что вижу, — спускающуюся от каминной трубы ослепительную женщину в великолепном, на широком панье, платье. Корона на ее голове была усеяна камнями, рассыпавшимися, как показалось мне, огненные искры. Величаво, медленно поплыла она к моей кровати и присела на нее. Что-то приговаривая, она извлекла из складок своего одеяния маленькие коробочки и высыпала их содержимое мне на голову. Из ее долгой речи я не понял ни слова. Наконец она нежно поцеловала меня и исчезла тем же путем, каким и явилась. И я сразу снова уснул».

Назавтра бабушка вновь стала говорить Казанове о молчании, которое он обязательно должен хранить о событиях прошедшей ночи. Она была единственным существом, которому мальчик безгранично верил и чьи приказания он исполнял слепо. Что же касается тех, кто произвел его на этот свет, то они никогда толком и не разговаривали с ним.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«После поездки на Мурано и ночного визита феи кровотечения уменьшались день ото дня, и так же быстро пробуждалось мое сознание. Меньше чем за месяц я выучился читать».

Воспоминания об этом чудесном исцелении никогда не покидали Казанову. Более того,

он на всю жизнь усвоил, что женщина способна творить чудеса, что она всемогуща. Для обучения Джакомо бабушка выбрала ему в наставники человека по имени Баффо. К несчастью, ее выбор пал на весьма игривого поэта, чьи на редкость непристойные сочинения далеко не всем рекомендовалось читать. В результате Казанова под его руководством выучился не только читать и писать, но заодно усвоил и основы более причудливых «наук», получив на всю жизнь склонность к магии, оккультизму, игре, вину и женщинам.

А в 1734 году, когда Казанове исполнилось девять, его отправили в Падую (в самой Венеции образовательных учреждений, включая начальные школы, не было вообще). Произошло это благодаря следующим обстоятельствам.

За два дня до смерти, чувствуя приближающуюся кончину, Гаэтано Казанова пригласил к себе господ Гримани, чтобы попросить их не оставить его семью своим покровительством. Братья Гримани поклялись ему в этом. И это именно они взяли на себя миссию подыскать для Джакомо хороший пансион в Падуе.

За несколько дней пансион был найден, и 2 апреля 1734 года Казанова и аббат Гримани погрузились на лодку и отплыли в Падую. Там мальчика поселили в пансионе у доктора Гоцци, который дал ему хорошее среднее образование и уроки скрипки.

На этом, собственно, и закончился первый венецианский этап жизни Джакомо Казановы.

1740–1743

С 1734 по 1740 год Казановы не было в Венеции.

За это время он успел стать первым учеником у доктора Гоцци, которому он помогал исправлять работы своих тридцати одноклассников. Сестра господина Гоцци, Беттина, тринадцати лет, сразу же понравилась маленькому Джакомо. Она бросила, как говорил сам Казанова, в его сердце первые искры той страсти, которая впоследствии им завладела полностью. А еще Казанова изучил логику Аристотеля, небесную систему Птолемея, выучил латынь и немного греческий, освоил игру на скрипке.

На Пасху 1737 года в Падую из Санкт-Петербурга приехала мать Казановы, но ненадолго, вскоре она вновь уехала на гастроли в Дрезден (ее контракт с театром был пожизненным). Джакомо довольно равнодушно расстался с ней.

После прощания с матерью Казанова поступил в университет Падуи, где завел дружбу со всеми не самым благопристойным образом известными студентами: игроками, пьяницами, драчунами и развратниками. В их обществе он быстро научился держаться легко и свободно. Вскоре он сам начал играть и наделал кучу долгов.

Узнав об этом, его бабушка приехала в Падую и забрала Джакомо назад в Венецию.

Герман Кестен («Казанова»):

«В пятнадцать лет Казанова увидел родной город Венецию словно впервые. Тысячелетняя патрицианская республика жила в зеркальном свете ушедшего величия... С фальшивыми окнами, с бесчисленными причалами и гондолами, с никуда не ведущими переулками, с неожиданно открывающимися кулисами, с беззвучно закрывающимися потайными дверцами, с тысячами балконов и сотнями тайных ходов Венеция была раем авантюристов и влюбленных».

Вернувшись, он принял постриг и поступил на службу в уже известную нам церковь Сан-Самуэле.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Он приехал из Падуи, где изучал право» — эта формула моего представления в обществе, едва произнесенная, сразу привлекала ко мне молчаливое внимание равных мне по возрасту и по положению, одобрительные

слова отцов семейств и ласковую доброжелательность старых женщин, за которых очень хотели бы сойти и более молодые, чтобы иметь законную возможность поцеловать меня, не нарушая приличий. Настоятель прихода Сан-Самуэле отец Тозелло представил меня монсеньеру Корреру, патриарху Венеции; тот тонзуровал меня, и по его особому благословению я через четыре месяца получил все четыре степени младшего клира. Радость моей бабушки была неопишима».

Современному читателю в приведенной цитате не все может быть понятно. Например, что такое «тонзуровал»? Тонзура (от лат. tonsura — стрижка) — это выбритое место на макушке. В католицизме оно было знаком принадлежности к духовенству. Обязательная тонзура была отменена лишь в 1973 году. Клер — это духовенство как особое сословие Церкви, отличное от мирян. Начиная с IV века в христианских государствах клер получил определенные права и привилегии (десятина, бенефиции и церковное вознаграждение). В свою очередь, церковная власть предъявляла к клиру определенные требования, например — принятие celibата (безбрачия) для высших ступеней клира. Членами клира становились лица, прошедшие обряды пострижения и посвящения. В современной Римско-католической церкви к клиру принадлежат только священнослужители: диаконы, пресвитеры и епископы.

Казанове не было и шестнадцати, а он не только стал священнослужителем, но и в декабре 1740 года даже самостоятельно прочитал в церкви Сан-Самуэле проповедь.

Герман Кестен («Казанова»):

«Джакомо произнес проповедь в церквучке Сан-Самуэле на тему строфы Горация. Проповедь ли, или молодой проповедник так понравились, но служба нашел в чаше для подношений 50 цехинов⁷ для молодого проповедника и — к возмущению благочестивых — много любовных записочек. Казанова уже собирался стать властелином кафедр. Не был ли он для этого слишком тощим?»

В интересах своего нового поприща Казанова каждый день ходил к священнику, и все кончилось тем, что он влюбился в его прекрасную племянницу Анджелу. К сожалению (для Казановы, конечно), чересчур разумная девушка не отвечала ему ни малейшей взаимностью, Джакомо же хотел получить свое сейчас и сразу, а посему посчитал себя «жертвой коварных женщин».

После этого фиаско отвергнутый Казанова возбудил интерес подруги Анджелы, шестнадцатилетней Нанетты, а потом и ее пятнадцатилетней сестры Мартины. Они были сиротами, приемными дочерьми графа Саворгана, в доме которого жил Казанова.

Что же касается карьеры молодого священника, то она, к сожалению, разрушилась уже на второй проповеди. Виной тому послужил сытный обед с обильным принятием внутрь доброго красного вина. Казанова поднялся на кафедру с багровым лицом и принялся что-то горячо доказывать прихожанам, но вскоре упал в пьяный обморок и покорно дал вынести себя из храма.

Палаццо Малипьеро, где Казанова изучал венецианское общество

Служа в церкви Сан-Самуэле, Казанова жил в доме, где скончался его отец. Его сестра и младшие братья остались жить с бабушкой, которая проживала в своем доме и

⁷ Цехин (итал. zecchino от zessa — монетный двор) — золотая монета, чеканившаяся в Венеции с 1284 года до упразднения Венецианской республики в 1797 году. Обиходное название монеты — дукат. После того как в 1543 году в Венеции стали чеканить серебряную монету, также называемую дукатом, золотая монета стала называться цехином. Вес и качество монеты, чеканившейся из золота 997-й пробы, оставались неизменными на протяжении пятисот лет, что способствовало широкому распространению цехинов. Венецианский серебряный дукат был равен восьми лирам, золотой цехин — двадцати двум лирам. Кроме Венеции, цехин чеканили также Лука, Генуя, Рим, Болонья, а также Великое герцогство Тосканское и Австрия для подвластной ей Ломбардии.

намеревалась там и умереть, чтобы встретить смерть в том же месте, где ее встретил ее муж.

Хотя главным покровителем Казановы считался господин Гримани, он довольно редко видел его. Но отец Тозелло представил юношу господину Альвизо-Гаспаро Мальпьеро.

Герман Кестен («Казанова»):

«Священник Тозелло ввел его в палаццо богатых сенаторов Мальпьеро».

Господину Мальпьеро было шестьдесят два года. Он был сенатором, удалившимся от государственных забот. Он счастливо жил в своем прекрасном палаццо, любил и умел хорошо поесть и собирал по вечерам изысканное общество, которое составляли дамы, сумевшие отлично попользоваться своими лучшими годами, и мужчины, наделенные тонким умом и прекрасно осведомленные обо всем, что происходило в городе.

Знакомство с таким человеком можно было считать большой удачей.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Дворянами являются те, кого, согласно изменению, внесенному в конституцию в 1297 году, причислили к «сеньорам, коими они отныне будут считаться и в городе, и во всем государстве морском и сухопутном». В конце XVI века благородные сеньоры составляют 4,5 % всего населения, в 1642 году — 3,7 %. В 1766 году процент аристократов снижается до 2,5 и остается на таком уровне вплоть до 1797 года».

К несчастью, этого богатого холостяка по несколько раз в году настигали жесточайшие приступы подагры. Но голова, легкие и желудок бывшего сенатора при этом оставались здоровыми. Красавец, гурман и сластена, он обладал великолепным знанием жизни и типично венецианским остроумием.

Казанова стал бывать на его вечерних собраниях, и там господин Мальпьеро объяснил юноше, что в этом обществе поживших дам и мудрых стариков он может почерпнуть гораздо больше, чем из всех философских книг вместе взятых. Он изложил Казанове правила, необходимые для того, чтобы, несмотря на его столь неподходящий возраст, быть принятым в этом обществе. Правила эти заключались в следующем: молодой человек должен был только отвечать на вопросы и особенно не высказывать своего мнения ни на какой предмет, потому что в его лета собственного мнения быть не может. Следуя указаниям господина Мальпьеро, Казанова неукоснительно соблюдал правила, и очень скоро ему удалось не только заслужить уважение сенатора, но и стать любимчиком всех дам, посетительниц сенаторских вечеров.

Таким образом, неудавшийся аббат переключил свое внимание на светские радости. Вскоре ему удалось так очаровать господина Мальпьеро, что тот сделал Казанову своим фаворитом.

Во дворце господина Мальпьеро часто проходили великолепные балы — именно то, что было нужно молодому авантюристу.

Палаццо Мальпьеро (Palazzo Malipiero), где проживал почтенный сенатор Мальпьеро, находится рядом с площадью, лежащей перед хмурым фасадом церкви Сан-Самуэле. Если от этой площади сделать несколько шагов в сторону палаццо Грасси (Palazzo Grassi), можно выйти на кампьелло⁸ Фелтрина (Campiello Feltrina), где стоит розовое готическое здание дворца Мальпьеро.

Здание дворца было построено в X–XI веках. В Средние века оно служило своеобразной ведомственной гостиницей — домом для приезжих из города Фельтре. Некий Катерино Мальпьеро купил здание в 1590 году. Потом в нем была произведена реконструкция, и оно приобрело вид настоящего дворца.

⁸ Так в Венеции называются маленькие площади.

Напомним, что именно здесь, на улице, носящей имя Малипьеро, чуть в стороне от палаццо Малипьеро, родился Джакомо Казанова.

Постоянно бывая в палаццо Малипьеро, бывший аббат Джакомо Казанова быстро стал любимцем дам разного возраста и положения. Те доверяли ему свои секреты, посвящали в женские тайны, просили сопровождать в поездках. Вскоре Казанова стал вхож в лучшие аристократические дома Венеции. Но его прежде всего интересовали женщины, ведь он был еще так молод.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Знакомство с дамами, которых принято называть *comme il faut*, побудило меня еще больше обращать внимание на свою внешность и заботиться об эlegantности моего наряда, чем настоятель и моя бабушка были очень недовольны. Однажды, отозвав меня в сторону, настоятель со сладкой улыбкой сказал мне, что в пути, который я себе выбрал, больше заботятся о том, чтобы Богу нравилась душа, а не миру — внешность».

Но остановиться Джакомо Казанова уже не мог. В результате запах духов и пудры, шелест платьев и чарующие взгляды — все это пленило юношу и определило всю его дальнейшую жизнь.

Стефан Цвейг («Три певца своей жизни»):

«Он болтает как будто вполне непринужденно, но, бравируя, этот хвастун бросает направо и налево взоры хищной птицы, наблюдая за произведенным впечатлением. Да, все заняты им: он ощущает сосредоточенное на нем любопытство женщин, чувствует, что он вызывает изумление, уважение, и это делает его еще смелее».

Герман Кестен («Казанова»):

«Малипьеро, беззубый подагрический холостяк, который «отрекся от всего, кроме себя», любил молодежь за ее талант к счастью. Он заботился о молодых и учил их... У Малипьеро уже были две любимицы. Августа, пятнадцатилетняя дочь гондольера Гардела, писаная как на картине, позволяла хитроумному старцу на пути к счастью учить себя танцам. Прелестная и причудливая семнадцатилетняя Тереза, дочь директора театра и любовника Дзанетты Казановы, за его деньги была ученицей в театре. Ее мать, старая актриса, ежедневно утром вела ее к мессе, а после полудня к Малипьеро. Однажды при матери и Казанове Малипьеро просил Терезу о поцелуе. Тереза отказала, так как утром приняла причастие и Господь, наверное, еще не покинул ее тела. Мать Терезы выбрала жадного старца.

Каждый день Казанова был свидетелем подобных эротических сцен...

Сенатор советовал вместо Аристотеля читать Гассенди, проповедника счастья и ученика Эпикура. Казанова не должен высказывать в обществе какие-нибудь взгляды, он слишком юн, чтобы иметь их. Малипьеро позволил ходить на свои званые вечера, где прекрасные дамы сидели рядом с остроумными философами красоты. Так Казанова изучил и хорошее и плохое общество Венеции».

Однако вскоре случилось то, что и должно было случиться: молодой Казанова попал в немилость к своему покровителю. Он излишне сблизился с одной из фавориток старого сенатора и был застигнут врасплох.

Герман Кестен («Казанова»):

«Хотя Джакомо никогда прежде не ухаживал за Терезой, в обоих неожиданно проснулся непреодолимый естественный интерес к различным частям тела обоих полов, и они витали как раз между тихим разглядыванием и

ощупывающим исследованием, когда тычок в спину Джакомо тотчас прервал пикантные поиски истины. Несправедливый, как бог, Малипьеро замкнул для Казановы свою дверь, а для Терезы свои поцелуи».

В ответ молодой нахал крикнул:

— Вы избили меня, разгневавшись, и потому вы не можете похвастаться тем, что преподали мне урок. Поэтому я не желаю у вас ничему учиться. Я могу простить вас, если только забуду, что вы мудры, но этого я никогда не забуду...

Светскую карьеру Казановы в Венеции на этом можно было считать законченной.

Семинария Сан-Киприано, откуда отчислили Казанову

После этого Казанова оказался в семинарии доминиканского монастыря Сан-Киприано (San Cipriano). Семинария эта находилась на острове Мурано, а это было равно практически ссылке из города.

В семинарии Казанова оказался в марте 1743 года, и попал он туда не без содействия господина Микеле Гримани.

Герман Кестен («Казанова»):

«Гримани посоветовался со священником Тозелло и сунул Джакомо в семинарию Сан-Киприано на острове Мурано. Джакомо надел наряд семинариста. Вероятно, у Гримани были наилучшие намерения. Но даже в старости Казанова с яростью замечает, что он до сих пор не знает, был ли его опекун Гримани «добр по глупости или глуп по доброте». Нельзя нанести остроумному молодому человеку более мрачного удара, чем сделать его зависимым от дураков».

Остров Мурано — это была ссылка. Где теперь молодому и горячему Казанове было искать настоящей любви? Но, как ни странно, он нашел ее и в монастырской семинарии. Она не замедлила появиться в лице молоденького семинариста, с которым Казанова повадился вместе читать Горация и Петрарку. Видимо, днем для чтения времени не хватало, и усердные семинаристы продолжали изучать поэзию ночью, лежа в одной постели. Естественно, их вскоре «застукали».

Утром «любители поэзии» предстали перед ректором семинарии и получили по семь ударов розгами.

Герман Кестен («Казанова»):

«Казанова поклялся перед распятием, что невиновен и что будет жаловаться патриарху. Его заперли в келье. На четвертый день священник Тозелло привез его в Венецию, где и оставил, сообщив, что Гримани приказал вышвырнуть его, если он появится».

Теперь у Джакомо Казановы не было ничего, кроме костюма аббата, чрезмерных амбиций и собственного тела.

Форт Сант-Андреа-ди-Лидо, куда заточили Казанову

А в апреле 1743 года Казанова оказался в заточении в форте Сант-Андреа-ди-Лидо (Forte St. Andrea di Lido).

Лидо — это полоса суши (практически остров) длиной около одиннадцати километров, которая образует защитный барьер между Венецианской лагуной (Венецией) и морем.

Массовая застройка на Лидо началась лишь в XIX веке, а до этого здесь было лишь несколько укрепленных фортов.

Форт Сант-Андреа-ди-Лидо — один из них — был спроектирован известным

архитектором Микеле Санмикели. Он был построен в XVI веке, где-то между 1535 и 1549 годами, на островке Виньоле (Vignole) с целью охраны главного входа в лагуну. Форт этот сильно страдал от воздействия морской воды, а посему его часто реставрировали. Именно здесь, напротив форта Сант-Андреа, венецианский дож ежегодно в день Вознесения бросал в воду золотое кольцо, символизирующее единство Венеции и моря.

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Двое полицейских доставили Джакомо в крепость Сант-Андреа, куда в Венеции имели обыкновение отправлять чрезмерно ловких или чересчур дерзких юношей».

Попал Казанова в форт не случайно. Его отправили туда на перевоспитание за темную историю с имуществом господина Гримани, которое Казанова умудрился продать без согласия на то хозяина.

На самом деле все произошло так. 18 марта 1743 года умерла любимая бабушка Казановы. Эта удивительная женщина не смогла оставить внуку ничего, ибо все, что было в ее возможностях, она отдала внуку при жизни.

Через месяц после ее смерти Казанова получил письмо от матери. Она писала, что, не имея никаких видов на возвращение в Венецию, решила отказаться от найма дома, о своем решении она известила господина Гримани, и теперь Казанова должен соотносить свое поведение с его указаниями. Сам же господин Гримани теперь мог распоряжаться недвижимостью по своему усмотрению, а Джакомо, его братьев и сестру он должен был поместить в хороший пансион.

Но дом был оплачен до конца года. Зная, что к тому времени он останется без жилья, а вся обстановка будет распродана, Казанова пустился во все тяжкие: он продал постельное белье, ковры, фарфор, потом приступил к зеркалам, мебели и т. д. Прекрасно понимая, что это не вызовет одобрения окружающих, Казанова считал, что все досталось ему в наследство от отца, а следовательно, его мать не имеет на это никаких прав.

Господин Гримани, естественно, имел на все происходящее совершенно иную точку зрения.

Арест Казановы произошел следующим образом: ничего не подозревавший Казанова пошел в библиотеку при соборе Святого Марка.

Здание библиотеки, в которую шел Казанова, — это сооружение того же архитектора Сансовино (с 1529 года он был главным архитектором Венецианской республики), который является автором Большой колокольни на площади Сан-Марко, Монетного двора и множества скульптур на площади Сан-Марко.

С Пьяццетты в здание библиотеки ведут три парадных входа. Ее интерьеры украшены росписями Тициана, Тинторетто и Веронезе.

Что касается ее содержимого, то великий Франческо Петрарка, считавший, что публичные библиотеки надо создавать в каждом городе, поскольку именно они являются распространительницами гуманистических идей, завещал собору Святого Марка свою прекрасную библиотеку, с которой он не расставался даже в путешествиях, однако с условием, что в нее будет допущена публика.

На выходе из этой прекрасной во всех отношениях библиотеки Казанова был остановлен солдатом и силой затащен в гондолу. В гондоле уже находились Антонио Рацетта, доверенное лицо господина Гримани, и офицер.

Герман Кестен («Казанова»):

«Через полчаса гондола пристала к форту Сант-Андреа-ди-Лидо на выходе в Адриатику...

Комендант майор Пелодоро дал ему красивую комнату на первом этаже с видом на море и Венецию и три с половиной лиры — недельное жалованье солдата. Впервые в жизни Казанова стал заключенным.

Однако внутри крепости он был свободен. Комендант приглашал его к ужину. К местному обществу принадлежали также красивая невестка коменданта и ее муж, знаменитый певец и органист в соборе Святого Марка, который, ревнуя свою жену, заставил ее жить в крепости. Джакомо, спросив о причине ареста, три часа подряд рассказывал свою историю так весело и откровенно, что все смеялись и предлагали свои услуги».

В форте Казанова занимался тем, что помогал местным гражданам писать различные прошения. И вот однажды к нему пришла красивая гречанка с прошением военному министру.

Герман Кестен («Казанова»):

«Джакомо обещал написать прошение, и так как она была бедной, то заплатила милому молодому человеку той самой маленькой любезностью, и еще раз в полдень, когда получила прошение, и еще раз вечером, когда она появилась то ли сделать исправление, то ли потому что вошла во вкус. Через три дня испуганный Джакомо заметил печальные последствия».

Короче говоря, по выражению Жана-Дидье Венсана, «красавица смогла заплатить лишь своим сердцем», а в те времена «сердца быстро находили контакт с телами, и тело гречанки оказалось достаточно красивым, чтобы Казанова нашел такую плату приемлемой». Кончилось все тем, что он подхватил от гречанки не очень приятное заболевание.

Жан-Дидье Венсан («Казанова. Заражение удовольствием»):

«И вот Джакомо получил оплату, а через три дня это отозвалось ему дурной болезнью».

Тогда врачи не смогли определить ее название (термин «гонорея» появился лишь в 1879 году), но прописали любителю сомнительных удовольствий шесть недель строгого поста и холодные ртутные примочки. Шесть недель лечения и диеты, как уверяет сам Казанова, восстановили его.

Жан-Дидье Венсан («Казанова. Заражение удовольствием»):

«Женщина, когда он по наивности высказал ей свои претензии, ответила ему со смехом, что заплатила ему тем, что имела, и он сам должен был заботиться о предохранении».

Поправившись, Казанова решил отомстить Антонио Рацетте, которого считал виновником не только своего заточения, но и вообще всех своих проблем. Для этого он договорился с лодочником, привозившим в форт провиант, и тот с наступлением ночи тайно отвез его на Рива-дельи-Скьявони (Riva degli Schiavoni), то есть на большую набережную канала Сан-Марко, идущую от Дворца дождей до Арсенала. Оттуда Казанова в плаще лодочника пошел к церкви Сан-Сальваторе (San Salvatore), что находится рядом с мостом Риальто, и попросил содержателя кофейни показать ему дом Рацетты.

На следующую ночь Казанова взял с собой палку и стал ждать в подворотне между домом Рацетты и близлежащим каналом.

Герман Кестен («Казанова»):

«В четверть двенадцатого, степенно шагая, появился Рацетта. Первый удар Джакомо нанес по голове, второй — по руке, а третьим свалил его в канал».

В полночь Казанова уже был у себя в комнате в форте Сент-Андреа, лег в постель и вдруг начал орать как резаный, хватаясь за живот. Часовой солдат побежал за доктором, тот пришел и прописал лечение. Таким нехитрым образом Казанова обеспечил себе алиби: он

якобы был болен и никак не мог в это время находиться в Венеции.

Герман Кестен («Казанова»):

«Рацетта, у которого был сломан нос, разможжена рука и выбито три зуба, пожаловался на Казанову военному министру. Через три дня прибыл комиссар с судебным писцом. Капеллан, лекарь, солдат и многие другие, которые ничего не знали и не слышали, поклялись, что видели Казанову в форте до полуночи. Рацетте было отказано, и он должен был оплатить судебные издержки. Казанова добился встречи с военным министром и восемь дней спустя был освобожден».

После этого самым разумным для Казановы было покинуть Венецию.

Свою последнюю ночь в Венеции он провел в обществе своих двух молодых подруг, Нанетты и Мартины. Позже он жаловался, что они не научили его в жизни ничему, что они были слишком бескорыстны по отношению к нему и слишком счастливы. По всей видимости, корысть и несчастье он считал лучшими учителями.

Наутро он вышел на Пьяццетту и в лодке венецианского посланника Андреа да Лецци, который по просьбе господина Гримани взял его на борт, отправился в путь до Анконы.

Джакомо Казанова был молод и счастлив. Подумав, что делать дальше, он решил поступить на военную службу. Так закончился второй венецианский этап его жизни.

1745–1748

Поняв, что он не имеет ни малейшей склонности к военной карьере, Казанова сбросил военный мундир и в октябре 1745 года вновь приехал в родную Венецию.

Никого из бывших друзей и покровителей он не нашел. Его бывшие подруги повыходили замуж и не желали его больше видеть. Сестра Казановы уехала к матери в Дрезден, а брат Франческо находился в форте Сант-Андреа, где копировал батальные картины по заказу одного майора, закадычного друга Антонио Рацетты.

На следующий день Казанова посетил военное министерство, и за полчаса все было улажено. Казанова с Франческо поселились в одной меблированной комнате. Наш герой решил взяться за профессию игрока в карты. Через восемь дней он проиграл все.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Чтобы жить, надобно было выбрать род занятий, и я решил попытаться поддержать свое существование игрой, но госпожа Фортуна рассудила иначе: через неделю я спустил все, чем располагал. Что было делать? Я вспомнил о профессии скрипача. Когда-то аббат Гоцци неплохо обучал меня игре на этом инструменте, я вполне мог пикировать в театральном оркестре. С помощью Гримани я стал оркестрантом в театре Сан-Самуэле, где зарабатывал экую в день в ожидании лучших времен. Оценивая себя беспристрастно, я понимал, что мне вряд ли придется теперь бывать в таких домах, куда я был вхож в прежние, до моего падения, времена. Что же! Меня могли считать шалопаем, но я плевал на это; меня могли презирать, но меня утешало то, что сам я не считал себя достойным презрения. Теперешнее положение после тех блестящих ролей, какие мне выпадало играть, было унижительным; но хотя я и мог его стыдиться, оно меня не принижало полностью: Фортуна на этот раз отвернулась от меня, но я не терял надежд на ее благосклонность в будущем, ибо я был молод, а эта ветреная богиня почти никогда не отказывает молодости».

Итак, Джакомо Казанова стал скрипачом в театре Сан-Самуэле, где работали раньше его отец и мать.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Какое падение — в оркестровую яму! Пускай Казанова храбрится, заявляя, что зарабатывает достаточно (экую в день!), чтобы содержать себя сам, ни к кому не обращаясь за помощью («Счастлив тот, кто может похвалиться, что он самодостаточен», — сентенциозно пишет он), он чувствует себя пристыженным и униженным. Что случилось с аббатом, уверенным в том, что быстро сделает карьеру и деньги, или с военным, так гордившимся своим красивым мундиром? Не имея права на малейшее уважение со стороны сограждан, чувствуя себя даже предметом всеобщего осмеяния, он плывет по течению, становится «откровенным бездельником».

Герман Кестен («Казанова»):

«Привлекательный, здоровый, талантливый, знающий, развитый, он стал второсортным скрипачом, после того как представлялся своим знакомым доктором обоих прав, священником, секретарем римского кардинала и офицером. Так много банкротств в двадцать лет делало его смешным. Он кончил там, где могли бы начать даже неуклюжие. Его честолюбие дремало.

Как и его товарищи, после спектакля он шел в кабак и в бордель. Они дрались с гуляками и ложились с женщинами, не заплатив. Они отвязывали гондолы у берега, по ночам посылали акушеров к благородным дамам, которые не были беременны, они посылали священника для последнего причастия к молодоженам, звонили, как на пожар, в колокола домов и церковных башен, на площади Сант-Анджело свалили мраморный памятник...»

Спас Казанову от самого печального конца счастливый случай.

Палаццо Соранцо, где Казанова выступал в качестве скрипача

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В половине апреля 1746 года сеньор Джироламо Корнаро, старший сын в семье Корнаро делла Реньо, сочетался браком с девицей из дома Соранцо на площади Сан-Поло, и я имел честь присутствовать на этом торжестве... в роли деревенского скрипача. Я был среди многочисленных оркестрантов, игравших на балах, которые давались в течение трех дней в палаццо Соранцо».

Площадь Сан-Поло (Campo San Polo) — это вторая по величине площадь Венеции после площади Сан-Марко. Сейчас здесь все отдано детям, катающимся на велосипедах и на роликах, а в XVIII веке здесь проходили турниры, бои быков, ярмарки и празднества.

Самым красивым дворцом на этой площади является розовый готическое палаццо Соранцо (Palazzo Soranzo), о котором пишет Казанова.

Палаццо Брагадин, где жил покровитель Казановы

Луи-Габриэль Мишо («Универсальная старинная и современная биография»):

«Едва достигнув восемнадцати лет, он уже побывал в Риме, Неаполе, на Корфу, в Константинополе; он последовательно был студентом, доктором, публицистом, проповедником, семинаристом, аббатом, дипломатом и военным... Школа несчастий началась для Казановы неожиданно, от отчаяния он стал скрипачом в одном из театров Венеции. Потом он случайно спас жизнь сенатору Брагадину и стал его фаворитом».

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«После всяческих бесчинств в компании друзей, таких же распутников, как он сам (по ночам они терроризируют почтенных обывателей Венеции), удача делает Казанове знак. Имя удачи — Брагадин, пятидесятилетний холостяк патриций. Обстоятельства: у Брагадина, сажающегося в гондолу, приступ апоплексии. Джакомо, случайно оказавшийся рядом, старается помочь, доставляет больного в его дворец, вмешивается, видя, что его плохо лечат, сам выдает себя за лекаря, включается в игру. Фортуна указывает ему путь».

Эта случайная встреча круто повернула ход жизни Джакомо Казановы в Венеции. Произошла она сразу после выступления в палаццо Соранцо, когда на третий день, к концу праздника, за час до рассвета, усталый до изнеможения, Казанова бросил свое место в оркестре и отправился домой.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Спускаясь по лестнице, я увидел человека, судя по красной мантии, сенатора, намеревающегося сесть в гондолу. Вынимая из кармана платок, он незаметно для себя обронил письмо. Я поспешил подобрать его и вручил сенатору находку. Он поблагодарил меня, спросил, где я живу, и предложил место в своей гондоле. Предложение было как нельзя кстати, я поклонился и был посажен на скамью слева от сенатора. Едва мы отчалили, он попросил меня встряхнуть его левую руку: он что-то перестал ее совсем чувствовать, я дернул его за руку изо всех сил, но тут же еле слышным голосом он сказал, что теперь онемела вся левая половина и что он умирает. Я отдернул полог, свет фонаря осветил его: лицо перекошилось, он действительно выглядел умирающим. Я крикнул гондольерам, чтобы они немедленно высадили меня, надо было найти хирурга и сделать кровопускание сенатору. Едва гондола успела коснуться набережной, я выскочил из нее и кинулся в ближайшее кафе, там мне указали адрес хирурга. Чуть ли не разбив ударами кулака дверь дома, я разбудил его и потащил, не дав ему времени снять ночной халат, к умирающему. В то время как врач делал свое дело, я разорвал на компрессы и бинты свою рубашку. Приказав лодочникам налечь на весла, я через несколько минут доставил сенатора к его дому на Санта-Марина. С помощью проснувшихся слуг мы вынесли его из гондолы, перенесли в дом и положили на кровать в спальне. Он был почти без признаков жизни. Приняв на себя роль распорядителя, я послал слугу привести как можно быстрее врача. Явившийся эскулап одобрил принятые мною меры и произвел второе кровопускание. Считая себя вправе остаться подле больного, я расположился рядом с его ложем в ожидании, когда ему потребуются моя помощь. Через час, один за другим, появились два патриция, друзья больного. Оба они были очень встревожены и, узнав от гондольеров о моей роли в оказании помощи сенатору, подступили ко мне с расспросами. Я рассказал обо всем случившемся, они выслушали, и поскольку они даже не поинтересовались узнать, кто я, я скромно промолчал об этом. Больной был недвижим, и только дыхание выдавало, что он еще жив. Ему сделали припарки и послали за священником, который, казалось, был необходим в этом положении. По моему настоянию все другие посещения были запрещены, и мы втроем остались в комнате умирающего до утра. Там же нам подали в полдень обед, довольно вкусный, который мы и съели, не отходя от кровати. Вечером старший из двух патрициев сказал мне, что, если у меня есть дела, я могу идти, потому что они останутся на всю ночь в комнате больного. «И я, господа, — отвечал я твердым голосом, — проведу всю ночь в том же кресле, потому что если я отойду от больного, он непременно умрет; я знаю, что, пока я рядом с ним, жизнь его в безопасности». Это решительное заявление заставило их не только с удивлением, но и с уважением посмотреть на меня. Мы поужинали, и после ужина я узнал от этих господ (хотя я их и не расспрашивал ни о чем), что их друг — сенатор, младший брат прокурора Брагадина и носит ту же фамилию».

Этого человека звали Маттео-Джованни Брагадин. Он родился в Венеции в 1689 году и был в городе знаменитым человеком, принадлежавшим к одному из самых старинных венецианских семейств. Его старший брат Даниэле действительно был прокурором, а сам Маттео Джованни был сенатором Республики и членом Малого Совета.

Биографы Казановы подсчитали, что его встреча с 57-летним сенатором Брагадином произошла 29 апреля 1746 года.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Наш сенатор был знаменитый человек в Венеции. Он славился как своим красноречием и большим талантом в государственных делах, так и галантными приключениями в молодости. Много безумств совершил он ради женщин, да и они тоже натворили немало ради его красоты, элегантности и обходительности. Он много играл и много проигрывал и имел в лице своего брата злейшего врага, который даже обвинял его перед Советом Десяти в попытке отравления. Дело это слушалось несколько раз и было прекращено ввиду полной невиновности младшего брата. Однако столь страшное обвинение подействовало на недавнего жизнелюбца: он стал философом и как философ искал утешения в дружбе».

Описанными выше друзьями больного сенатора Брагадина были Марко Барбаро и Марко Дандоло, оба честные и добропорядочные люди. А вот доктор Людовико Ферро избрал довольно странный метод лечения: он утверждал, что для спасения пациента нужно применить ртутные компрессы на грудь. Это сейчас любому мало-мальски образованному человеку ясно, что ртуть — это не лекарство, а, скорее, яд. А вот в середине XVIII века ртутью «лечили». Однако Казанова уже тогда испугался результатов действия предписанного «лекарства», но доктор упрямо стоял на своем, утверждая, что ртуть дает нужный эффект, оживляя во всем организме циркулирующие в нем флюиды.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В полночь наш больной буквально горел: я наклонился к нему — я увидел глаза умирающего и услышал тяжелое прерывистое дыхание. Тогда я разбудил его задремавших друзей и объявил, что их друг непременно умрет, если немедленно не приостановить действие злосчастного лекарства. В ту же минуту, не дожидаясь их ответа, я снял с его груди пластырь, тщательно обмыл грудную клетку теплой водой, и уже через три минуты мы слышали, как дыхание успокаивается, и скоро он погрузился в глубокий сон. И тогда наконец мы смогли тоже уснуть, обрадованные, а особенно я, случившимся на наших глазах улучшением состояния нашего подопечного. Пришедший рано утром врач несказанно обрадовался, увидев своего пациента в хорошем состоянии. Но когда господин Дандоло сообщил ему о принятых ночью мерах, он пришел в страшный гнев, говоря, что пренебрежение ртутью погубит больного, и поинтересовался, по чьему распоряжению были отменены его рецепты. И вдруг господин Брагадин заговорил. «Доктор, — сказал он, — тот, кто освободил меня от ртутных компрессов, по-видимому, гораздо более сведущ в медицине, чем вы». И он указал на меня. Я не знаю, кто выглядел более удивленным в этот момент: доктор ли, увидев перед собой совершенно незнакомого молодого человека, которого он, естественно, должен был принять за шарлатана и которого, тем не менее, объявили более сведущим, чем он, или я, только что, без всякого моего намерения, провозглашенный светилом медицины. Я постарался держаться с величайшей скромностью, хотя мне очень хотелось рассмеяться, врач же смотрел на меня со смешанным чувством замешательства и досады, как на наглого самозванца, дерзнувшего захватить его место. Наконец, он обратился к больному, сказав, что в таком случае он отказывается от лечения. Он ушел, предоставив мне превратиться в лейб-медика одного из самых знаменитых членов Сената Республики Венеция. В сущности, я уже был им, и это меня ничуть не испугало: твердым голосом сказал я больному, что надо только строго придерживаться режима, а там крепкая его натура и приближающаяся благодатная пора быстро поставят его на ноги.

Отставленный врач рассказал эту историю всему городу, и так как больному день ото дня становилось лучше, один из его родственников, допущенный наконец к его ложу, спросил, как же он не побоялся довериться в своем лечении какому-то театральному скрипачу. Господин Брагадин резко прервал его, сказав, что познания этого скрипача не менее обширны, чем у всех медиков Венеции вместе взятых. Этот сеньор прислушивался ко мне, как к своему оракулу, и его друзья относились ко мне с тем же уважением. Это очень воодушевляло меня, и я с видом заправского знатока рассуждал о физических свойствах, поучал, цитировал никогда не читанных мною авторов».

Таким образом, в апреле 1746 года Казанова случайно встретил сенатора Брагадина, помог ему добраться до дома после внезапного сердечного приступа (в те времена любая непонятная медикам болезнь называлась апоплексическим ударом) и, попав в его дом, фактически спас его от смерти. Господин Брагадин имел пристрастие ко всему таинственному и мистическому, и ему показалось, что Казанова обладает удивительно глубокими для своего возраста (ему был всего двадцать один год) знаниями и, очевидно, дело тут не обошлось без помощи сверхъестественных сил. Он попросил Казанову не таиться и рассказать ему всю правду. Казанова же, поняв, что это — его шанс, не стал объяснять, что сенатор ошибается, а заявил, что он действительно связан с таинственными силами и владеет особой числовой таблицей, с помощью которой он может узнавать то, что неизвестно никому на свете.

Это произвело на знатного сеньора неизгладимое впечатление, и благодарный Брагадин поселил Казанову в своем роскошном палаццо, назначил ему неплохую ренту и окружил заботой почти отцовской.

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«Поселившись в палаццо Брагадин, Казанова имел всегда накрытый стол, гондолу к своим услугам, слугу и десять серебряных цехинов в месяц на карманные расходы. «Думай о развлечениях!» — добавил мудрый сенатор. Казанове двадцать лет: и это Венеция».

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Джакомо, не теряя ни минуты, бросился в самую гущу золотой венецианской молодежи. Его видели одетым как вельможа — в широком черном плаще, табарро, белой маске с птичьим клювом и треуголке с перьями — в самых шикарных игорных домах и в обществе самых знаменитых куртизанок. Он танцевал ночи напролет, пил как сапожник, ел соответственно, но эти пиршества нисколько не сказывались на его фигуре».

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Брагадин нарекает его своим «сыном». Отныне он — придворный иерофант, у него есть деньги, кров, его кормят и обихаживают. Скрипач без всяких надежд на будущее стал сеньором».

Палаццо Брагадин (Palazzo Bragadin) найти несложно. Площадь Сан-Поло и палаццо Соранцо, где Казанова три дня подряд играл на скрипке, находятся практически на пересечении Большого Канала и канала Сан-Поло (Rio di San Polo). Если от канала Сан-Поло двигаться по Большому Каналу в сторону великолепного моста Риальто, а за мостом повернуть по небольшому каналу направо, то можно доплыть до площади Санта-Марина (Campo Santa Marina), рядом с которой и находится терракотового цвета палаццо Брагадин, построенное в XIV веке знаменитым венецианским архитектором Микеле Санмикели (в палаццо сейчас расположен отель).

В центре Венеции все близко: фактически палаццо Брагадин находится в пяти минутах ходьбы от моста Риальто и в десяти минутах ходьбы от площади Сан-Марко.

Случайно подвернувшуюся ему возможность Казанова использовал на все сто процентов.

Стефан Цвейг («Три певца своей жизни»):

«Судьба любит отважных, бросающих ей вызов, ибо игра — ее стихия. Она дает наглым больше, чем прилежным, грубым охотнее, чем терпеливым, и потому одному, не знающему меры, она уделяет больше, чем целому поколению... И жизнь его становится широкой, цветистой, многообразной, богатой развлечениями, фантастической и пестрой, не имеющей подобных на протяжении веков».

Наш «любитель бросать вызов» быстро утвердился в новой для себя, но такой перспективной роли специалиста по оккультным наукам, совершенно не отдавая себе отчета в том, что на дворе XVIII век и Государственная инквизиция вполне может обвинить его в богохульстве и чернокнижии. Стефан Цвейг называет Казанову «придворным шутком старого Брагадина, лгуном, негодяем и авантюристом». Но думал ли обладатель подобных эпитетов тогда, что выступает самым обычным шарлатаном? Скорее всего, такая мысль ему даже в голову не приходила.

Стефан Цвейг («Три певца своей жизни»):

«Казанова никогда не отрицал, что он авантюрист; напротив, он, надув щеки, хвастается, что всегда предпочитал ловить дураков и не оставаться в дураках, стричь овец и не давать обстричь себя в этом мире, который, как знали уже римляне, всегда хочет быть обманутым. Но он решительно возражает против того, чтобы из-за этих принципов его считали ординарным представителем трактирной грабительской черни, каторжников и висельников, которые грубо и откровенно воруют из карманов вместо того, чтобы культурным и элегантным фокусом выманить деньги из рук дурака...

Казанова всегда энергично обособляется от шулерской черни, отнимающей у величественного божественного авантюризма все его благородство и изящество. Ибо, в самом деле, наш друг Джакомо требует чего-то вроде почетного титула для авантюризма, философского обрамления для того, что мещане считают бесчестным и благонравные люди — возмутительным; он хочет, чтобы все это оценивали не как нечистоплотные проделки, а как тончайшее искусство, артистическую радость шарлатана. Если послушать его, то единственным нравственным долгом философа на земле окажется — веселиться за счет всех глупцов, оставлять в дураках тщеславных, надувать простодушных, облегчать кошельки скупцов, наставлять рога мужьям, короче говоря, в качестве посланца божественной справедливости наказывать всю земную глупость. Обман для него не только искусство, но и сверхморальный долг, и он исполняет его, этот храбрый принц беззакония, с белоснежной совестью и несравненной уверенностью в своей правоте».

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Всем было известно, что в Венеции не стоит связываться с оккультными науками. Пасть каменного льва, служившего почтовым ящиком для тайных доносов, адресованных Совету Десяти, проглотила несколько ядовитых писем, брошенных туда, должно быть, покинутыми Казановой красотками. Страшная тайная полиция этого не менее, если не более тайного трибунала начала работать, но, к счастью для Казановы, у сенатора Брагадина были длинные руки и немалые связи. Он пронюхал о том, что готовилось, и, всполошившись, предупредил об этом приемного сына.

— Ты должен уехать, Джакомо! Сегодня же ночью моя гондола отвезет тебя на материк. У меня сердце обливается кровью при мысли о разлуке с тобой, но лучше тебе уехать, потому что твоя жизнь в опасности».

Старик был искренне расстроен, но сам Казанова был совсем не прочь уехать. Он еще не утолил свою страсть к путешествиям. Ко всему прочему, сенатор Брагадин, проявив невиданную щедрость, вручил ему туго набитый монетами кошелек. Но куда же ему было направиться? Он решил начать с Франции...

1753–1756

Более четырех лет Казанова не было в Венеции. После отъезда в январе 1749 года он странствовал по Италии, потом поехал во Францию, потом — в Германию, где встретился с матерью и братом.

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Однако Венеция с ее притягательностью, с ее игорными домами и ее куртизанками была слишком дорога сердцу Казановы, чтобы он согласился надолго расстаться с ней... И потому, когда прошли первые дни после встречи с матерью, как только улеглись первые восторги, вызванные городом Дрезденом и пышными зданиями, воздвигнутыми в собственную честь польским королем — саксонским курфюрстом, наш странник пришел к заключению, что саксонская *dolce vita* ему совершенно не подходит».

И вот в один прекрасный день, основывая свое решение на том обстоятельстве, что у Совета Десяти должны быть дела поважнее, чем его собственная персона, Казанова уложил вещи, расцеловался с матерью, обнял брата Франческо и тронулся в путь.

Ален Бюизин («Казанова»):

«После быстрого путешествия из Вены, в четыре дня добравшись до Триеста, на пятый Джакомо Казанова прибыл в Венецию, по его словам, в канун праздника Вознесения, то есть 29 мая 1753 года».

Река Брента, на берегу которой Казанова спас неизвестную женщину

На юге Венецианской лагуны находится живописная река Брента, по берегам которой когда-то располагались старинные виллы итальянских аристократов, дожей и вельмож, поражавшие своим великолепием.

С XVI века венецианские аристократы любили кататься по Бренте на некоем подобии баржи, которая называлась Буркьелло (*Burchiello*). Сейчас, кстати, также можно совершить такую водную прогулку, но уже на корабле с таким же названием. Корабль отплывает от площади Сан-Марко, и на нем примерно за восемь часов даже можно доехать до Падуи, любуясь десятками красивых вилл, стоящих по берегам реки.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«До нее добирались на *burichello* — «очаровательной барже, где в каютах не было нехватки в зеркалах, скульптурах и картинах; в баржу были впряжены две лошади, они шли по берегу и тащили ее за собой, продвигаясь со скоростью не больше мили в час... на барже имелись все удобства, можно было прекрасно поесть и выспаться»; баржа эта ежедневно курсировала между Падуей и Венецией».

Вернувшись в Венецию, Казанова как-то (в июне 1753 года) увидел, как вблизи Бренты перевернулся кабриолет и какая-то женщина заскользила по крутому склону берега. Еще секунда — и она упала бы в воду...

Надо сказать, что ситуация эта была достаточно типична для Венеции времен Казановы. Улочки города были узкими, а их каменное покрытие было таким скользким, что многие поскользывались и падали, иногда прямо в воду, и тогда последствия падения бывали весьма серьезны. Редко кому удавалось избежать падений. Кто-то ломал себе руку, кто-то даже тонул. Особенно страдали от этого непривычные чужестранцы. Относительно них в Венеции даже существовало такое поверье: если чужестранец упал в воду и смог выбраться, значит, он получил «крещение» и стал настоящим венецианцем.

Казанова был настоящим венецианцем. Когда в воду стала падать незнакомая ему женщина, он не растерялся и сумел предотвратить несчастный случай. При этом он исхитрился заодно и полюбоваться «всеми чудесными тайнами», пока красавица не успела одернуть задравшиеся юбки.

Герман Кестен («Казанова»):

«В двадцать девять лет он снова в Венеции; у Казановы нет денег, но есть три старых покровителя. Он, «получив определенный опыт», «зная законы чести и вежливости» и ощущая себя «преодолевшим все свои положения», тоскует, однако, по старым привычкам, только хочет быть более предусмотрительным. По возвращении из Падуи, куда он сопровождал Брагадина, он увидел, как вблизи Бренты перевернулся кабриолет и женщина заскользила по покатою, круто падающему берегу; он спрыгнул с катившейся коляски и «скромной рукой» задержал падение и поправил завернувшуюся юбку. Он «действительно увидел то, что женщина никогда не показывает неизвестному».

Потом, стыдливо сидя в траве, неизвестная женщина назвала Казанову своим ангелом-спасителем. Ее спутник, офицер в австрийской форме, тоже горячо поблагодарил Казанову. Слуги поставили кабриолет на колеса, и участники этой сцены разъехались в разные стороны.

Площадь Сан-Марко, где Казанова вновь встретился со спасенной им женщиной, спутник которой познакомил его с К.К

На следующий день Казанова надел маску и пошел на праздник Бучинторо (Bucintoro). Так называлась церемониальная галера, примерная длина которой составляла тридцать метров, а ширина — шесть метров. Эта галера была официальным кораблем дожей Венеции. Суть же старинного праздника заключалась в том, что начиная с XII века в день Вознесения (сороковой день после Пасхи) дож выходил на этой галере, чтобы совершить торжественную церемонию обручения дожа с Адриатическим морем.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Каждый год в день Вознесения на воду спускается парадная галера «Буцентавр», где на палубе под красным балдахином устанавливают трон, который может соперничать с королевским. Сидя на этом троне, окруженный сенаторами, посланниками и дамами-патрицианками, дож совершает плавание по лагуне. Возле Сан-Никколо-дель-Лидо дож бросает в волны кольцо, благословленное патриархом, и, обращаясь к морю, произносит: «Мы обручаемся с тобой в знак истинной и вечной власти», — напоминая, таким образом, о священных и славных узах, скрепляющих Венецию с источником ее величия».

Название «Бучинторо» произошло от венецианского «buzino d'oro», что значит «золотая барка».

Последний и самый великолепный «Бучинторо» был построен в 1729 году (в 1798 году галера была разрушена французами, и ее останки можно увидеть в Историческом музее Коррер (Museo Correr) и Арсенале (Arsenale).

Обряд обручения с морем (Sposalizio del Mar) был церемонией, символизирующей

морское господство Венецианской республики.

Изначально церемония состояла из обращения к морю. В молитве содержалась просьба, чтобы море всегда было благосклонно к венецианцам, то есть было тихим и спокойным. При этом дож и свита окроплялись святой водой, а оставшаяся вода выливалась в море.

В XII веке обряд претерпел изменения. Церемония вместо умиротворяющего и просящего милости приобрела характер свадебной. В 1177 году римский папа Александр III за услуги, оказанные Венецией в борьбе против императора Фридриха Барбароссы, впервые «обвенчал» дожа и море. Папа снял кольцо с пальца дожа и предложил кинуть его в море.

После этого каждый год дож обязан был бросать освященный золотой перстень в море и словами «Desponsamus te, mare» («Мы обручаемся с тобой, море») объявлять, что Венеция и море являются отныне и навеки неразрывным целым.

Церемония начиналась на площади Сан-Марко, потом дож с торжественной процессией лодок (с 1311 года на «Бучинторо») двигался к форту Сан-Андреа вблизи Лидо (так называется цепочка песчаных островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатики). Там перстень бросался в море. На обратном пути дож останавливался на церковную службу в церкви Сан-Никколо.

После праздника, сняв маску, Джакомо Казанова присел попить кофе в кофейне на площади Сан-Марко.

Площадь Сан-Марко, или площадь Святого Марка, — это главная площадь Венеции. Она состоит из двух частей: Пьяцетты (Piazzetta) — площадки от Большого Канала до колокольни (Campanile) и непосредственно Пьяццы (Piazza) — площади.

Площадь образовалась в IX веке как небольшое пространство перед собором Святого Марка, и лишь в 1777 году она была расширена до своих нынешних размеров (она имеет 280 шагов в длину и 110 в ширину).

Архитектурной доминантой площади является Дворец дожей (Palazzo Ducale) и находящаяся на некотором расстоянии колокольня Сан-Марко с Лоджеттой (Loggetta) в форме триумфальной арки.

В начале XIII века вся поверхность площади была выложена кирпичами «в елочку». При этом полосы светлого камня укладывались параллельно длинной оси площади, и эти линии использовались при организации частых церемониальных процессий (этот геометрический рисунок был выполнен по эскизам Андреа Тирали).

Площадь Сан-Марко — самое низкое место в Венеции, и когда в городе бывают паводки, она превращается в небольшое озеро. И тогда люди начинают передвигаться по деревянным настилам, а кофе пьют в резиновых сапогах. В декабре 2008 года, например, площадь была покрыта 80-сантиметровым слоем воды из-за сильнейшего за последние несколько десятилетий прилива. В тот год существовала угроза, что уровень воды мог подняться до 160 сантиметров, а это означало бы, что 90 процентов города оказалось бы под водой.

Собор Святого Марка — главный собор Венеции, представляющий собой редкий пример византийской архитектуры в Западной Европе. Собор этот, как говорят о нем некоторые, «безобразный в своей красоте и красивый в уродстве», на первый взгляд производит крайне противоречивое впечатление. Специалисты сравнивают его с еще одним таким же архитектурным парадоксом — собором Василия Блаженного.

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Самый большой купол собора весь украшен фигурами и бордюрами старинной работы из мозаики».

Говорят, что площадь Сан-Марко очень похожа на гигантскую сцену, где только что закончился спектакль, а фасад собора Святого Марка — на фантастические декорации, расписанные так, как это может сделать только человек с самой изощренной фантазией.

Собор был заложен в 829 году для размещения мощей апостола Марка, перевезенных,

как мы уже знаем, в Венецию из Александрии. Освящен собор был три года спустя. По этому случаю святой Марк стал небесным покровителем Венеции, а символом города стал знак этого евангелиста — крылатый лев.

Филипп де Коммин («Мемуары»):

«Мне показали три или четыре комнаты с богатыми золочеными плафонами, с постелями и ширмами; сам дворец красив и роскошен, весь из тесаного мрамора, а с фасада и боков — из позолоченных камней, каждый из которых шириной примерно в дюйм. В этом дворце четыре прекрасных зала, богато позолоченных, и много других помещений, но двор маленький. Из комнаты дожа можно слушать мессу, которую служат у большого алтаря капеллы Сан-Марко, и эта капелла самая красивая и богатая в мире, хотя и называется лишь капеллой; она вся из мозаики. Они похваляются тем, что нашли секрет этого искусства и создали, как я видел, соответствующее ремесло. В этой капелле находится их сокровищница, о которой много говорят, и состоит она из вещей, предназначенных для украшения церкви. Там есть 12 или 14 больших бриллиантов, каких я никогда не видел. Два из них — самые крупные, один в 700, а другой в 800 каратов, но они не чистой воды. Еще там дюжина золотых кирас, спереди и с боков украшенных очень хорошими камнями, и дюжина золотых корон, которые в старые времена надевали на себя во время некоторых праздников 12 женщин, называвшихся королевами, и проходили в них по островам и церквям. Короны однажды были похищены вместе с большей частью женщин города прятавшимися за островами грабителями из Истрии и Фриуля, что расположены поблизости; однако мужья бросились в погоню, настигли их, вернули все в Сан-Марко и основали капеллу, которую каждый год в день этой победы посещают члены Синьории. Там собраны большие богатства для украшения церкви, среди которых и много других золотых вещей в рубиновых, аметистовых и агатовых сосудах, а также в одном небольшом, но изумрудном; однако если все оценить, то это не такое уж великое сокровище. Просто золота и серебра в сокровищнице совсем нет, и, как сказал мне дож в присутствии членов Синьории, у них говорить о необходимости большой сокровищницы считается смертельным преступлением; и думаю, что они правильно поступают, опасаясь внутренних раздоров».

Над входом в собор стоит четверка бронзовых коней (знаменитая квадрига).

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«На своде расположена конная квадрига из бронзы, которую венецианцы привезли из Константинополя в качестве трофея. Она вернулась из Парижа в 1815 году. Это возвращение широко праздновалось, и среди ученых по этому поводу даже поднялся спор, который должен был определить, какого происхождения лошади — греческого или римского».

Ныне считается, что эти бронзовые кони были сделаны в IV–III веках до н. э. мастерами с греческого острова Хиос. В Венецию они были привезены из Византии крестоносцами, а потом их забрал с собой в Париж Наполеон Бонапарт, завоевавший на время Венецию. Потом квадригу сумели вернуть, и во время Первой мировой ее прятали в Риме. Теперь на фасаде собора помещена точная бронзовая копия, а оригинал квадриги хранится в музее.

Великолепный Дворец дожей был построен в 1309–1424 годах. Это главное здание Венеции, как следует из его названия, было прежде всего резиденцией дожей. На первом этаже размещались также конторы юристов, канцелярия, службы цензоров и морское ведомство.

Весь из светлого мрамора, легкий и воздушный, дворец напоминает византийские кружева. Это очень интересное, с архитектурной точки зрения, здание: его массивная

верхняя часть покоится на легких ажурных арках. Однако открытая аркадная галерея первого этажа — это не художественный каприз создателей дворца, а чудесное укрытие от жаркого солнца. Это место, где любому прохожему приятно отдохнуть и полюбоваться отсюда видом одного из самых прекрасных в мире архитектурно-природных пейзажей.

Галерея второго этажа — это воздушный балкон. При этом светлый фасад Дворца дождей, выходящий на Пьяццетту, имеет одну мрачную деталь: во втором ярусе 9-я и 10-я колонны сделаны из мрамора более густого, красноватого оттенка — между этими колоннами объявлялись смертные приговоры.

Как и сейчас, в XVIII веке площадь Сан-Марко служила центром общественной жизни Венеции. По ней с утра до вечера без особой цели фланировали взад-вперед прилично одетые люди, а нагулявшись, все обычно оседали в кофейнях. Главной считалась кофейня «Флориан», называвшаяся изначально «Торжествующая Венеция». Джакомо Казанова, как и многие венецианцы, любил отдыхать здесь (эта кофейня существует и поныне).

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Мода на кофейни начинается в Венеции в 1683 году, когда открывается первая кофейня, на вывеске которой красуется слово «Араб», а следом еще несколько. В XVIII веке содержатели венецианских кофеен, похоже, умели готовить сей напиток лучше, чем это делали в иных местах».

В кофейнях во времена Казановы можно было не только попить ароматного кофе, но и поиграть в азартные игры, а это дело венецианцы очень любили.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Если в кофейне было дозволено играть, то вскоре заведение, в сущности, превращалось в своеобразный филиал казино или ридотто, с той разницей, что вход туда был доступен каждому. Как и *casini*, кофейни, где велась игра, находились под бдительным надзором городской администрации; в 1759 году были закрыты многие кофейни, тем не менее число оставшихся весьма внушительно — двести шесть. Вокруг одной только площади Сан-Марко разместилось тридцать четыре кофейни: шестнадцать — под аркадами Новых Прокураций, восемь — со стороны Монетного двора, десять — под аркадами Старых Прокураций.

Вывески этих кофеен, как и гостиничные вывески, ярко свидетельствовали о том, что и венецианцы и чужестранцы устремлялись в эти заведения в поисках романтического настроения, экзотических ощущений, а также желая приобщиться к славному героическому прошлому. Вот лишь некоторые из этих названий: «У королевы амазонок», «У императрицы Московии», «У великого Тамерлана», «У великого визиря», «Ринальдо-победитель», «У султана». Свою новую кофейню, созданную в 1720 году в Новых Прокурациях, сеньор Флориан Франческони назвал «Торжествующая Венеция». Вывески новых «заведений для досуга» создавали лирический настрой, становились урбанистической реальностью, дерзко вторгавшейся в издавна сложившийся архитектурный облик города, и, не умаляя его великолепия, превращались в своего рода символ общительности его жителей».

В тот день, в июне 1753 года, Казанова спокойно сидел и пил кофе, как вдруг кто-то легко ударил его по плечу веером. Это была женщина в красивой маске.

— Почему вы сделали это? — удивленно спросил Казанова.

— Чтобы наказать спасителя, который меня не узнал.

Это оказалась та самая дама, которую Казанова спас накануне на берегу Бренты.

Офицер, вновь сопровождавший ее, пригласил Казанову на обед.

В «Мемуарах» Казановы офицер этот обозначен инициалами П.К., а посему некоторые биографы Казановы посчитали, что это был некий Пьетро Кампана, весело проводивший время с женой одного венецианского маклера, так же порвавшей со своим мужем, как и он сам порвал со своим отцом.

Якобы этот Пьетро Кампана носил форму австрийского капитана, но в армии не служил, а занимался поставками скота в Венецию. Якобы этот Пьетро Кампана пригласил Казанову посетить его и дал адрес отца, с которым он был в ссоре и в чьем доме жил без позволения.

На следующий день якобы «злой дух» потащил Казанову в дом Кампаны, где тот познакомил его со своей матерью и сестрой, которая обозначена в «Мемуарах» Казановы таинственными инициалами К.К.

Версия вполне складная за исключением, как говорится, пустяка. Какого? Давно доказано, что фамилия К.К. — не Кампана, а Капретта.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Кто же была эта пресловутая К.К., заставившая казановистов затупить столько перьев в попытках установить ее личность? Сначала думали, что это некая Катерина Кампана, а затем решили, что на самом деле это была Катерина Капретта, родившаяся 3 декабря 1738 года, чьим братом был Пьетро-Антонио Капретта и которая позднее, 2 февраля 1758 года, вышла замуж за Себастьяно Марсили. На самом деле личность ее не важна, поскольку она ничего не меняет в деле, во всяком случае — не проливает на него свет. Важно то, что Казанова очень скоро воспылал к ней страстью».

И все же, как нам кажется, настоящее имя девушки очень важно. Конечно, не имя делает человека, а человек — имя. Но все же если человека называли чужим именем, то он начинает жить чужую жизнь, а это неправильно. А посему всегда были и будут псевдонимы, которые надевают маску, и псевдонимы, которые снимают ее.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Ей четырнадцать лет, сегодня мы знаем, что ее звали Катерина Капретта».

Итак, юную сестру «офицера», пригласившего Казанову в дом своего отца, звали Катерина Капретта. Потом окажется, что Пьетро-Антонио Капретта — это личность с весьма сомнительной репутацией. Он был весь в долгах и, увидев Казанову, почему-то подумал, что из любителя «чудесных тайн» можно извлечь выгоду. Казанове было двадцать восемь лет (самый возраст для жениховства), а у Пьетро-Антонио была сестра, которую он задумал выгодно пристроить.

Герман Кестен («Казанова»):

«Мать выглядела наивной и респектабельной, дочь была сама красота. Наивная мать через четверть часа удалилась. Дочь в какие-то полчаса совершенно полонила его».

Остров Джудекка, где Казанова гулял с К.К. и лишил ее невинности

Четырнадцатилетняя Катерина Капретта очаровала Казанову, и он принялся за ней ухаживать.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Он увозит свою очаровательную подружку в сад на остров Джудекка. Там они бегают по траве наперегонки — выигравшему достаются ласки, но вполне невинные, ничего серьезного, она же ребенок».

Остров Джудекка (Isola della Giudecca) отделен от Венеции широким одноименным каналом (Canale della Giudecca). Считается, что название Джудекка идет от слова «giudei» (иудеи), так как на этом острове в свое время жило много евреев из Константинополя. В XIII

веке они получали здесь нечто вроде почетного гражданства Венеции — их ситуация была совсем не похожей на ту, что позднее сложилась в еврейских гетто. Аббат Москини, автор нескольких книг о Венеции, категорически не согласен с этим.

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Этот остров, который раньше назывался Spina Longa, потом стал называться Джудекка, возможно, по имени одного из пригородов Константинополя. Но он взял это имя не от евреев, так как они там никогда не жили. Остров стал Джудеккой задолго до того, как евреи поселились среди нас».

По другой версии, в IX–X веках остров выполнял роль своеобразного «101-го километра» для *giudicati* — виновных или осужденных.

Остров всегда славился своими живописными садами и парками, он весь утопал в зелени и был излюбленным местом отдыха венецианской аристократии до того, как вошло в моду строить загородные виллы на берегах Brenty.

Сейчас на Джудекку можно попасть за несколько минут на вапоретто (*vaporetto*) — маршрутном теплоходе. А когда-то сюда уезжали в поисках покоя и избавления от жизненной суеты. Здесь жил Микеланджело, бежавший в Венецию после поражения Флорентийской республики в 1529 году. Сюда уехал из Венеции Альфред де Мюссе, чтобы вылечить израненное сердце после того, как его бросила смуглая черноволосая красавица Аврора Дюдеван, обладавшая магнетической силой и более известная под псевдонимом Жорж Санд.

Во времена Казановы это было тихое место с монастырями, которые сейчас упразднены (в XIX веке они были превращены в женские исправительные колонии и фабрики), и несколькими литературными и философскими академиями, которые еще функционируют. Увы, сегодня Джудекка практически вся застроена, и только на юге можно найти жалкие намеки на сады, превратившиеся в крошечные палисадники.

Вдоль канала Джудекки тянется набережная в основном с невыразительными домами, среди которых глаз останавливается прежде всего на церкви Реденторе (*Redentore*). Она была возведена по решению Сената в ознаменование избавления Венеции от чумы 1576 года, унесшей около пятидесяти тысяч жизней.

Классической формы фасад, построенный по проекту падуанского архитектора Андреа Палладио, украшен колоннами и усложнен фронтоном. В нишах расположены скульптуры святого Марка и святого Франциска.

Церковь Реденторе — яркий образец архитектуры позднего Возрождения. Церковь имеет в плане форму латинского креста. Интерьер украшен колоннами, на которые опираются купол и своды. С этой церковью связаны традиции праздника Реденторе, отмечаемого в третье воскресенье августа. Открывался праздник обычно службой, на которой ранее присутствовал дож, а к вечеру он превращался в народное гулянье на канале Джудекка и на лагуне.

Самое заметное здание на Джудекке — церковь Санта-Мария-делла-Презентационе (*Santa Maria della Presentazione*), более известная как Дзителле (*Zitelle*). Она тоже была построена по проекту Андреа Палладио, но уже после его смерти. «*Zitelle*» означает «старые девы». С трех сторон кубическая церковь окружена зданиями приюта для девушек-сирот, которых здесь обучали плетению кружев и пению.

Итак, Джакомо Казанова часто возил Катерину Капретту на остров Джудекка, где они гуляли в тени деревьев и разговаривали обо всем на свете.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Девушка по-ангельски невинна, и вот наш обольститель не решается насладиться своим сокровищем, как сделал бы циничный распутник. Он еще не подозревает, что ввязался в духовном отношении в значимое и решающее

приключение: не будь его, все в его жизни было бы по-другому, признается он сам. Милые прогулки в красивом саду Джудекки, любезная болтовня, состязания в беге с очаровательными призами, тонкие блюда. Желание Казановы растет, и он ни с того ни с сего предложил ей сочетаться браком перед Богом как единственным свидетелем, не проходя через канцелярию и церковный ритуал. Она согласилась, нимало не колеблясь. Нерастерявшийся Казанова тут же убедил ее скрепить семейные узы, отправившись в постель и освятив договор плотью».

Казанова явно влюбился, и чем больше он убеждался в невинности К.К., тем труднее ему было решиться ею овладеть. И тогда он не придумал ничего лучше, как предложить ей руку и сердце.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Жениться? А в общем, почему бы нет? Но пусть свидетелем нашего брака станет Бог, этот ненасытный вуайёр. В этом будет вся пикантность сцены. И вот парочка возвращается на постоялый двор. Дело происходит на острове, в понедельник после Троицына дня. В постели».

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В экстазе от обуявшего меня восторга, я пожирал пламенными поцелуями все, что видел, перебегая от одного места к другому, не в силах задержаться ни на одном от жадного желания быть сразу повсюду и сожалея о том, что мои губы отстают от моих глаз».

Короче говоря, Казанова, в конечном итоге, поступил как хищник (и мы видим, насколько ошибочен классический тезис о том, что он якобы был всего лишь «игрушкой» женских желаний).

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«К.К. героически стала моей женой, как и подобает каждой влюбленной девушке, потому что в наслаждении, когда осуществляется твоё желание, упоительно все, даже боль. Целых два часа я не расставался с нею. Она изнемогала снова и снова, а я причащался бессмертию».

Можно назвать произошедшее «причащением к бессмертию», а можно — обманом и даже изнасилованием несовершеннолетней. Тут все зависит от того, с какой стороны смотреть. Впрочем, у родителей четырнадцатилетних девочек, попавших в руки вдвое старших по возрасту мужчин, мнение по этому поводу всегда однозначно.

Ален Бюизин («Казанова»):

«К несчастью, уже 11 июня, и «Ферия» — период года, когда в Венеции ходят в масках, — подходит к концу. Отныне открытые встречи влюбленных станут опасными. Рано или поздно семья К.К. обо всем узнает. Решившись не терять ее, настолько страстно он влюблен, Казанова хочет устроить законный брак, и ему, снова благодаря оракулу, удастся убедить господина Брагадина встретиться с отцом К.К. для форменного сватовства. Отец отказал наотрез. Его дочери всего четырнадцать лет, она слишком молода. Более того, он хочет, чтобы будущий зять выглядел солидно, что совсем не относится к Джакомо, доходы которого полностью зависят от счастья в игре: он делит пополам банк в фараон с неким Антонио Кроче, профессиональным шулером. Суровый отец запирает К.К. в монастырь на Мурано на четыре долгих года. В кои-то веки наш повеса имел серьезные намерения, и ему дали от ворот поворот».

Герман Кестен («Казанова»):

«Старик хотел на следующие четыре года запереть дочь в монастырь. Если Казанова в это время сможет получить солидную профессию, он может согласиться. Казанова был сражен».

Монастырь Санта-Мария-дельи-Анджели, куда отец отправил К.К

Итак, перемена декораций. Против обычаев, а тем более против законодательства в те времена, как и в наши, идти было трудно. Практически невозможно.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«По закону и в согласии с каноническим правом основой брачного союза должно было быть свободное согласие сторон, а также родительское дозволение, дабы «не выказывать неуважения к родителям, а также чтобы молодые люди не рисковали лишиться имущества, что может случиться, если брак будет заключен против воли завещателя». Распоряжение это имело большое значение для аристократических семей. Любой брак, заключенный без родительского согласия или же просто признанный неподходящим, становился причиной раздоров между родителями и детьми. Законодательство, трактовавшее вопросы приданого, решало их отнюдь не в пользу девушки. Даже выйдя замуж, она не имела права распоряжаться собственным приданым, управление им осуществлял муж, который, в случае кончины супруги, был обязан возместить его семье покойной. Семья же из этого приданого могла воспользоваться только 1000 дукатов: они могли стать «духовным взносом» за одну из дочерей, предназначенных в монастырь. Молодая жена могла получить также приданое от собственного супруга, но и это не давало ей экономической независимости. Напомним, что речь идет только о законных дочерях: незаконным дочерям отец вообще не был обязан давать приданое, кроме тех случаев, когда им удавалось добиться законного признания».

Видеться с К.К. Казанове больше было нельзя, и они начали писать друг другу тайные письма, передаваемые специальным посыльным. Этим посыльным была женщина по имени Лаура, одна из семи прислуживающих монахиня монастыря Санта-Мария-дельи-Анджели. Каждая из них в свой день недели ездила по делам в Венецию. Лауриным днем была среда. Она привозила с Мурано письмо и через семь дней могла доставить ответ на письмо, которое ей передавал Казанова. Лаура была неразговорчивой и делала это лишь за хлеб и специально оговоренную плату, так как была бедной вдовой с восьмилетним мальчиком и тремя красивыми девочками, из которых старшей не было и шестнадцати. На Мурано они жили рядом с монастырем, сразу за садом.

Похитить К.К. из монастыря было практически невозможно. Не менее тяжело оказалось семь дней ждать ответа.

Женский монастырь, куда господин Капретта отдал на перевоспитание свою дочь, когда узнал, что после знакомства с Казановой она перестала быть девственницей, стоит на острове Мурано, расположенном в Венецианской лагуне на северо-востоке от самой Венеции. Остров этот напоминает Венецию в миниатюре.

Основой благосостояния его жителей издавна стало стекольное производство. Уже в XV веке изделия муранских стеклодувов завоевали известность во всем мире. Венецианский Сенат пожаловал Мурано многочисленные привилегии, однако мастерам под страхом смерти запрещалось покидать остров и работать где-либо еще.

А еще никто в мире не мог делать таких волшебных зеркал. Кстати сказать, именно под предлогом опасности ртутных испарений зеркальщиков Венеции в свое время выселили на остров Мурано. На самом же деле это сделали корысти ради — Венеция не желала потерять монополию на производство зеркал, и мастера фактически находились в изоляции на тщательно охраняемом острове. Они жили как в резервации, не имея права покидать

Мурано. При этом они пользовались огромными привилегиями, в том числе могли рассчитывать на снисхождение суда, какое бы преступление ни совершили. Напротив, стеклодув, покинувший остров, считался предателем, и его, как правило, находили и убивали.

В любом случае гулять по ночам по острову было опасно для жизни.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В карманах у меня было, по меньшей мере, три сотни Филиппов, добытых в игорном доме, и полный золота кошелек; мне приходилось опасаться воров — на Мурано это весьма опасные головорезы, отъявленные убийцы, что обращают во зло многочисленные привилегии, дарованные им хитроумным правительством за ремесло, какое исполняют они на стекольных фабриках, которыми изобилует остров; дабы не покидали они Мурано, правительство доставляет всему этому народу право венецианского гражданства. Я уже готов был повстречать парочку подобных граждан Республики, каковые оставили бы меня в одной рубашке, — ведь в кармане у меня не было даже обыкновенного ножа, что носят, защищая свою жизнь, все честные люди Венеции. Ужасный миг! Положение мое было плачевно, и я дрожал от холода».

Зато зеркальные доходы Венеции были немыслимы. Например, в XVII веке зеркало размером 1 м × 0,65 м стоило 68 000 ливров, а картина, скажем, Рафаэля такого же размера — всего 3000 ливров.

Остров Мурано, как и Венеция, — это несколько островов, разделенных каналами. В XVIII веке здесь жило около 30 000 человек.

Монастырь Санта-Мария-дельи-Анджели (Santa Maria degli Angeli) находится в западной части главного острова Мурано, на берегу канала Ангелов (Canale degli Angeli), недалеко от знаменитого Музея стекла (Museo Vetrario).

В одном из писем из монастыря К.К. сообщила Казанове, что в его стенах она обрела замечательную подругу.

Ален Бюизин («Казанова»):

«В стенах монастыря завязывается однополая связь между двумя молодыми женщинами, над которой Казанова, поставленный, по крайней мере, в двусмысленное положение, совершенно не властен».

Подруга К.К. была самой красивой из монахинь, самой богатой и щедрой. Ей было двадцать два года. Дважды в неделю она давала юной К.К. уроки французского языка, а когда они оставались одни, так нежно целовала ее, что Казанова мог бы ревновать, если бы монахиня не была женщиной.

Появление этой подружки и то, как он ней писала К.К., насторожило Казанову, ведь он был прекрасно осведомлен о нравах, царивших в то время в венецианских женских монастырях.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Венецианские женские монастыри той эпохи — прославленный садок галантных походов. Множество девушек, отнюдь не монахинь, «ждут там своего часа». Хотя за ними установлен надзор, при наличии денег и связей они по ночам могут украдкой покидать стены монастыря. Обязательно в маске. И вернуться надо засветло, для чего есть пособники. Гондольеры в курсе дела, Государственные инквизиторы тоже. Следует только соблюдать меру: никаких скандалов, никакого шума. Когда в Венецию, например, прибывает папский нунций, три монастыря соревнуются друг с другом, чтобы поставить ему любовницу. Воздух полнится разведанными, это подогревает соперничество. Монахиню выбирают, как выбирают высокого полета куртизанку, роскошную гейшу».

Ален Бюизин («Казанова»):

«В то время приемные венецианских монастырей зачастую напоминали элегантные светские гостиные, где вели веселую беседу или судачили, обсуждая последние городские слухи, неисякающую скандальную хронику, пили и закусывали, устраивали балы, давали банкеты, маскарады и концерты. Порой даже играли в карты».

В самом деле, как утверждают очевидцы, в XVIII веке приемные в монастырях являлись местом, весьма удобным для ведения не только чинных бесед, но и оживленных разговоров, во время которых можно было выпить прохладительный напиток, посмеяться, послушать музыкантов и закрутить любовную интрижку. Иногда свидания в монастырских приемных использовались в политических целях — например, старинная подруга Казановы, графиня Коронини, живя в монастыре, продолжала плести политические интриги.

Итак, у возлюбленной Джакомо Казановы в монастыре появилась близкая подруга. Расклад карт в этой его партии явно поменялся, вот только в чью пользу? Это мы очень скоро узнаем, а пока до Казановы дошла еще одна важная информация с Мурано.

Ален Бюизин («Казанова»):

«К.К. беременна. Выкидыш. Жуткие кровотечения, пропитывающие кровью десятки полотенец, которые показывают несчастному Джакомо».

При виде бесформенного кома белья, смешанного с кровью, Казанова содрогнулся. Лаура сообщила, что несчастная девочка слабеет на глазах. В какой-то момент всем даже стало казаться, что ей не выжить. Но потом кровотечение прекратилось, и его К.К. кое-как выкарабкалась.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Казанова воспользовался церемонией пострига, чтобы навестить ее в монастыре. В помещении для свиданий будет множество незнакомых людей, он сможет смешаться с толпой, оставшись незамеченным».

Переодевшись в монахиню, Казанова вместе с другими богомолками пошел в монастырь и встал в четырех шагах от К.К. Он нашел, что она выросла и похорошела. Они лишь обменялись взглядами. Он ушел последним.

В тот же день он написал ей, что остается на Мурано до тех пор, пока она не будет полностью вне опасности. Поселился он в жилище Лауры, которая смогла предоставить ему лишь маленькую бедную комнатку с земляным полом.

Несмотря на убогость жилища, это было правильное решение, ведь частые плавания на остров Мурано были связаны с определенными опасностями. Дело в том, что юго-западная оконечность острова находится более чем в километре от северо-восточной части Венеции (ровно посередине находится остров-кладбище Сан-Микеле), а плавание на гондоле по водам лагуны — это не плавание по венецианским тихим каналам. В любой момент мог подняться ветер, и тогда — жди беды.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Мы без труда добрались до острова Сан-Микеле, но едва миновали его, как ветер вдруг начинает дуть с такой яростью, что я понимаю: плыть дальше — верная гибель; хоть пловцом я был изрядным, но не был уверен ни в своих силах, ни в том, что сумею одолеть течение. Я велю гондольерам пристать к острову, но они отвечают, что я имею дело не с какими-нибудь трусами и бояться мне нечего. Зная нрав наших гондольеров, я почитаю за лучшее промолчать; но порывы ветра обрушивались на нас с удвоенной силой, пенные волны перехлестывали через

борт, и гребцы мои, хоть и были мощны их руки, не могли продвинуть гондолу ни на шаг.

Когда мы находились всего лишь в сотне шагов от устья канала Иезуитов, яростный порыв ветра сдул в воду гондольера на корме; ухватившись за борт, он легко взобрался обратно. Весло было потеряно; он берет другое — но гондолу уже развернуло боком к ветру и в минуту снесло на двести шагов влево. Нельзя было терять ни секунды. Я кричу, чтобы бросали felce, каютку, в море, и швыряю на ковер на дне гондолы пригоршню серебра. Оба молодца мои немедленно повиновались и, гребя во всю мощь, показали Эолу, что могут потягаться с ним силой. Не прошло и четырех минут, как мы уже плыли по каналу Нищенствующих братьев; похвалив гондольеров, я велел высадить меня на причал палаццо Брагадин, что у церкви Санта-Марина. Едва войдя, я немедленно улегся в постель и хорошенько укрылся, дабы согреться до нормальной своей температуры; сладкий сон мог бы восстановить мои силы, но я никак не засыпал».

Венецианские гондольеры, услугами которых пользовался Казанова

Кстати, несколько слов следует сказать и о венецианских гондольерах, ибо они и их гондолы — такой же символ Венеции, как площадь Манн-Марко или мост Риальто.

Первые гондольеры появились в Венеции в 1094 году, а теперь они стали настоящей легендой, уникальным произведением искусства. Чтобы создать настоящую венецианскую гондолу, нужно выточить около трехсот деталей из девяти сортов древесины.

По оценкам историков, во времена Казановы в Венеции насчитывалось несколько тысяч гондол. Сейчас же количество лицензий на работу гондольером в Венеции жестко ограничено числом 425. Лицензии могут передаваться по наследству от отца к сыну, вследствие чего попасть в число гондольеров человеку со стороны непросто.

В сентябре 2007 года, например, разгорелся настоящий скандал вокруг Александры Хай, первой женщины-гондольера в истории этой весьма древней профессии. Дело в том, что члены Ассоциации венецианских гондольеров не захотели признавать за ней (к тому же за немкой) право на профессию. Более того, Александре не раз угрожали, а на принадлежащей ей лодке «Пегас» несколько раз повреждали украшения. А ведь, чтобы стать гондольером, Александре пришлось идти к своей цели долгих одиннадцать лет. Она трижды проваливала практические экзамены по управлению гондолой. После третьей неудачи она уже хотела все бросить и вернуться на родину, в Гамбург, но потом собралась с силами и... вновь не сдала экзамен. Лицензии гондольера Александра Хай так и не получила, но зато лицензия на управление плавучим средством у нее имелась, и тогда один из отелей, скорее всего для экзотики и с целью привлечения туристов, нанял ее возить своих постояльцев.

Похоже, борьба первой женщины-гондольера за свои права продолжится еще очень и очень долго.

Теофиль Готье («Италия»):

«Гондола является естественным порождением Венеции, неким организмом, рожденным в здешних водах и ведущим свою особенную жизнь, этакой рыбой, способной существовать только в водах канала. Лагуна и гондола связаны между собой неразрывно и дополняют друг друга, словно моллюск и его раковина. Город являет собой раковину, а гондола — живущего в ней моллюска. Лишь она одна может передвигаться по бесконечным лабиринтам городских водных улиц».

Размеры и конструкция гондолы установлены законом начиная с XVIII века.

Длина лодки составляет 11,05 метра, ширина — 140 сантиметров, дно плоское, без киля. Вес пустой гондолы составляет примерно 400 килограммов. Гондола имеет асимметричную форму, длина обвода ее левого борта на 24 сантиметра больше, чем правого. Корпус лодки имеет закругленную форму, нос и корма подняты вверх, чтобы максимально

уменьшить площадь контакта с водой и задать гребцу ориентиры направления движения.

Александр-Туссен де Лимойон де Сен-Дидье («Венеция и Венецианская республика»):

«Не думаю, что человечество может еще что-то добавить для улучшения гондол, которые делаются в Венеции... Их форма и легкость просто удивительны; они составляют тридцать два фута в длину и всего четыре фута в ширину в серединной части. Корма и нос подняты вверх, а острый конец поднимается на высоту человеческого роста... Металлическая конструкция на носу имеет форму большого топора; она разрезает воздух при движении гондолы, и кажется, что она может разрезать все, что встретится у нее на пути».

У гондолы всего одно весло. Исторически это было вызвано узостью каналов, в которых двухвесельные лодки не смогли бы разойтись. Весло держится в специальной уключине, называемой форкола (forcola). Гондольер и уключина всегда располагаются справа позади пассажиров. Конструкция форколы имеет сложную форму, позволяя реализовывать несколько положений весла для медленного движения вперед, мощной быстрой гребли, вращения и поворотов лодки, замедления и гребли назад.

На носу гондолы устанавливается особая железная конструкция — ферро (ferro). Установка ферро преследует несколько целей: железный наконечник защищает нос лодки, является противовесом стоящему на противоположном конце гондольеру; по нему определяют высоту моста и возможности прохода гондолы под ним. Форма ферро символична: ее шесть зубьев символизируют шесть районов Венеции. Седьмая полоса, имеющая другое направление, символизирует остров Джудекку, а закругление сверху — шляпу дожа. Как видим, даже в таких мелочах в Венеции ощущается дыхание истории.

Максимальное количество пассажиров, перевозимых на гондоле, составляет шесть человек. Допускается наличие маленькой пассажирской каюты для укрывания пассажиров от солнца и дождя. Фактически, из-за конструкции лодки, при гребле гондольер применяет одно и то же усилие, будь гондола пустой или полностью загруженной.

В давние времена гондолы были роскошными и яркими. Черными венецианские гондолы стали только в 1562 году, когда во время чумы на них перевозили тела умерших (тогда нарядность лодок выглядела бы просто нелепо).

Теофиль Готье («Мода как искусство»):

«Оттенки ускользают от художников, которые в большинстве своем влюблены в яркие краски, в обильно ниспадающие складки, в переливающиеся драпировки, в могучие торсы и развитые бицепсы. Они жалеют, что никому из юных модников не пришло в голову завести себе шляпу с пером или алый плащ; они удивляются упорству, с каким светские люди хранят верность своим печальным, бесцветным, однообразным одеяниям, а это все равно что спрашивать, отчего в Венеции все гондолы — черного цвета.

Между тем при всем их однообразии нет ничего легче, чем отличить гондолу патриция от гондолы буржуа».

Асимметричная форма гондолы позволяет гондольеру управлять лодкой одним веслом, находясь сбоку от линии, разделяющей лодку вдоль на две части. Гондольер стоит на лодке и управляет ею, глядя вперед по направлению движения. Весло выполняет функции как весла, так и руля.

Теофиль Готье («Италия»):

«Гондольеры управляют гондолами, навалившись на весло. Удивительно, что при этом они не падают в воду, так как весь вес их тела как бы бросает их вперед. Лишь очень большой опыт дает им возможность держаться в таком полуподвешенном состоянии. Обучение этому должно стоить намного дороже

обучения нырянию; ничто не может сравниться с той ловкостью, с которой они избегают столкновений и ударов при поворотах на узких улочках, пристают к причалам и лестницам; гондолы в их руках столь чувствительны, что можно подумать, будто они живые».

Техника движения на гондоле не гребковая, а, скорее, толчковая. Гондольер раскачивает лодку и совершает движения веслом по специальной траектории. Именно поэтому гондольер — это чисто мужская профессия, которая требует большой выносливости и мастерства. Обычно она передается по наследству от отца к сыну. Этой профессии явно не занимать романтизма, недаром у гондольеров есть даже особый вид песен, называемых баркарола (от итальянского слова «barca» — «лодка»).

Сейчас все гондольеры являются членами Ассоциации венецианских гондольеров. Во времена Казановы все обстояло несколько иначе.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Независимость гондольеров была понятием относительным. Часть из них служила «за жалованье» у владельца гондолы и была обязана почтительно относиться к хозяину. Часть гондольеров состояла на службе у знатных семейств или же у иностранных граждан. Эти гондольеры, несмотря на запрет, носили ливреи (после 1709 года ношение ливреи стало практически обязательным). Запретив носить ливреи, власти хотели сохранить дистанцию между гондольерами и слугами дома, так как опасались, что, получив поддержку в лице гондольеров, неугодные кланы упрочат свое влияние. До тридцати лет гондольер не имел права работать самостоятельно; после тридцати ему разрешалось купить место у причала, где он мог пришвартовать свое транспортное средство. Только после этого он становился *barcarolo a guadagno* — независимым владельцем собственной лодки; свободный лодочник (*barcarol*) набирал полную лодку пассажиров и за 30 сольдо перевозил их из Риальто в Местре, а когда Казанова пожелал, чтобы его перевезли только вдвоем с приглянувшейся ему красавицей, пришлось выложить 40 сольдо».

Для сравнения: один фунт (около 300 г) мяса в то время стоил от 11 до 16 сольдо. За 4 сольдо можно было купить 15 унций (около 375 г) хлеба. Масло, продукт из «сферы роскоши», стоило 24 сольдо за фунт, вино и оливковое масло — соответственно 18 и 24 сольдо. Чтобы иметь возможность тратить 30 сольдо в день, нужно было зарабатывать 45 лир в месяц (1 лира равнялась примерно 20 сольдо). Ни рабочие, ни слуги практически не зарабатывали подобных сумм.

Сейчас сорокаминутная прогулка по Венеции на гондоле стоит около пятидесяти евро. Те, кто может себе это позволить, нанимают гондольера на целый день, а экономные туристы собираются в группы по шесть человек и платят в складчину. Нанять гондолу можно на одной из станций, разбросанных по центру Венеции, или просто принять приглашение гондольера в любом месте города. Чтобы не ошибиться, форма гондольеров — полосатый верх, темный низ. Даже ширина полосок на рубашках венецианских гондольеров строго регламентируется.

Для туристов безумно интересна проводящаяся ежегодно в первое воскресенье сентября в Венеции знаменитая Историческая регата (*Regatta Storica*). Перед этими соревнованиями проводится парад гондол. После парада проходит соревнование гондольеров на дистанции в семь километров. Каждый остров или район считают своим долгом выставить лодки на соревнование.

Памятник Коллеони, рядом с которым Казанова встречался с М.М

Итак, Джакомо Казанова не без помощи гондольеров (а иначе туда попасть было невозможно) стал часто появляться на острове Мурано, и вскоре его ждал большой сюрприз.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Он получил таинственное письмо от одной монахини, заметившей его в церкви и пригласившей увидеться с ней... Она даже сообщила ему, что может приехать в Венецию, когда захочет, чтобы поужинать с ним. Казанова тотчас заподозрил прекрасную подругу К.К. Решился не сразу, боясь подвоха и ловушки. В сопровождении своей дуэньи явился в монастырь и там узнал, что незнакомку зовут М.М.».

В данном случае в очередной раз ученые-казановеды развернули бурную деятельность, пытаясь установить личность этой М.М., которую наш герой порой называл Матильдой в черновике своей рукописи, впоследствии старательно вымарав это имя.

Сначала ее определили как некую Марию-Маддалену Пазини из монастыря Сан-Джакомо-ди-Галлисия, но та была безвестной девушкой, дочерью простых мещан, а не благородного происхождения.

Герман Кестен («Казанова»):

«В соответствии с актом патриаршьего архива от 10 октября 1766 года, монастырь Сан-Джакомо-ди-Галлисия на Мурано насчитывал тогда шестнадцать монахинь, из которой двенадцатой была Мария-Маддалена Пазини, родившаяся 8 января 1731 года, то есть в ноябре 1753 года ей было двадцать два, почти двадцать три года, как и говорит Казанова. В 1785 году она стала аббатисой монастыря. Впрочем, Казанова в воспоминаниях неожиданно называет имя Матильды в тот момент, когда рассказывает о своем аресте «Великим господином».

Затем ее признали в Марине-Марии Морозини (в монашестве — сестра Мария-Контарина), поступившей в монастырь Санта-Мария-дельи-Анджели в сентябре 1739 года.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Это та пресловутая К.К., которая с не менее известной М.М. (Мариной-Марией Морозини) станет одной из солисток великой оперы под названием «История моей жизни».

Еще один вариант: М.М. — это, возможно, Мария-Элеонора Микели (или Микиель), дочь венецианского сенатора Антонио Микели.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Мария-Элеонора Микиель — М.М., которая на Мурано удовлетворяла с Казановой страсть к вуайеризму аббата де Берни, — стала настоятельницей (да-да! В Светлейшей все бывает!) своего монастыря Сан-Джакомо-ди-Галлисия».

Короче говоря, мнений о том, как в реальности звали таинственную М.М., множество. Как бы то ни было, Джакомо Казанова назначил ей встречу возле памятника кондотьеру⁹ Бартоломео Коллеони (statue Bartolomeo Colleoni), который и сегодня можно увидеть на площади Санти-Джованни-э-Паоло (Campo Santi Giovanni e Paolo).

Бартоломео Коллеони жил в XV веке и был известным кондотьером, состоявшим на службе попеременно то у Милана против Венеции, то у Венеции против Милана. Этот полководец, кстати, был первым итальянцем, применившим артиллерию не на крепостных стенах, а в открытом поле. Последние годы он пышно жил в своем замке Мальпала, где и

⁹ *Кондотьеры* (от итал. condotta — договор о найме на военную службу) — так в Италии XIV–XVI вв. назывались руководители военных отрядов, находившихся на службе у городов-коммун и государей и состоявших в основном из иностранцев.

умер в 1475 году, оставив часть своего имущества (около ста тысяч дукатов золотом) Венеции на благотворительные цели. В благодарность за это Венеция соорудила ему великолепный памятник. Кстати сказать, сам Бартоломео Коллеони завещал Венеции деньги лишь с условием, что памятник ему будет поставлен на площади Сан-Марко, но потом сторговались на варианте с площадью Санти-Джованни-э-Паоло.

Конная статуя Бартоломео Коллеони работы Андреа дель Веррокио, учителя Леонардо да Винчи (завершал работу уже Алессандро Леопарди¹⁰), стоит на высоком постаменте справа от входа в собор Санти-Джованни-э-Паоло (Basilica dei Santi Giovanni e Paolo) — один из самых больших и известных соборов Венеции. Вторым, не менее распространенным названием этого собора, в соответствии со спецификой венецианского диалекта, является наименование Сан-Заниполо (San Zanipolo).

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Этот монумент стоит на площади перед собором; среди прочих конных статуй не найти такой же богатой и такой же элегантной. Пьедестал был создан Леопарди, который также отлил и бронзовую статую огромной величины».

Примерно в 1230 году участок земли, где сейчас стоит собор, был подарен Венецией Доминиканскому монашескому ордену, и именно монахи начали здесь в XIII веке строительство церкви и монастыря.

Строительство современного здания собора закончилось лишь через двести лет, в 1430 году.

Эта чисто готическая базилика, выполненная из красного кирпича, имеет внушительные размеры: длина ее главного нефа составляет около 100 м. Могучий интерьер составляют десять круглых колонн с крестовыми сводами и стрельчатыми арками. С каждой стороны вокруг главного алтаря построены по две большие граненые капеллы.

Собор этот знаменит тем, что в нем находится большое количество произведений искусства, а также в нем захоронены двадцать пять венецианских дождей: Антонио Верньера, Микеле Морозини, Томмазо Мочениго и другие. Таким образом, собор Санти-Джованни-э-Паоло — это своего рода венецианский Пантеон.

После первой встречи Казанова с М.М. пошли в игорный дом.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В день Богоявления вечером я отправился к подножью прекрасной статуи, каковую воздвигла благодарная Республика герою Коллеони — предварительно одного отравив, если верить секретным документам...

Ровно в два часа из гондолы вышла М.М. в светском платье и плотной маске. Мы отправились в оперу на остров Сан-Самуэле и к концу второго балета пошли в ridotto, игорный дом; там она с величайшим удовольствием разглядывала патрицианок, которым титул доставлял привилегию сидеть без маски. Прогулявшись с полчаса, отправились мы в комнату, где находились главные банкометы. Она остановилась перед банком сеньора Момоло Мочениго — в те времена он был самым красивым из всех молодых игроков-патрициев. Игры у него тогда не было, и он беспечно восседал перед двумя тысячами цехинов, склонившись к уху дамы в маске, сидевшей возле него».

После второй встречи, также назначенной возле памятника Коллеони, они уже отправились в маленькую квартирку, которую к тому времени успел снять Казанова.

Ален Бюизин («Казанова»):

¹⁰ Памятник был открыт в 1496 году.

«Новое свидание с М.М. назначено уже в роскошном доме, который Казанова поспешил снять в ста шагах от церкви Святого Моисея. На сей раз он получил полное удовлетворение».

На самом деле Казанова снял не весь дом, а лишь квартиру в нем.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Если в период расцвета торговой республики дома строились в «непосредственной близости к торговым площадям (Риальто — Сан-Марко) и на Большом Канале, то теперь они чаще строятся на периферии. Домовладельцы, вынужденные платить специальный налог, доходы от которого идут на поддержание в сохранности городских строений, из экономических соображений превращают первые этажи, прежде занимаемые складами, в лавки и мастерские и сдают их ремесленникам, а на «промежуточных» этажах устраивают квартиры. Увеличение числа квартир, сдающихся внаем, обусловлено главным образом дроблением помещений в домах, принадлежащих дворянам; одной из причин такого дробления, в частности, служит увеличение численности аристократических семейств. Однако расширение жилых площадей никак не связано ни с улучшением условий для жильцов, ни с доходностью домов для домовладельцев».

Герман Кестен («Казанова»):

«Казанове нельзя было терять время; у него не было казино¹¹. Он не сэкономил деньги и быстро нашел одно — элегантное, в квартале Корте¹² Бароцци в округе Сан-Моизе¹³, которое английский посол Холдернесс при отъезде задешево отдал собственному повару. В восьмиугольной комнате потолок, стены и пол были из зеркал».

Квартира Казановы на улице Бароцци

Аренда хорошей квартиры в Венеции времен Джакомо Казановы стоила от 70 до 80 дукатов в год (от 1540 до 1760 лир), аренда скромной квартирки в плохом приходе — от 3 до 9 дукатов в год (от 66 до 198 лир). При этом, например, квалифицированный рабочий зарабатывал не больше 20 дукатов в год, и этого ему вполне хватало для жизни (на эти деньги можно было купить, например, почти 200 кг мяса).

Улица Бароцци находится между палаццо Тьеполо, выходящим фасадом на Большой Канал, и церковью Святого Моисея. От статуи Коллеони сюда по прямой идти метров семьсот. Пройти к снятой Казановой квартире можно было через площадь Сан-Марко.

Филипп Моннье («Венеция в XVIII веке»):

«Переодетая кавалером, монашенка с Мурано встретила с Казановой под статуей Коллеони».

Герман Кестен («Казанова»):

«К назначенному часу приплыла барка, из нее вышла фигура в маске. Это

¹¹ *Казино* (casino) — уменьшительное от слова «casa» (дом).

¹² *Corte* — небольшая тупиковая улица или двор.

¹³ *Сан-Моизе* — Святой Моисей.

была Мария-Маддалена.

Они пересекли площадь Сан-Марко и пошли в казино, меньше ста шагов от церкви Святого Моисея. Она сняла маску и восхитилась всем, рассматривая себя в зеркалах. Она носила костюм из розового шелка с золотым шитьем, модный тогда жилет с очень богатой отделкой, черные атласные брючки до колен, пряжки с бриллиантами на туфлях, очень ценный солитер на мизинце и кольцо на другой руке. Она позволила рассмотреть себя, и он ею любовался. Он изучил ее карманы и нашел золотую табакерку, бонбоньерку, украшенную перламутром, золотой маникюрный приборчик, роскошный лорнет, батистовый платок, двое часов с алмазами, брелок и пистолет, образец английского огнестрельного оружия из красивой полированной стали.

В соседней комнате она распустила корсет и волосы, достигавшие колен. Они уселись к огню. Он расстегнул бриллиантовую пряжку на кружевном воротничке. Есть ощущения, уверяет он, которые не могут быть разрушены временем, он имеет в виду ее груди. Более красивых он никогда не видел и не касался...

Он пылал от желания, она же была голодна. Он сказал, что она первая женщина, которую он принимает в казино, что она не первая его любовь, но станет последней. Ему было двадцать девять лет».

Казанова был покорен непревзойденным физическим совершенством М.М. Как назло, это произошло именно тогда, когда он пребывал в самом добродетельном периоде своей жизни. И тут вдруг — такая красивая женщина, высокая, с белой кожей, голубыми глазами и чувственными губами... Она просто не могла не понравиться нашему герою, да еще в собственной квартире, где потолок, стены и пол были весьма эротично покрыты зеркалами.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Это была совершенная красавица, выше среднего роста, белолицая, с видом благородным и решительным, но в то же время сдержанным и робким, с большими голубыми глазами; нежное и улыбчивое лицо, красивые влажные губы, приоткрывающие великолепные зубки; монашеское покрывало не давало разглядеть волосы, но были ли они у нее или нет, их цвет должен был быть светло-русым; ее брови уверили меня в этом; но чудеснее и удивительнее всего показалась мне ее рука, которая была видна до локтя: трудно вообразить себе нечто более совершенное. Вен не видно, а вместо мускулов — только ямочки».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Готово дело! Обольститель попался на крючок. На сей раз охотник превратился в дичь. Самое главное, Казанова, чрезвычайно удивленный «свободой, какой пользуются святые девственницы», был восхищен смелостью М.М., которая идет на столь большой риск».

Как же хорошо иметь собственную квартиру в Венеции! Впрочем, ее хорошо иметь не только в Венеции и не только для любовных встреч. И тут следует заметить, что Джакомо Казанова снял квартиру не только для встреч с прекрасной М.М., но и для игры в карты («он снял казино и вместе с партнером держал там банк фараона»).

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Каза, хоть он и выигрывает в карты, худеет и скушает. Вот почему он и устраивает неподалеку от площади Сан-Марко свое «казино» — это квартирка во вкусе не желающих выставлять свою жизнь напоказ патрициев и развратников. Баффо описал нам этот тип «домов свиданий» (как называли их в Париже), где уже в прихожей чувствуются ароматы лимона, апельсина, розы, фиалки и где стены украшены непристойными картинками. Казанова в своем казино: язык забавляется — Казиново».

Теперь очередь Казы стать объектом кадрёжа, да еще какого настойчивого!»

Дом, где снял квартиру Казанова, располагается очень удобно. Совсем рядом — площадь Сан-Марко, центр Венеции. Квартира эта издавна имела совершенно определенную репутацию. Сначала она служила патрициям, желавшим уединения, потом ее стали снимать приезжие гости, наконец — она стала салоном тайного игрока.

Надо сказать, что в Венеции даже женщины владели такими импровизированными казино. С 1704 года инквизиция вела войну против «игорного бизнеса», однако ни в одном другом городе игра в карты не была распространена столь повсеместно и бесстыдно, как в Венеции.

Церковь Святого Моисея, рядом с которой Казанова снял квартиру

Упомянутая церковь Святого Моисея (San Moisè) находится в районе Сан-Марко, в двух шагах на запад от площади Сан-Марко. Церковь эта была заложена в VIII веке, а потом перестроена в X веке по заказу некоего Моиса Вениера, который пожелал посвятить ее своему небесному покровителю святому Моисею. Современный мощный фасад церкви, выполненный в стиле барокко и богато декорированный скульптурами, был создан в 80-х годах XVII века Алессандро Треминьоном и австрийским скульптором Генрихом Мейрингом. Последний создал и главный алтарь церкви, а также изваял в интерьере огромное подобие горы Синай.

В XIX веке с фасада церкви пришлось снять несколько скульптур, так как здание грозило рухнуть. Сейчас этот фасад осмеян всеми архитектурными теоретиками, ибо чистая классическая основа его действительно слишком густо покрыта какой-то мелкой «скульптурной плесенью». Зато туристы ничего подобного нигде не увидят.

Дом, где снял квартиру Казанова, находится рядом с этой удивительной церковью.

Квартира де Берни на Мурано, где Казанова встречался с М.М

Ален Бюизин («Казанова»):

«Вторая встреча в приемной монастыря. Она сообщает все более и более удивленному Казанове, что у нее уже есть серьезный любовник... Ее любовник богат и осыпает ее щедротами; он ее полновластный хозяин; она от него ничего не скрывает».

Короче говоря, сюрпризы продолжались. Не успели Казанова и М.М. стать любовниками, как она вдруг объявила, что у нее есть еще один человек, с которым она имеет интимную связь.

Герман Кестен («Казанова»):

«Любовник нежен и добр, но оставляет ее сердце пустым, призналась она... Любовника она любит лишь по дружбе, любезности и в благодарность. Истинное чувство отсутствует. Впрочем, любовник похож на него, только, наверное, богаче».

Правда, получается, народная мудрость, которая гласит: «Если женщина идет с опущенной головой — у нее есть любовник. Если женщина идет с гордо поднятой головой — у нее есть любовник. Если женщина держит голову прямо — у нее есть любовник. И вообще — если у женщины есть голова, то у нее есть любовник». У М.М. явно была голова на плечах. К тому же другая не менее народная мудрость утверждает, что «иметь любовника можно, а богатого любовника — нужно».

Вот в такой «многогранный любовный треугольник» оказался втянут Джакомо Казанова. Но на этом сюрпризы для него не закончились. Его М.М. немного замаялась, а

потом начала довольно странный разговор, смысл которого Казанова сначала даже не понял.

— Дорогой друг, — сказала она, — я хочу взять с тебя слово чести, что ты доставишь мне удовольствие и исполнишь одну мою просьбу.

Казанова ответил ей:

— Что за труд может быть для меня в том, чтобы доставить тебе любое удовольствие, какое ты попросишь, если только это в моих силах и не противно чести моей — теперь, когда между нами нет более никаких тайн? Говори, моя дорогая, и рассчитывай на любовь мою, а значит, и снисходительность во всем, что может доставить тебе удовольствие.

— Прекрасно! — продолжила М.М. — Я прошу тебя прийти на ужин в указанный мною дом для свиданий. Но я приду туда не одна, а со своим другом.

— С другом? А твой друг уже знает, кто я такой?

— Я полагала, что должна ему это сказать.

— Однако и ему самому не удастся сохранить инкогнито.

— Настанет время, и я тебе его представлю...

Произошедшее дальше поразило даже такого человека, как Казанова. Оказалось, что у М.М. теперь есть свое казино, то есть свой дом для свиданий, снятый соперником Казановы на острове Мурано.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Когда М.М. назначила Казанове новое свидание в своем домике на Мурано, она предупредила его в письме, которое он должен был прочитать, лишь придя к себе домой, что обстановка на сей раз будет особенной. В самом деле? Ее любовник будет присутствовать при их утехах, спрятавшись в потайном кабинете. «Ты не увидишь его, он увидит все». По меньшей мере удивленный, Казанова подумал и согласился. Однако задался вопросом: если допустить, что подобное зрелище может доставить ему удовольствие, как он поступит, если в разгар возбуждения ему сильно потребуется М.М.?»

Однако, отправившись в указанный ему домик на Мурано около двух часов ночи и надеясь найти там М.М., Казанова увидел там... К.К., одетую монахиней.

Сначала он не поверил своим глазам и застыл как вкопанный. К.К. явно была удивлена ничуть не менее нашего героя. Она, остолбенев, не могла вымолвить ни слова. Нелепая ситуация! Рухнув в кресло, Казанова попытался прийти в себя и хоть как-то собраться с мыслями.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Это М.М. сыграла надо мной такую шутку, — сказал я себе, — но как она узнала, что я любовник К.К.? Она выдала мою тайну. Но, выдав меня, как смеет она явиться мне на глаза? Если М.М. меня любит, как она могла лишиться себя удовольствия меня видеть и прислать ко мне свою соперницу? Это не может быть простой снисходительностью, ибо в сем чувстве не заходят столь далеко. Это знак острого и оскорбительного презрения».

Понять Казанову несложно. Он явился сюда ради М.М. Но и К.К. была ему отнюдь не безразлична. Ее он тоже любил, но в тот момент он собирался обладать совсем не ею. Разум его не мог примириться с подобным надругательством над своими собственными чувствами. А о сердце и говорить нечего — оно просто разрывалось на части.

К.К. стала уверять Казанову, что ни в чем не виновата, что она лишь следовала указаниям своей подруги.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Она лишь следовала указаниям М.М., с которой состоит в нежной связи. Кстати, та ей сказала, что она не застанет в домике никого. Увидев Казанову, она догадалась о его связи со своей подругой. В общем, они оба попались в ловушку и

были одурачены М.М.: это она, и только она ведет игру. Казанова увидел в этом неслыханный, двусмысленный и даже неуместный поступок, если не сказать кровное оскорбление, которого нельзя спустить. Его самолюбию нанесен жестокий удар. Напрасно К.К. защищала свою дорогую подругу, видя в ее поступке лишь проявление великодушия и благородства, доказывавшего, что она не ревнует и хочет доставить удовольствие одновременно своему любовнику и любовнице, соединив их. Казанова все равно раздражен».

Они просидели у камина почти до самого рассвета. Потом Казанова поцеловал К.К., отдал ей ключ от дома, попросив передать его М. М., и удалился.

Через несколько дней он встретился с М.М. на Мурано.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Четвертого числа февраля 1754 года предстал я вновь пред моим прекрасным ангелом. Она была в монашеском облачении. Взаимная любовь уравнила вину нашу, и в один и тот же миг бросились мы друг перед другом на колени. Оба мы дурно обошлись с нашей любовью... Прощение, что должны были мы испрашивать друг у друга, неизъяснимо было словами и излилось потоком даримых и возвращенных поцелуев, отдававшихся в сердцах наших, а те, исполненные любви, радовались, что не надобен им другой язык для изъявления желаний своих и восторга».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Следуют трогательные доказательства любви, завершающиеся визитом в потайной кабинет, во время которого М.М. ему признается, что была здесь со своим любовником в ту ночь, когда прислала К.К. вместо себя».

Этот потайной кабинет выглядел следующим образом. В комнате стоял большой шкаф, в котором отодвигались доски задней стенки, а за ними открывалась дверь, через которую можно было войти в кабинет. В этом кабинете имелось все для того, чтобы человек мог незаметно провести там много часов подряд. В нем была и софа, и стол, и кресла, и секретер, и свечи — иными словами, в потайном кабинете было все, что могло «потребоваться любопытному сладострастнику, для которого главное удовольствие состояло в том, чтобы стать незримым свидетелем чужих наслаждений».

М.М. рассказала Казанове, что ее любовник был пленен увиденным и услышанным, что он преисполнен к Казанове дружеских чувств и вполне одобряет ее страсть к такому благородному человеку.

После этого она попросила Казанову отужинать втроем.

— Поужинав, ты уйдешь с ним? — спросил Казанова.

— Ты же понимаешь, что так надо, — ответила М.М.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Ужин на троих. Хотя это не совсем верно. К несчастью — на двоих плюс один: с одной стороны — пара М.М./де Берни, а с другой — Казанова, третий лишний».

Нашему герою все это очень не нравилось, но уклониться было невозможно: он прослыл бы ревнивцем, а это худший упрек для распутника, достойного имени Джакомо Казановы.

И вот настал день этой довольно странной встречи.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Казанова увидел неважно замаскированного человека, выходящего из гондолы. Управлял ею лодочник, который, как он знал, состоял на службе у

французского посла. У Джакомо больше нет сомнений в том, что любовник не кто иной, как господин де Берни, в то время бывший послом в Венеции».

Действительно, это была весьма примечательная личность. Его звали Франсуа-Жоакен де Пьерр де Берни. Он родился 22 мая 1715 года и, следовательно, был на десять лет старше Казановы. Он был младшим сыном в очень родовой, но небогатой семье. Ему было уготовлено церковное поприще, он воспитывался у иезуитов в коллеже Людовика Великого, потом поступил в семинарию Святого Сульпиция.

Но, блестяще закончив учебу, де Берни предпочел стать завсегдатаем парижских салонов. Ведя веселую салонную жизнь, он публиковал труды на различные темы и в 1744 году, в возрасте двадцати девяти лет, стал самым молодым французским академиком. Но удача улыбнулась ему по-настоящему, когда бывшая Жанна-Антуанетта Пуассон, ставшая сперва госпожой д'Этиоль благодаря своему браку, а затем фавориткой короля, известной как мадам де Помпадур, пригласила его к себе на ужин и заявила, что хочет, чтобы он стал ей другом. В результате, опираясь на твердую поддержку маркизы де Помпадур, которой король ни в чем не мог отказать, де Берни получил (для начала) квартиру в Лувре и пост посла в Венеции. В сентябре 1752 года он покинул Париж.

Кстати сказать, дальнейшая судьба господина де Берни сложится самым удивительным образом.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Вскоре де Берни станет известен всей Европе, подписав с Австрией договор, направленный против Фридриха Прусского».

Действительно, в 1756 году он в резиденции маркизы де Помпадур проведет переговоры и заключит договор с Австрией, а потом, в январе 1757 года, его назначат в Вену посланником для того, чтобы официально скрепить этот договор своей подписью.

Потом, когда все будет благополучно завершено, он возвратится в Париж и будет незамедлительно сделан министром иностранных дел. Чуть позже двум таким мощным католическим державам, как Франция и Австрия, уже нетрудно будет получить для де Берни в Ватикане кардинальское назначение.

Помимо этого, де Берни будет назначен еще и командором ордена Святого Духа, а также получит титул графа, который пожалует ему лично король с целью обогатить новоявленного кардинала. С этой же целью король назначит бывшему аббату пенсию из собственной казны и ко всему этому прибавит еще несколько аббатств со всем их имуществом и доходами.

Поднявшись так высоко, Франсуа де Берни вдруг сочтет, что союз с Австрией представляет собой дело достаточно сомнительное и разорительное для Франции. Поняв это, он начнет вести переговоры с врагами своей страны, подразумевая в глубине души, что для заключения мира можно будет пойти даже на нарушение союза с Австрией.

Узнав об этом, маркиза де Помпадур перестанет считать кардинала своим союзником и начнет рассматривать его как человека, которого неплохо было бы свергнуть с той высоты величия, на которую она сама же его и втянула.

В конечном итоге она найдет нового фаворита — тридцатисемилетнего графа Этьенна-Франсуа де Стенвилля. Кардинал де Берни, будучи человеком дальновидным, поймет, что у него нет никакой возможности бороться против влиятельной маркизы де Помпадур, и подаст прошение об увольнении по собственному желанию. При этом он напишет маркизе утрированно жалобное письмо:

«Объявляю вам, мадам, и прошу предупредить короля, что я не могу больше отвечать за свою работу. У меня беспрерывно болит и кружится голова. Вот уже год, как я мучаюсь. Я совсем перестал спать».

Прошение об отставке будет принято, а граф де Стенвилль, сделанный герцогом де Шуазелем, займет его место.

Но вся эта головокружительная история произойдет позже, а пока будущий министр и кардинал был французским послом в Венеции.

Жан-Мари Руар («Берни: кардинал удовольствий»):

«Прибыв в Венецию, де Берни хотел показать себя строгим, создать себе образ человека упорного труда, недоступного для соблазнов. Он, как и надеялся, произвел благоприятное впечатление на венецианских аристократов, несколько уставших от послов, прибывающих из Франции. Можно подумать, что Венеция играет столь малую политическую роль, что одни только верительные грамоты, которых там требовали, указывали на закоренелого развратника».

В самом деле, от французского посла в Венеции ожидали галантных похощений, однако, как пишет биограф кардинала Рене Вайо, через некоторое время с удивлением была отмечена его «стойкость к очарованию женщин». И это в стране, «где эта слабость не считается пороком».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Возможно, он хотел всеми силами загладить жуткое воспоминание, оставленное одним из его предшественников, графом де Фруле, который не только на глазах у всей Венеции водил шашни с монахинями из монастыря Сан-Лоренцо, но и знался с известными своднями, регулярно снабжавшими его девками».

Герман Кестен («Казанова»):

«Одни биографы кардинала де Берни считают весь эпизод с М.М. вымышленным. Другие верят ему, как, например, Стендаль, который в «Прогулках по Риму» пишет: «Мемуары Мармонтеля и Дюкло скажут вам, что было сутью кардинала де Берни, а воспоминания Казановы — чем он занимался в Италии. Кардинал де Берни ужинал с Казановой в Венеции и на курьезный манер соблазнил его своей метрессой».

Если эта встреча действительно имела место, то для Джакомо Казановы она стала ловушкой. С одной стороны, он познакомился с очень влиятельным человеком.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Он сказал мне, что если бы знал меня в Париже, то указал бы мне дорогу, чтобы получить известность при дворе, где, по его словам, я бы сколотил состояние».

С другой стороны, его явно использовали: де Берни обещал ему продвижение по социальной лестнице в Париже, вот только в обмен на что?

Позже, когда де Берни станет министром иностранных дел Франции, выяснится, что Казанова был нужен ему для выполнения секретных поручений, и наш герой согласится на это. Пока же ему было ясно лишь одно: хитрый француз вел какую-то игру через посредство М.М., державшей под контролем и его самого, и глупенькую К.К.

На назначенную встречу М.М. явилась с К.К., крайне удивившейся при виде Казановы в обществе иностранного посла. Казанова ободрил ее, хоть и скрепя сердце, ведь он смотрел на К.К. как на создание, которое должно было принадлежать лично ему. Естественно, он вовсе не горел желанием, чтобы де Берни в нее влюбился, но и показывать себя ревнивцем, как мы уже знаем, он тоже не хотел. В результате Казанова начал действовать против самого себя, расхваливая послу К.К., бывшую в восторге от такой чести (она, возможно, также надеялась на кое-какое продвижение в обществе). Под конец ужина господин де Берни сказал:

— С этой минуты нам уже не забыть друг друга. Тайнства, к которым мы приобщены,

связывают нас крепкими узами. Мы станем близкими друзьями.

После этого они расстались.

Однако сюрпризы для Казановы на этом не закончились: на следующий ужин француз не явился.

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Однажды ночью, явившись на свидание, изумленный Джакомо обнаружил, что в уже разобранной постели его ждет... обнаженная Катерина.

— Мария-Маддалена присоединится к нам чуть позже, — с улыбкой объяснила Катерина своему опешившему любовнику.

Девушка, несомненно, сделала большие успехи. В самом деле, прошло несколько минут, и Мария-Маддалена, на которой, как и на Катерине, не было никакой одежды, присоединилась к сладострастникам и вплелась в их объятия».

Естественно, Казанова «не пощадил» ни той, ни другой.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Опьяненные все трое сладострастием и самозабвением, отдавшись во власть нашему жару, мы не пощадили ничего, что природа дала нам видимого и осязательного, вдоволь упиваясь всем, что видели, став все трое одного пола в тех трио, которые мы исполняли. За полчаса до рассвета мы расстались с истощенными силами, усталые, насытившиеся и униженные тем, что должны были это признать, хоть и без отвращения».

Хотя Казанова и получил огромное удовольствие от этой встречи, в глубине души он не одобрял эти буйства, явно подстроенные М.М. Он совершенно справедливо подозревал в этом какую-то ловушку. Более того, он был уверен, что отсутствие французского посла было предусмотрено. На самом деле так оно и оказалось.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Любовники — превосходные актеры. Настолько, что в какой-то момент у Казановы начинает кровоточить орудие любви. Впоследствии мы узнаем, что будущий кардинал де Берни остался очень доволен просмотром порнофильма live, который показали ему персонально».

Потом были и другие встречи втроем и вчетвером.

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Следующие недели наша четверка провела как нельзя более приятно. Каждую ночь они встречались, чтобы пировать и совместно предаваться любовным играм. Берни знал, что вскоре ему предстоит вернуться в Париж, и старался, так сказать, урвать все, что можно, устраивая один праздник за другим. Если бы Казанова этим довольствовался, то, пожалуй, смог бы избежать крупных неприятностей. Но его страсть к женщинам была поистине неутолима. Ему мало было то и дело переходить от Катерины к Маддалене, а то и заниматься обеими разом, поскольку у аббата, который был постарше, здоровье было уже не то. Ему опять захотелось чего-то новенького, неизведанного».

Естественно, с К.К. после всего этого для Казановы было покончено.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Я чувствовал, что больше не смогу ее любить и что уж наверняка не вернусь к мысли о женитьбе на ней».

И он стал искать предлог, чтобы больше не видеться с ней и не возвращаться в домик

на Мурано.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Все завершилось в последний день карнавала ужином вчетвером — последним, который Казанова разделил с К.К. Уже приближалась развязка. Сердце молчало. Раздел произведен раз и навсегда. Де Берни забрал К.К., Казанова сохранил себе М.М. Но К.К. оказалась запертой в монастыре, и де Берни ее потерял».

Так в чем же был тайный смысл всего происходившего? Ответ на этот вопрос не так уж и сложен.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Можно побиться об заклад, что вся эта театральная интрига завязалась с той минуты, как у К.К. случился выкидыш в монастыре. М.М. это засекла, выведала секрет девицы, соблазнила ее, вступила в энергичное соперничество с Казой, разожгла любопытство де Берни, выманивая у него все более многочисленные подарки и надеясь, сознательно или нет, забеременеть, как К.К., в начале интриги, а тем временем К.К., которая хоть и не отказалась от новой попытки завлечь Джакомо, несомненно, мечтала занять место М.М. при французском после».

А как же мужчины? Они что, оказались в дураках? В общем-то нет. И женщины тоже нет. Одно не подлежит сомнению: все четверо получали наслаждение, и большое.

Дальше идти некуда, развязка наступает сама собой: де Берни ждут новые обязанности при Версальском дворе — он должен уехать. К.К. выйдет замуж за человека, не имеющего отношения к четверке, бесстрашная красотка М.М. исчезнет со сцены».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Де Берни должен уехать в Вену с дипломатической миссией; он предоставляет свободно распоряжаться своей холостяцкой квартиркой на Мурано. Только осторожно, — советует он Казанове. Их делишки известны Государственным инквизиторам, которые из политических соображений закрывают на них глаза. Лучше не видаться с М.М. в домике, пока его нет».

Несмотря на настойчивые советы мудрого де Берни, Казанова и М.М. продолжили встречаться. Какая неосторожность!

Через некоторое время де Берни сообщил из Вены, что больше никогда не вернется в Венецию. Он велел продать все, что находилось в его домике, который больше ему не был нужен.

Для Казановы это была катастрофа. На мечтах о карьере в Венеции, а может быть, и в Париже можно было ставить точку.

Позже, в 1757 году, оказавшись в Париже, он обратится к де Берни.

Шарль-Жозеф де Линь («Литературный и исторический сборник»):

«Он поехал во Францию, вспомнил о кардинале де Берни, единственном человеке, которого он там знал, был прекрасно им встречен... Кардинал дал ему право провести лотерею, которая принесла ему от восьми до десяти тысяч франков. Но что это было в Париже? Он там потратил тридцать тысяч: девочки из оперы, экипажи, ливреи крупного итальянского сеньора, обеды и т. д.».

В самом деле, в Париже Джакомо Казанова немного заработал на проведенной им лотерее, которая должна была спасти государственную казну от полного банкротства. Однако складывается впечатление, что его реальная роль в этом мероприятии была намного

меньше, чем он сам себе это приписывает. Де Берни, если бы и хотел, ему ничем не мог помочь.

Шарль-Жозеф де Линь («Литературный и исторический сборник»):

«Казанова сказал ему: «Монсеньор, двенадцать послов и министров ждут в вашей приемной, я ухожу». — «Поговорим еще о Венеции», — ответил тот. Казанова напомнил ему лучшие стихи, самые нежные из тех, что он сочинил во время их оргий. «Забудьте об этом, мой друг, — сказал министр, — меня вот-вот отправят в отставку. Если об этом узнают, это лишь ускорит победу моих врагов». Он пал через несколько дней после этого. Казанова потерял свое место».

Эрберия, где гулял Казанова незадолго до ареста

Сказать, что Казанова был расстроен, — это значит ничего не сказать. Чуть не плача, всю ночь с 24 на 25 июля 1755 года он бродил по Венеции, горюя об упущенных шансах и неиспользованных возможностях.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Когда стало светать, отправился я на Эрберию, Зеленой рынок. Место, именуемое Эрберией, лежит на набережной Большого Канала, что пересекает весь город, и называется так оттого, что здесь и в самом деле торгуют зеленью, фруктами, цветами».

Эрберия (Herberia) находится неподалеку от моста Риальто, который, равно как и прилегающие к нему набережные и улицы, является торговым центром Венеции. Мост соединяет три набережные: на стороне района Сан-Поло это Фондамента дель Вин (Fondamenta del Vin) — Винная набережная, на стороне района Сан-Марко это Рива дель Карбон (Riva del Carbon) — Угольная набережная и Рива дель Ферро (Riva del Ferro) — Железная набережная. Рядом располагается самое оживленное на канале место: Рыбный рынок (Pescheria) и Зеленой рынок (Herberia), куда, по традиции, уже много столетий подряд каждое утро приходят лодки с рыбой, зеленью и овощами.

Возле Эрберии, на стороне Сан-Поло, стоит самая древняя церковь Венеции — Сан-Джакомо-ди-Риальто (San Giacomo di Rialto). По преданию, ее фундамент заложили еще в V веке первые переселенцы с материка, бежавшие от нашествия северных варваров. Нынешний внешний вид храма относится к XI–XII векам, а отреставрирована она была в 1601 году.

Следует сказать, что в Венеции не было традиционных ярмарок товаров повседневного спроса, а ярмарка Вознесения (Sensa) считалась праздником — с балаганами купцов на площади Сан-Марко, маскарадом, музыкой и ритуальным зрелищем венчания дожа с морем. На площади Сан-Марко было несколько рынков, в частности рынки драгоценных украшений и не менее драгоценных мехов.

Продукты же питания продавались у моста Риальто. Именно здесь, на Большом Канале, находилось «чрево» Венеции, активный центр любых обменных операций, больших и малых сделок. Здесь каждое утро встречались крупные негоданты Венеции в своей Лоджии (Loggia), построенной в 1455 году, — можно сказать, на своей Бирже, — обсуждая свои дела, договариваясь о фрахте судов, покупая и продавая товар, заключая контракты между собой или с иностранными купцами. Чуть дальше располагались банкиры в своих тесных лавках, готовые тут же соответствующим образом оформить эти сделки.

Именно от моста Риальто торговля и деловая жизнь разливались по всему кварталу Сан-Марко.

Однако район Эрберии во времена Казановы был известен не только своими овощами и фруктами.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Те, кто отправляется сюда на прогулку в столь ранний час, уверяют, будто хотят доставить себе невинное удовольствие и поглядеть, как плывут к рынку две или три сотни лодок, полных зелени, всевозможнейших фруктов и цветов, разных в разное время года, — все это везут в столицу жители окрестных островков и продают задешево крупным торговцам; те с выгодой продают товар торговцам средней руки, а они — мелким, еще дороже, и уж мелкие разносят его за самую высокую цену по всему городу. Однако ж венецианская молодежь ходила на Зеленной рынок вовсе не за этим удовольствием: оно было только предлогом.

Ходят туда волокиты и любезницы, что провели ночь в домах для свиданий, на постоянных дворах или в садах, предаваясь утехам застолья либо азарту игры. Характер гульбища этого показывает, что нация может меняться в главных своих чертах.

Венецианцев старых времен, для которых любовные связи были такой же глубокой тайной, как и политика, вытеснили нынче современные венецианцы, отличающиеся именно тем, что не желают ни из чего делать секрета. Когда мужчины приходят сюда в обществе женщины, они хотят пробудить зависть в равных себе и похвастать своими победами. Тот, кто приходит один, старается узнать что-нибудь новенькое либо заставить кого-нибудь ревновать. Женщины идут туда больше показаться, нежели поглядеть на других, и всячески стремятся изобразить, что не испытывают ни капли стыда. Кокетству здесь места нет: все наряды в беспорядке, и кажется, напротив, что в этом месте женщинам непременно надобно показаться с изъясными в убранстве — они как будто хотят, чтобы всякий встречный обратил на это внимание. Мужчины, ведя их под руку, должны всячески выказывать скуку перед давнишней снисходительностью своей дамы и делать вид, будто нисколько не придают значения тому, что красотицы выставляют напоказ разорванные старые туалеты — знаки мужских побед. У гуляющих здесь должен быть вид людей усталых и всей душой стремящихся в постель, спать.

Погоуляв с полчаса, отправляюсь я к себе в дом для свиданий».

Фактически это был своеобразный район «красных фонарей», где всегда можно было найти себе женщину, как говорится, не самых строгих правил. Сейчас для рода занятий этих женщин есть вполне определенный термин, а во времена Джакомо Казановы они назывались куртизанками.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Во все времена венецианские куртизанки славились более красотой, нежели умом».

Венецианская куртизанка — дитя порока, обожаемая всеми и одновременно ненужная никому, сегодня блистающая в обществе господ из высшего света, а завтра всеми забытая и умирающая от «дурной болезни». Эти женщины жили в то прекрасное и жестокое время, когда, с одной стороны, их преследовали, а с другой — не могли без них обойтись. В Венеции проститутками (будем называть вещи своими именами) считались все незамужние женщины, имевшие интимную связь с одним или более представителями противоположного пола, а также замужние женщины, не жившие с мужем и имевшие интимные связи с другими мужчинами.

До 1498 года проститутки Венеции могли жить только в специально отведенном для них квартале Кастеллетто (Castelletto), находившемся в районе Риадельто. После этого им наконец разрешили свободно передвигаться по городу. В XVI веке их количество уже составляло примерно 10 процентов от общего числа населения Венеции.

Безусловно, по сравнению с другими городами, Венеция отличалась независимостью и более свободными взглядами. Поэтому и проститутки здесь чувствовали себя намного спокойнее, чем где-либо в другом месте. Но это вовсе не означало, что венецианские власти

не заботились об общественной морали, просто они старались держать это явление под контролем, но не слишком драматизировали его. Проститутки тоже вели себя достаточно тихо, а посему в городе в целом царила атмосфера толерантности и уважительного отношения к интересам различных сторон.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Начиная с XIII века правительство прекратило растрачивать силы на контроль за проституцией, сконцентрировав активность девиц легкого поведения в определенных местах, и в частности на Риальто, где в XIV веке для соответствующих дам был даже создан публичный бордель-резервация Castelletto. Проститутки обязаны были соблюдать определенные правила, дабы отличаться от остальных женщин: им запрещено покидать отведенные «для работы» места, запрещено ночевать в тавернах, селить у себя иностранцев, являться в приемные женских монастырей, кататься на лодках, будь то днем или ночью, выходить в масках на улицу. В театре же, напротив, они были обязаны появляться только в масках; им было запрещено жить на Большом Канале и платить больше 100 дукатов за квартиру; запрещено иметь горничных и прислугу (massere), носить белые платья zenda, какие носят молодые девушки, и жемчужные ожерелья, какие обычно носят женщины из общества; запрещено принимать участие в празднествах знати, появляться на балах, на загородных прогулках, на ярмарках или на религиозных праздниках. Нарушительниц наказывали так же, как и преступников-рецидивистов».

Нарушительниц было немного. Более того, венецианские проститутки делились на две основные категории. К первой относились так называемые «честные куртизанки» (cortigiane oneste). Их честность в данном случае не имеет почти ничего общего с целомудрием, но означает лишь то, что этой категории женщины обладали хорошими манерами и находились на содержании одного или нескольких богатых покровителей, как правило, выходцев из высшего сословия. Этим дамам нечего было бояться. Остальные же, которые по тем или иным причинам не смогли стать «честными», с властями старались по возможности не пересекаться.

Короче говоря, в Венеции женщинам жилось в целом неплохо.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«По мнению Джованни Скарабелло, женщины в Венеции составляют четвертое сословие — наряду с патрициями, горожанами (cittadini) и плебеями (popolani). Значимость этого сословия велика не только благодаря его численному превосходству. Они исполняют основную функцию в государстве, а именно красотой своей создают и прославляют великолепие города. Как мы уже могли убедиться, Венеция — это вторая Венера. Согласно преданию, совершенная красота Венеции происходит от ее богини-покровительницы; красота венецианок — эстетический канон, воплощенный и увековеченный в литературе и живописи: белизна кожи, оттененной жемчужинами и шелками, редкостный цвет волос, которые женщины «отбеливали», сидя на балкончиках и подставляя головы яркому солнцу, очаровательной формы руки и ноги. Венеция славит красоту своих женщин и использует ее в политических целях».

В Венеции времен Джакомо Казановы любая женщина, вне зависимости от рода ее занятий и общественного положения, постоянно была объектом демонстрации: город гордился своими женщинами в такой же степени, как гордился своим богатством и своей свободой.

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Женщины представляют общественно полезную ценность, они наравне с прочими гражданами служат Светлейшей, но своим собственным оружием».

Завершая эту тему, хотелось бы отметить, что в XVIII веке в Венеции женщины составляли более половины населения. Согласно статистике, их рождалось меньше, но выживало больше. Так, например, в период между 1682 и 1711 годами ежегодно рождалось примерно 2640 мальчиков и 2480 девочек, однако умирало 1350 мальчиков и только 1180 девочек.

Погоуляв примерно полчаса в районе Эрберии и поразмышляв о превратностях жизни, Казанова вернулся к себе и с удивлением обнаружил, что дверь открыта, а замок двери сломан. По словам хозяйки, «Великий господин» («Messer Grande»), как именовался тогда шеф жандармов в Венецианской республике, с целой шайкой своих подчиненных ворвался в дом и перевернул все вверх дном, утверждая, что ищет контрабанду — чемодан, полный соли¹⁴. Ему якобы было известно, что накануне чемодан внесли сюда. Хозяйка объяснила, что действительно накануне был выгружен с лодки чемодан, но в нем была одна лишь одежда. Шеф жандармов осмотрел предоставленный ему чемодан и, не сказав ни слова, удалился.

Возмущенный Казанова тут же побежал к господину Брагадину, чтобы рассказать ему о произошедшем, а тот, внимательно выслушав своего протеже, сказал:

— Чемодан с солью — всего лишь предлог. Приходили за тобой и искали тебя. Ангел-хранитель уберег тебя, теперь же спасайся. Мне пришлось восемь месяцев быть Государственным инквизитором, и я знаю, каким образом совершаются предписанные Трибуналом аресты. Поверь мне, сын мой, отправляйся немедленно в Фузину, а оттуда скачи на почтовых лошадях без остановки во Флоренцию и оставайся там, пока я не напишу, что все обошлось и ты можешь вернуться. Бери мою четырехвесельную гондолу и срочно отправляйся.

Но Казанова не послушал своего умудренного опытом покровителя. Он заявил, что не чувствует за собой вины, а посему никакой Трибунал ему не страшен. Господин Брагадин, давно считавший Казанову своим сыном, возразил ему, сказав, что Государственные инквизиторы могут признать его виновным даже в неизвестных ему самому преступлениях. На это Казанова ответил:

— В их власти арестовать меня, но бояться мне не пристало.

Он полагал, что ни в чем не повинен, а если теперь сбежит, то этим постыдным поступком только докажет свою вину. Каким же наивным он тогда был человеком...

Канцелярия «Великого господина», где Казанова провел четыре часа после ареста

Ранним утром 25 июля 1755 года Джакомо Казанова был разбужен громкими ударами в дверь.

«Какого черта!» — подумал он, досадуя, что его сон прервали так не вовремя и так беспардонно. Он вовсе не собирался сегодня так рано вставать. Но удары в дверь становились все громче и все настойчивее. Казанова поднялся и, как был, в нижнем белье пошел открывать...

В его квартиру ворвались солдаты с «Великим господином» во главе.

Шеф венецианских жандармов приказал Казанове одеться и беспрекословно следовать за ним.

— Но по чьему приказу я подвергнут аресту? — спросил Казанова, все еще уверенный, что все это какая-то ошибка, но шеф жандармов своим ответом поверг его в ужас:

¹⁴ С давних времен в Венеции добыча соли имела экспортное значение. Еще римлянин Магн Аврелий Кассиодор писал, что соль заменяла жителям лагуны деньги. Правительство во все времена существования Венецианской республики ревниво охраняло эту отрасль, стремясь создать для нее в Адриатике и ближайших регионах монопольное положение.

— По приказу Трибунала.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Выйдя из комнаты, увидел я с удивлением в зале три или четыре десятка стражников. Какая честь! Дабы взять под стражу мою особу, сочли необходимым отправить столько людей, а ведь довольно было послать двоих. Странно: в Лондоне все жители храбры, но если нужно кого-то арестовать, посылают одного человека, а в милом моем отечестве, где все трусы, посылают тридцать. Быть может, причина в том, что трус, принужденный нападать, боится больше того, на кого нападает, а тот оттого же становится храбрецом — и в самом деле, в Венеции не редкость, что человек защищается в одиночку против двух десятков сбиров и, поколотив их всех, спасается бегством. В Париже я однажды помог одному своему другу вырваться из рук сорока таких прохвостов и обратить их в бегство».

Казанову посадили в большую гондолу. Вместе с ним в нее сели «Великий господин» и четверо стражников. В квартире Казановы до этого все перевернули вверх дном, просмотрели все бумаги и вещи, собрали все «подозрительные» книги.

В конечном итоге арестованного доставили в канцелярию шефа жандармов.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Привез он меня к себе и запер в комнате. Он предлагал мне кофе, но я отказался. В комнате провел я четыре часа и все время спал, разве что просыпался каждые четверть часа, дабы облегчиться от лишней жидкости; явление сие весьма необыкновенно, ибо недержанием я не страдал, жара стояла невыносимая, и я к тому же не ужинал».

«Великим господином» Венеции в то время был Маттео Варутти. Его канцелярия, куда доставили Казанову, располагалась на северо-востоке города, на Новой набережной (Fondamente Nuove).

Оттуда арестованного по сети малых каналов довели до Большого Канала, а потом высадили на Ривадельи-Скьявони (Riva degli Schiavoni), далее провели по нескольким лестницам и через Мост Вздохов и доставили в здание тюрьмы Пьомби, составлявшей верхний этаж Дворца дожей.

Дворец дожей, в котором находилась тюрьма Пьомби

Валери («Исторические и литературные путешествия в Италию в 1826, 1827 и 1828 годах»):

«Тюрьма Пьомби представляла собой верхнюю часть Дворца дожей».

В самом деле, так называемая тюрьма Пьомби — это были не страшные казематы, как можно было бы себе представить, а всего лишь верхние этажи великолепного венецианского Дворца дожей.

Этот прекрасный дворец вместе с собором Святого Марка и площадью Сан-Марко образует сейчас главный архитектурный ансамбль города. Предположительно архитектором первого варианта дворца был венецианец Филиппо Календарио, казненный в 1355 году. Во всяком случае, совершенно точно известно, что им были исполнены фасад дворца, выходящий на набережную Невольников, и шесть первых арок, выходящих на площадь.

Прежде всего, это самое грандиозное здание Венеции было резиденцией дожей республики. Во дворце также заседали Сенат и Большой Совет, члены которого избирали советников дожа и членов Сената, а также ратифицировали законы, работал Верховный суд и вершила свои дела тайная полиция. На первом этаже размещались также конторы юристов, канцелярия, службы цензоров и морское ведомство. Надстроенный сверху балкон служил

своего рода праздничной трибуной, с которой дождь время от времени являл себя народу.

Как и собор Святого Марка, Дворец дождей строился много столетий. Первое его здание, построенное в 810 году, представляло собой крепость со стенами и башнями, со всех сторон окруженную водой. В 976 году часть знати и народ восстали против дожа и сожгли его резиденцию. Вместо нее венецианцы построили новую крепость, но и она сгорела в 1106 году.

В XII веке венецианские мастера воздвигли новый дворец, который уже не был похож на крепость.

К XIV веку этот дворец обветшал и почти пришел в негодность, а посему в 1309 году венецианцы стали возводить новое здание дворца, которое потом достраивали и расширяли вплоть до XVI века. В результате было создано ни с чем не сравнимое массивное архитектурное сооружение, покоящееся на легких ажурных арках. При первом взгляде возникает впечатление, что здание перевернуто фундаментом вверх и крышей вниз — настолько нелогична система его фасада, в которой две ленты тонких и с виду очень слабых опор находятся внизу, а тяжелая сплошная стена — наверху.

На самом деле все сделано очень разумно. Открытая аркадная галерея первого этажа — это не каприз архитектора, а чудесное укрытие от яркого солнца. Это место, где любому прохожему можно отдохнуть и полюбоваться видом одной из самых прекрасных площадей в мире.

Галерея второго этажа — это воздушный балкон, затеняющий с юга и запада сравнительно небольшие официальные помещения и служащий удобным средством соединения между ними.

Дворец дождей имеет только один втиснутый между стеной базилики и углом дворца вход-портал — громадные бронзовые ворота Порты-делла-Карта (Porta della Carta). Происхождение этого необычного названия историки трактуют двояко. Возможно, оно произошло от находившегося неподалеку архива документов (cartae), а может быть, оно связано с тем, что когда-то здесь сидели писцы и помогали составлять горожанам бумаги, жалобы и прошения.

Через Порту-делла-Карта можно попасть во внутренний двор дворца, окруженный двухъярусными мраморными аркадами и украшенный восемью древнегреческими скульптурами. Посреди двора до сих пор стоят и два пышных бронзовых колодца-водоема, которые поставляли лучшую во всей Венеции воду. Множество торговки водой ежедневно заполняли внутренний двор Дворца дождей и разносили отсюда качественное питье даже в самые отдаленные кварталы Венеции.

Из внутреннего двора во Дворец ведет громадная Лестница Гигантов (Scala dei Giganti), вырубленная из чистейшего каррарского мрамора (она была построена в 1483–1490 годах). В 1554 году на верхней площадке лестницы установили огромные мраморные статуи Марса и Нептуна (военного и морского покровителей Венеции), и с тех пор лестница и получила такое свое название.

На верхней площадке Лестницы Гигантов происходили все торжественные церемонии, совершаемые Венецианской республикой, и самой пышной из них было венчание дожа. Тогда лестница превращалась как бы в гигантский трон, а старейший член Совета возлагал на голову нового правителя драгоценный головной убор — символ власти дожа.

В XVI веке во Дворце дождей построили Золотую лестницу (Scala d'Oro), по которой из галереи второго этажа во Дворец могли входить только те венецианцы, чьи имена значились в «Золотой книге», которую составили в 1315 году, вписав в нее двести самых знатных венецианских семейств.

Золотая лестница ведет в Зал Большого Совета (Sala del Maggior Consiglio) — самый большой зал не только в Венеции, но и во всей Италии (его размеры — 54×25×15 метров), вмещающий до трех тысяч человек. Огромный плоский потолок этого зала затянут роскошными живописными полотнами, написанными лучшими мастерами, включая Тинторетто и Веронезе.

Во Дворце дожей имеется также Зал четырех порталов (Sala delle Quattro Porte), Зал Сената (Sala del Senato), Зал Совета Десяти (Sala del Consiglio dei Dieci) и Оружейный зал (Sala d'Armi).

Основная достопримечательность интерьеров Дворца дожей — это роскошные резные потолки и потрясающая живопись великих художников венецианского ренессанса: Тициана, Тинторетто, Веронезе и других.

Верховный суд Венецианской республики вершился в Зале Совета Десяти. Перед ним располагается некое подобие передней, где осужденные с трепетом и ужасом ожидали приговора. Здесь же находилась и всем известная «Львиная пасть» («Bocca di Leone»), в которую опускались сообщения и доносы.

Из Зала Совета Десяти осужденные через особую секретную лестницу следовали в самую верхнюю часть Дворца дожей, которая и называлась Пьомби (Piombi), или «Свинцовой кровлей», или «Свинцами». Получается, что в пышных залах дворца теснились чудеса искусства, а над потолками, блещущими неудержимой фантазией художников, мучились узники. Право же, весьма странная идея, но именно она помогла Казанове спастись.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Патю не терпелось отвести меня в Оперу и поглядеть, какое действие произведет на душу мою сие зрелище; и в самом деле, итальянцу должно было показаться оно изумительным. Давали оперу под названием «Венецианские празднества». Название занимательное. Мы платим сорок су и идем в партер: там надобно стоять, и собирается хорошее общество. Спектакль был из тех, какими наслаждается вся нация без изъятия...

Оркестр блистательно исполняет увертюру, весьма красивую в своем роде, занавес поднимается; предо мною декорация, на которой представлена малая площадь Святого Марка, какой видится она с островка Сан-Джорджо. И я с изумлением замечаю, что Дворец дожей от меня слева, а Прокурации и большая колокольня — справа. Подобная ошибка, потешная и для моего века постыдная, насмешила меня; расскажи я о ней Патю, он бы тоже посмеялся».

Приведенный отрывок из воспоминаний Казановы весьма интересен, но нуждается в комментариях и пояснениях. Прежде всего, речь идет о спектакле, который поставили в Париже, где часто бывал Казанова. Клод-Пьер Патю был другом Казановы, адвокатом Парижского парламента, поэтом и автором комедий. Он пригласил Казанову на оперу-балет «Венецианские празднества» (музыка Андре Кампра, либретто Антуана Данше), впервые поставленную в 1710 году и восстановленную в 1750-м.

Смысл рассказанного Казановой прост. Если смотреть на Дворец дожей со стороны острова Сан-Джорджо-Маджоре (San Giorgio Maggiore), то дворец находится справа, а Прокурации и большая колокольня Сан-Марко (Campanile) — слева.

Малая площадь, или Пьяццетта, когда-то играла роль гавани. Здесь были воздвигнуты две высокие колонны из серого и красного гранита.

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Их привезли из Константинополя, а поставил их Николо Бараттьеро Ломбарди. На вершине одной из колонн можно увидеть бронзового льва, привезенного из Парижа».

В самом деле, одна из колонн увенчана крылатым львом (символом Венеции), другая — статуей бывшего покровителя Венеции святого Теодора. Была еще и третья колонна, но она упала в воду и так и не была поднята.

Между этими двумя колоннами до 1753 года проводились публичные казни, поэтому туристам часто говорят, что проходить между ними — плохой знак.

Большая колокольня Сан-Марко, с которой открывается великолепный вид на Венецию, в течение столетий была сторожевой башней и маяком для кораблей, входивших в лагуну. Работы по ее возведению начались в IX веке, а закончились в 1173 году.

Эта квадратная в плане башня, выложенная из красного кирпича, имеет почти сто метров в высоту. Свои нынешние формы она приобрела в 1514 году, когда после очередного удара молнии ее заново возвели на личные средства адмирала Антонио Гримани, который после неудачной морской операции захотел застраховаться от ареста и поправить свою пошатнувшуюся репутацию (и поправил — через семь лет он был избран дожем).

С восточной стороны к подножью башни в 1540 году была пристроена Лоджетта из розового веронского мрамора. Ее украшали бронзовые двери и скульптуры в нишах, выполненные Сансовино. Ему же принадлежит и Мадонна, находящаяся внутри.

14 июля 1902 года в 9 часов 55 минут утра колокольня вдруг дала трещину и рухнула. Это удивительно, но она обрушилась столь деликатно, что не пострадал никто. Не были задеты ни собор, ни Дворец дожей, хотя расстояние от них до колокольни не превышает пятидесяти метров.

Стоящая сегодня Кампанила — это сооруженный уже в начале XX века близнец упавшей башни.

При падении колокольни в 1902 году Лоджетта была раздавлена. К сожалению, бесценные мраморы Сансовино при этом пострадали, но часть скульптур уцелела. В 1912 году Кампанилла была восстановлена (теперь на ее смотровую площадку можно быстро подняться на лифте).

В зданиях Прокуратий, о которых рассказывает Казанова, размещались прокураторы — «отцы города», отвечавшие за управление государством.

Если встать на площади Сан-Марко спиной к собору Сан-Марко, то здание Старых Прокуратий (*Procuratie Vecchie*) будет находиться по правую руку, Новых Прокуратий (*Procuratie Nuove*) — по левую.

Институт прокураторов возник в Венеции в 1043 году. Первоначально прокураторы следили за работами на Сан-Марко. Со временем их функции расширились, и они стали регламентировать всю общественную жизнь республики, определяя привилегии всех официальных лиц, включая дожа. Вокруг прокураторов тут же выросла огромная бюрократическая система, насчитывавшая много людей, которым требовалось место для работы.

Старые Прокуратии, находящиеся левее Башни часов, были построены в 1480–1517 годах архитектором Мауро Кодуччи. Они представляют собой трехэтажное длинное здание с двумя рядами лоджий. Пятьдесят ажурных арок первого этажа отведены под разнообразные магазины. Там же находится и знаменитое кафе «Квадри» («*Quadri*»).

Строительство Новых Прокуратий, расположенных прямо напротив Старых Прокуратий, было завершено в XVII веке, а начал строительство в 1586 году архитектор Виченцо Скамоцци. Сегодня в здании находится исторический и художественный Музей Коррер (*Museo Correr*), а также старейшее в Италии кафе «Флориан» («*Florian*»). Оно было открыто в 1720 году Флориано Францискони и первоначально называлось «Триумф Венеции». Господин Францискони не только подавал посетителям великолепный кофе, он был и поверенным в делах, и сватом, и главным распространителем сплетен. Место это сразу стало пользоваться огромной популярностью еще и потому, что сюда впервые стали допускаться женщины. В кафе они обменивались новостями, обсуждали различные вопросы, могли при желании получить какой-нибудь дельный и не очень дельный совет. Помимо Джакомо Казановы, здесь в разное время побывали Руссо, Гёте, Байрон, Диккенс и многие другие знаменитости.

Ныне на площади перед кафе под зонтиками стоят ряды столиков, а у аркады постоянно действуют две эстрады для музыкантов. Здесь можно услышать попури из итальянских опер и другую классику, но в облегченной аранжировке.

Мост Вздохов, по которому провели Казанову

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Читатель мой не сможет понять, как удалось мне бежать из подобного места, если я не подготовлю его и не опишу, как там все устроено. Тюрьма эта предназначена для содержания государственных преступников и располагается прямо на чердаке Дворца дожей. Крыша дворца крыта не шифером и не кирпичом, но свинцовыми пластинами в три квадратных фута и толщиной в одну линию: отсюда и пошло название тюрьмы — Пьомби, «свинцы». Войти туда можно только через дворцовые ворота, либо, как вели меня, через здание тюрем, по мосту, именуемому Мостом Вздохов».

Мост Вздохов (Ponte dei Sospiri) — это не просто название одного из четырехсот мостов Венеции. Это — одно из ключевых мест города, причем «вздохи», от которых берет название этот мост, — это не вздохи влюбленных, а печальные вздохи тысяч осужденных, которые, проходя под стражей по этому крытому мосту, в последний раз бросали взгляд на Венецию.

Мост этот переброшен через Дворцовый канал, отделяющий Дворец дожей, где находился суд, от здания городской тюрьмы.

Поль де Мюссе («Живописное путешествие в Италию»):

«На другом берегу небольшого канала, омывающего стены Дворца дожей, находится другая тюрьма, ворота которой выходят на набережную. Воздушный закрытый мост соединяет эту тюрьму с Дворцом дожей. По этой галерее, которую народ называл Мостом Вздохов, проводили приговоренных к заключению. «Колодцы» и «свинцы» предназначались для находившихся под следствием и приговоренных к смерти».

Мост Вздохов был построен Антонио Конти в 1600 году. Он соединяет Дворец дожей и тюрьму по второму-третьему этажам. Снаружи он украшен светлым мрамором, имеет резные украшения и выглядит легким, изящным и воздушным. При этом мост закрыт со всех сторон, в том числе и сверху. Опорная арка моста украшена скульптурными масками. Большие квадратные окна с ажурным решетчатым узором придают ему особое очарование. Казалось бы, нет места более подходящего для нежных свиданий влюбленных. Но внешний вид очень часто бывает обманчив. Мост Вздохов в Венеции — это мост прощальных вздохов, так как с него осужденные в последний раз могли взглянуть на солнечный свет и морской простор.

Тюрьма строилась с 1566 года до начала XVII века. В центре здания тюрьмы имеется просторный двор. Этой тюрьмой по ее прямому назначению пользовались до 1919 года.

Тюрьма Пьомби, где сидел и откуда бежал Казанова

Только оказавшись в тюрьме Пьомби, Казанова узнал, что он приговорен к пяти годам заключения. Среди причин этого ему называли распутный образ жизни, вольнодумство и занятия оккультизмом.

Ален Бюизин («Казанова»):

«21 августа непосредственная причина ареста записана в журнале секретаря инквизиции: «Суд, ознакомившись с серьезными проступками, допущенными Дж. Казановой, состоящими главным образом в публичном оскорблении святой религии, распорядился арестовать его и препроводить в Пьомби». Таков, по меньшей мере, официальный мотив. Однако не исключено, что он прикрывает малоприглядные государственные причины, оставшиеся в секрете, в частности опасные сношения между патрициями и иностранцами».

Сам Казанова связывал свой арест с доносами осведомителя Мануцци. Эти доносы нашлись, и в них упоминалось об общении нашего героя с иностранцами, о его богохульстве, занятиях магией, распутстве, чтении запрещенных книг, а также о жалобах некой аристократки на то, что молодой человек развращает ее сыновей, давая им читать безбожные книги (конкретно — сочинения Вольтера и Руссо). Не забыл доносчик упомянуть и о принадлежности Казановы к масонскому братству.

На самом деле никакого суда не было (во всяком случае, судебного дела найти так и не удалось). Казанову просто встретил секретарь инквизиции Доменико Кавалли и тут же передал в руки тюремщика. После этого его провели по каким-то коридорам. Потом тюремщик громадным ключом отпер малозаметную низкую (чуть больше метра высотой), окованную железом дверь и велел Казанове пройти в нее. Как только Казанова прошел в дверь, тюремщик захлопнул ее за ним и запер на ключ. Казанова оказался в мрачной зловонной камере, один на один со сворой огромных крыс.

Это была тюрьма Пьомби. Она, как мы уже знаем, располагалась в самом Дворце дожей. Как ни странно, содержать преступников в непосредственной близости от самого сердца государства в те времена считалось идеологически правильным. Тюрьма находилась прямо под крышей, крытой листовым свинцом (отсюда ее название: слово «piombi» переводится с итальянского как «свинцовые листы»).

Валери («Исторические и литературные путешествия в Италию в 1826, 1827 и 1828 годах»):

«Потеря свободы — это старейшее и наибольшее из несчастий, а посему истории пленников представляют наибольший интерес. Венецианец Казанова, пленник Пьомби, — один из первых героев подобных историй, и он отбросил чтение трактата «Утешения» Боэция, так как не нашел в нем ни малейшего способа побега. Я видел окно, через которое он совершил свой такой дерзкий побег, оно находилось в помещении, заполненном грациозными голубями с площади Сан-Марко... Тюрьмы Венеции, предмет стольких пафосных заявлений, были к концу Республики изношены, как и все остальное. Это почти как во Франции, где Бастилия оказалась не мощнее самой монархии. Тюрьма Пьомби была создана позже знаменитых Колодцев, выглядящих очень сурово, ее крыша была выполнена из свинца, и в ней заключенные проводили время без особого вреда для своего здоровья, даже если заключение и длилось десяток лет. Там были воздушные потоки, достаточные для сглаживания воздействия жары. Ховард, компетентный судья, уже признал благоприятные для здоровья условия тюрем Венеции; ни одного заключенного там не заковывали в цепи, а это по-своему уникально в истории пленников; и если кто-то и был приговорен к пожизненному заключению, так это потому, что смертная казнь в Венеции применялась крайне редко. Страшная тюрьма Пьомби сейчас представляет собой прекрасные апартаменты (в Италии апартаменты на верхних этажах всегда более востребованы)... Тюрьма Пьомби раньше имела несколько этажей, два из которых существуют и поныне; я прошел по бывшим камерам (восемь из них находятся на уровне двора Дворца дожей, а девять расположены выше); некоторые из них еще имеют доски на полу, защищающие от сырости, и старые деревянные кровати».

Не правда ли, весьма интересное свидетельство? Прочитанный выше Антуан-Клод Пакен, писавший под псевдонимом Валери, рассказывает о своих впечатлениях от тюрьмы Пьомби, полученных во время путешествия в Италию в 1826–1828 годах. Возможно, ему и в самом деле показалось, что условия там были «благоприятными для здоровья». Впрочем, согласиться с этим автором сложно. Все-таки тюрьма — это не санаторий, даже если там и не заковывают в цепи.

Принц Шарль-Жозеф де Линь, хорошо знакомый с Казановой, называет Пьомби «страшной и бесчеловечной тюрьмой». Многие разделяют это мнение.

Австрии»):

«Камеры или, вернее, деревянные бараки, которые назывались *piombi*, были наихудшим из того, что Государственная инквизиция могла предложить для своих жертв. В них содержали заключенных, совершивших преступления, о которых никто не должен был знать; к их числу принадлежал и Казанова. Посещали ли вы тюрьмы Венеции, проходили ли по лабиринтам их коридоров, винтовым лестницам, камерам; спускались ли в мрачные колодцы, в которые не проникали лучи солнечного света, и даже вызывало сомнение, что хотя бы души брошенных сюда несчастных смогут когда-либо выбраться отсюда после их смерти? Шесть футов в ширину, примерно столько же в высоту — такими были эти гранитные гробы, где человек мог дышать, но не имел достаточно пространства, чтобы от отчаяния разmozжить себе голову об стену».

Конечно, Пьомби, находившаяся наверху, и «колодцы», находившиеся внизу, — это не одно и то же.

Поль де Мюссе («Живописное путешествие в Италию»):

«Свинцы» Дворца дождей не были так ужасны, как «колодцы». Там хватало света; воздух был чистым, и если бы турист поднялся по лестнице, которая вела наверх, зимой или в начале весны, он увидел бы там вполне пригодные для жилья мансарды. Но вот летом свинцовая крыша, нагретая солнцем, поднимала температуру на уровень, превышающий температуру человеческой крови. Комары проникали туда тысячами, и их невыносимые укусы не давали ни секунды покоя несчастным, запертым в одиночных камерах. Жестокий Совет Десяти обычно отправлял заключенных под крышу в самое жаркое время года, а когда наступала осень, их спускали в подвал. Знаменитый Казанова оказался единственным, кто смог бежать из «свинцов» Венеции».

Как видим, процитированные авторы и тюрьму Пьомби находят ужасной, но «колодцы» были, конечно же, несравненно страшнее. Впрочем, все тот же Антуан Клод Пакен (Валери) и тут имеет свое мнение и даже пытается философствовать.

Валери («Исторические и литературные путешествия в Италию в 1826, 1827 и 1828 годах»):

«Вполне возможно, что «колодцы» Венеции не были самыми страшными темницами того времени: каждая эпоха, каждый режим имеет свои тюрьмы, и они являются составной частью цивилизации».

Казанове повезло, и он не попал в «колодцы». Но и в Пьомби заключенному Казанове его положение показалось кошмарным. Камера, в которой он оказался, была всего в полтора метра высотой, так что рослому человеку, чтобы стоять, приходилось низко наклонять голову. Защищенное железной решеткой окно было чуть больше полуметра в квадрате, однако достаточного освещения оно практически не давало, так как перед самым окном торчал конец громадной деревянной балки, выходившей из стены здания и не пропускавшей свет. Из-за свинцовой кровли в камере стояла невыносимая жара. Ни кровати, ни стола, ни стула, естественно, не было. Имелся лишь грязный горшок на полу для отправления естественных надобностей да небольшая деревянная полка у стены.

Только теперь Казанова понял, как опрометчиво он поступил, не воспользовавшись советом своего благодетеля господина Брагадина.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Жара стояла необычайная. Все существо мое пребывало в изумлении, и я отошел к решетке — единственному месту, где мог я облокотиться и отдохнуть; слухового окна мне видно не было, но виден был освещенный чердак и разгуливающие по нему крысы, жирные, как кролики. Мерзкие животные, самый

вид которых был мне отвратителен, подходили, не выказывая ни малейшего страха... Впав в глубочайшую задумчивость, я простоял неподвижно восемь часов кряду, не шевелясь, не произнося ни звука и по-прежнему облокотившись на решетку».

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Оказаться в июле в венецианской тюрьме, да еще под самой крышей, для узника было примерно то же самое, что попасть в пекло. Свинцовые листы кровли впитывали жар и с утроенной силой отдавали его, делая почти нестерпимым. Камера, в которой заперли Джакомо, была практически лишена освещения. Скучный свет попадал в нее лишь через маленькое отверстие в двери. Другая, еще более узкая дверь вела из камеры на чердак без окон, где были свалены кучи отбросов. Каждый день сторож засовывал туда пленника на то время, пока убирал его камеру».

О Казанове, похоже, забыли. За весь день он ни с кем не виделся. Ему не принесли ни пищи, ни питья, ни постели.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Страшное бешенство, ужасное отчаяние, черный гнев Казановы, возмущенного отвратительным деспотизмом Венецианской республики, яростное желание отомстить угнетателям, мечты перебить своих судей и истребить аристократию. В конце концов он, однако, заснул, хотя вряд ли это был сон праведника».

От зловонной жары никакого аппетита не было. Зато имели место постоянное потоотделение, лихорадка и зуд по всей коже. Нужно было иметь железное здоровье, чтобы вынести столь тягостные условия заключения, задуманные специально, чтобы сломить волю даже самых упорных.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Вокруг снуют крысы, заедают блохи. Первая физическая реакция Казы, запертого в темнице, без хлеба и воды, — восемь часов подряд простоять неподвижно, привалившись к маленькому слуховому оконцу. Крыша тюрьмы свинцовая, поэтому в камерах летом невыносимая жара, а зимой ледяной холод. Надо держаться, это ясно, но как? С помощью мысли. Первая констатация: «Уверен, что большинство людей умирают, так и не научившись думать».

Поначалу Казанова решительно не желал осознать всю тяжесть своего положения. Он был убежден в скором освобождении: через нескольких недель, в худшем случае — через два-три месяца. Каждый раз он ложится спать в ожидании того, что на завтра его освободят и отправят домой. Но время шло, и ничего не происходило. И тогда Казанова впервые задумался о побеге.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Камеры расположены наверху, по противоположным сторонам дворца: три, в том числе и моя, смотрят на закат, четыре — на восход солнца. У тех, что смотрят на закат, желоб, идущий по краю крыши, выходит во двор палаццо; у тех, что смотрят на восход, он расположен перпендикулярно каналу, называемому Rio di Palazzo. С той стороны камеры весьма светлы, и в них можно распрямиться во весь рост... Пол моей темницы располагался точно над потолком Зала инквизиторов, где собираются они обыкновенно по ночам, после дневного заседания Совета Десяти, в который все трое входят.

Обо всем этом я знал и прекрасно представлял, как все расположено, а

потому, поразмыслив, рассудил, что единственный путь к спасению, на котором возможна удача, — это проделать дыру в полу моей тюрьмы; но для этого нужны были инструменты, а в месте, где всякое сношение с внешним миром запрещено, где не дозволены ни посещения, ни переписка с кем бы то ни было, достать их — дело непростое. У меня не было денег подкупить стражника, рассчитывать я мог только на себя самого. Даже если предположить, что тюремщик и двое его приспешников будут столь снисходительны, что позволят себя задушить (шпаги у меня не было), оставался еще один стражник, который, стоя у запертой двери на галерее, отпирал ее тогда лишь, когда товарищ его, желая выйти, произносил пароль. Бежать была единственная моя мысль».

Надо сказать, что тюрьма Пьомби предназначалась для мелких преступников, типа Казановы. Для более серьезных преступников имелись специальные «колодцы» (Pozzi), располагавшиеся в двух нижних этажах Дворца дожей.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«В том же Дворце дожей, помимо Пьомби, в распоряжении Государственных инквизиторов есть еще девятнадцать ужасных подземных темниц; к ним приговаривают преступников, заслуживающих смерти... Эти девятнадцать подземных тюрем в точности напоминают могилы, но называются «Pozzi», колодцы, ибо там всегда стоит на два фута морская вода, попадающая через то же зарешеченное отверстие, откуда проникает в камеры немного света; размером эти отверстия всего в квадратный фут. Узник, если только не нравится ему стоять целыми днями по колено в соленой воде, должен сидеть на козлах, где лежит его тюфяк и куда на рассвете кладут ему воду, суп и кусок хлеба; хлеб ему надобно съесть сразу, ибо, если он замешкается, жирнейшие морские крысы вырвут его из рук. В ужасающей этой тюрьме, к которой приговаривают обыкновенно человека до конца его дней, и на подобной пище многие доживают до глубокой старости».

С тех пор как Казанова понял, что срок его заключения истечет не скоро, он мог думать только о побеге.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Побеги из венецианской тюрьмы, в то время самой надежной в мире, были величайшей редкостью. Хотя узники наносили огромный ущерб, с бесконечным терпением копая, разбирая, ломая, подпиливая полы, стены, двери и оконные решетки, из-за чего в камерах часто приходилось производить ремонт, удачные побеги были делом исключительным. Самое странное, что власти не проявляли особой строгости к беглецам, самое большее приговаривая их к дополнительному заключению от одного до пяти лет, однако при условии, что они не совершили иных преступлений при побеге».

План побега созрел у Джакомо Казановы лишь через одиннадцать месяцев. Он решил пробить пол своей камеры, чтобы попасть в Зал инквизиторов. Найдя в январе 1756 года длинный засов, забытый кем-то на полу, он обточил его о камень, превратив в отличный инструмент. С середины февраля он начал пробивать им пол. В последних числах августа дыра была готова, и побег был намечен на 27-е число. Однако 25-го тюремщик Лоренцо вдруг сообщил Казанове «замечательную» новость: его переводят в более удобную камеру, новую и светлую, где можно будет стоять во весь рост. Вот так новость! Подготовленный побег был сорван.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Единственное утешение после стольких бесполезных усилий: он сумел сохранить свою столь трудолюбиво наточенную «саблю»!

Пускай новая камера была бесконечно уютнее первой, Казанова не мог

избавиться от опасений, что она станет лишь промежуточным этапом его падения в каменные мешки Дворца дожей, как только будет обнаружена дыра, проведенная им в полу... По счастью, ловкий шантаж спас Джакомо от худшего: он пригрозил донести на своего тюремщика как на сообщника, и тот предпочел смолчать. Хотя все планы были нарушены, Казанова не отказался от побега. Вскоре он разработал новый план. На сей раз он попытается сбежать через крышу Дворца дожей».

В новой камере Казанове удалось установить контакт с неким Марино Бальби, занимавшим соседнюю темницу и попавшим в тюрьму не столько за то, что породил трех внебрачных детей от трех девиц, сколько потому, что имел наглость их окрестить.

Другим товарищем по несчастью оказался граф Андреа Асквини. Это был семидесятилетний старец, и с ним Казанова обсудил свой новый план побега. Однако граф с важностью, приличествующей его годам, стал уверять, что самое разумное — это остаться в камере и ждать освобождения. Его доводы были просты и на первый взгляд очевидны.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Но скажите, с какой стороны станете вы спускаться? Со стороны площади, у колонн, нельзя — вас заметят. Со стороны церкви нельзя — вы окажетесь заперты. Со стороны дворцового двора тоже нельзя — гвардейцы Арсеналотти беспрестанно совершают там обход. Значит, спуститься можно только со стороны канала. У вас нет ни гондолы, ни лодки, которая бы вас поджидала; значит, вам придется броситься в воду и плыть до Сант-Аполлонии; доберетесь вы туда в плачевном виде и не будете знать, куда податься в ночи, чтобы привести себя в готовность немедленно бежать. Не забудьте, на свинцовых плитах скользко, и если вы упадете в канал, то непременно погибнете, даже если и умеете плавать: высота дворца столь велика, а канал столь неглубок, что, упав, вы не захлебнетесь, а разобьетесь. Три-четыре фута воды — это не тот объем жидкости, какой достаточен, чтобы смягчить стремительное падение твердого тела, что в него погрузится. Самая малая беда, какая вам грозит, — это переломать руки или ноги».

Этот рассказ Казановы нуждается в пояснениях. Дворец дожей, под крышей которого находилась тюрьма, на самом деле располагался так, что бежать из него можно было только через Пьяцетту (в конечном итоге, Казанова выберет именно этот вариант), со стороны базилики Сан-Марко и со стороны маленького канала, через который был переброшен Мост Вздохов. Все эти три варианта были связаны с огромным риском, но других просто не было.

Сант-Аполлония (Chiostro di Sant'Apollonia) — это женский монастырь, располагавшийся буквально в двух шагах от площади Сан-Марко. Ныне в нем находится Музей священного искусства (Museo Diocesano), единственная романская галерея в Венеции, вдоль стен которой расставлены декоративные фрагменты капителей, саркофаги и надгробия римского и византийского происхождения, многие из которых вывезены из разграбленного Константинополя.

Что касается гвардейцев Арсеналотти, то так назывались жители района Арсенала, а сам Арсенал (Arsenale) и сейчас находится в районе Кастелло, примерно в пятистах метрах от Дворца дожей. Там хранилось оружие, изготавливался порох и строились боевые корабли. Фактически это было «средоточие военной мощи Венеции», «город в городе», «оплот веры против неверных». Как только не называли Арсенал современники Казановы. На содержание Арсенала в начале XVII века тратилось больше, чем поступало доходов со всех заморских территорий Венеции. Естественно, Арсенал хорошо охранялся, и его солдаты совершали регулярные обходы, в том числе доходя и до Пьяцетты. Кроме того, люди из Арсенала являлись еще и «надзирателями за огнем», то есть несли в Венеции противопожарную службу, а это тоже подразумевало регулярные обходы и осмотры окрестностей.

Филипп де Коммин («Мемуары»):

«Мне показали Арсенал, расположенный там, где они держат свои галеры и

производят все необходимое для флота, и этот Арсенал представляет собой самую удивительную ныне вещь на свете; но и в былые времена он был таковым».

Арсенал (от арабского слова «darsina'a», что значит «мастерская») был основан на двух островах, образовавших узкую гавань в восточной части города. Здесь были построены два ряда сараев для строительства галер — по двенадцать с каждой стороны. В 1460 году были построены Главные ворота, походившие на римскую триумфальную арку. Потом они трансформировались в две кирпичные башни, игравшие чисто утилитарную роль (они удерживали деревянные створки ворот, которые запирались на ночь).

Аббат Москини («Путевые заметки о городе Венеция и окрестных островах»):

«Арсенал — здание, знаменитое по стольким описаниям, — был построен в начале тринадцатого века, как говорят, по проекту Андреа Пизано. В последующие времена к нему было сделано множество дополнений. В Арсенал входят через большие ворота благородной архитектуры, созданные в 1460 году. Над ними находится статуя святого Юстиниана работы Кампанья».

Франсуаза Декруазетт («Венеция во времена Гольдони»):

«Это неприступная крепость, на каждом углу которой высятся дозорные башни, где постоянно сменяются часовые, дабы крепостной гарнизон в любую минуту мог выступить на «защиту не только всей территории Республики, но и всех государств Италии и даже всего христианского мира». Крепость эта вдобавок весьма велика и имеет от двух до трех миль в окружности, тогда как, если верить хронистам, окружность города равна всего семи или восьми милям. Арсенал, по выражению Дольдони, является «поистине своим, особым миром». Подробно описано внутреннее устройство Арсенала, хотя вход туда простым чужестранцам заказан: желающим побывать на его территории необходимо получить специальное разрешение инквизиции и уплатить пошлину».

В течение веков Арсенал увеличивался, занимая все большую территорию (сейчас его площадь составляет около 80 акров). В настоящее время он в основном закрыт для туристов, но иногда используется для важных выставок и торговых ярмарок.

Сьюзи Болтон («Венеция»):

«Настоящий обломок кораблекрушения, дрейфующий в море, — сказал Чарльз Диккенс об Арсенале в 1844 году. С тех пор изменилось многое. Глядя на пустые доки, трудно поверить, что некогда здесь находилась самая большая в мире база морского флота».

Как видим, формально граф Асквини был совершенно прав, но Казанова был не тем человеком, который прислушивается к чьим-то мнениям.

За ним следили, но он сумел убедить отца Бальби помочь ему проделать дыру в стене и потолке, а потом бежать вместе с ним.

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Оставалось назначить время побега. После недолгих колебаний была выбрана ночь на 31 октября, потому что к этому времени инквизиторы обычно уезжали в свои поместья на материке, чтобы встретить там праздник Всех Святых, а Лоренцо, воспользовавшись их отсутствием, основательно напивался».

31 октября 1756 года Бальби пробил потолок камеры Казановы, позволив ему таким образом подняться на чердак Дворца дождей. Там они проделали отверстие и в крыше: старые доски быстро поддались, а потом они сдвинули свинцовые листы. Была поздняя ночь. К тому

же густой туман прикрывал их бегство. Сообщники вылезли на крышу.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Одолев пятнадцать или шестнадцать плит, оказался я на гребне крыши и, раздвинув ноги, уселся удобно на коньке. Монах тоже уселся позади меня. За спиной у нас находился островок Сан-Джорджо, а напротив, в двухстах шагах — множество куполов собора Святого Марка, что входит в состав Дворца дожей».

Остров Сан-Джорджо-Маджоре, о котором говорит Казанова, находится на другой стороне канала, прямо напротив Дворца дожей и площади Сан-Марко. Главным сооружением на нем является собор Сан-Джорджо-Маджоре, возведенный между 1565 и 1610 годами. Архитектором собора был Андреа Палладио, не доживший до окончания строительства. Высокая колокольня представляет собой квадратную кирпичную башню, которая была построена в 1791 году на месте рухнувшей звонницы. По внешнему виду она напоминает колокольню на площади Сан-Марко. Главный алтарь выполнен скульптором Джироламо Кампаной. Внутри можно увидеть «Тайную вечерю» работы Тинторетто.

Монастырь, находившийся на острове, был закрыт в 1808 году Наполеоном, а его здания были превращены в казармы и изменены до неузнаваемости.

Собор Святого Марка (Basilica di San Marco), лицом к которой сидели беглецы, — это главный кафедральный собор Венеции, яркий пример типичной византийской архитектуры в Западной Европе (с одной стороны, структура здания имеет западный романский характер, с другой стороны, арки, купола, роскошные украшения и мозаики — все это чисто византийское). Этот собор стоит рядом с Дворцом дожей, на площади Святого Марка. В 1987 году он в числе прочих венецианских памятников вошел в число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Строительство собора было начато дожем Джустиниано Партечипацио в 829 году, а завершено его братом дожем Джованни Партечипацио. Поскольку здание первой базилики не сохранилось, то о ее облике можно судить лишь по археологическим раскопкам, выполненным в ходе реставрации крипты собора, когда была обнаружена древняя кладка стен. Считается, что первоначальная церковь была построена на месте нынешней крипты. Купол, установленный над ее центральной частью, находился над местом захоронения мощей святого Марка, принявшего мученическую смерть в Александрии 25 апреля 68 года (этот день отмечается в Венеции как общегородской праздник — день святого Марка).

Базилика была повреждена пожаром, возникшим в 976 году в ходе дворцового переворота, когда дож Пьетро Кандинина был смещен дожем Пьетро Орсеоло. Пожар, начавшийся во Дворце дожей, перекинулся на северо-западную часть собора и нанес ему серьезные повреждения. К концу X века базилика была восстановлена, но исследователи считают, что это была реставрация здания, а не новое строительство.

Строительство современной базилики было начато в 1063 году при доже Доменико Контарини. В 1071 году в еще не достроенном соборе был возведен в должность дожа Доменико Сельво, при котором в 1071–1084 годах был начат первый цикл создания мозаичного убранства базилики. Освящение храма состоялось в 1094 году.

Множество древних реликвий попали в собор после разграбления крестоносцами Константинополя в 1204 году. К ним относятся квадрига на западном фасаде, «золотой алтарь» византийской работы и т. д.

Интерьер собора отличается богатством и характером отделки многих эпох: византийской, романской, готической, Ренессанса и более поздних увлечений. Однако все объединяется четкой планировочной композицией, единой системой сводов и огромным количеством мозаичных работ (их общая площадь составляет 4500 кв. м).

В настоящее время собор Святого Марка является действующим храмом. Будничные богослужения проводятся в капелле Святого Исидора. Кроме мощей апостола Марка среди реликвий базилики выделяются главы апостолов Иакова Младшего и Тита, а также мощи мученика Исидора, что делает ее центром христианского паломничества.

Джакомо Казанова говорит о множестве куполов собора. Действительно, собор, построенный в форме греческого креста, имеет пять куполов: четыре над ветвями креста (купол Святого Иоанна, купол Святого Марка, купол Святого Леонардо и купол Троицы) и центральный над средокрестием (купол Вознесения). Купола были созданы в XIII веке во время правления дожа Себастьяно Дзиани. На их архитектуру оказали влияние восточные церкви и мечети, с которыми были хорошо знакомы венецианские купцы и участники Крестовых походов.

Купола эти выложены из кирпича и установлены на невысоких барабанах с окнами по периметру. Снаружи их покрывает деревянный каркас, облицованный свинцовыми пластинами. Каждый из куполов собора увенчан маковкой, на которой закреплен крест, обращенный в направлении четырех сторон света. Диаметр центрального купола составляет тринадцать метров и возвышается над полом базилики на двадцать восемь метров.

С крыши по веревке, сделанной из располосованных матрасов, беглецы спустились в помещение архива Дворца дожей. Оттуда они легко попали на Лестницу Гигантов, ведущую от апартаментов дожа к выходу из дворца.

Местре, куда отправился Казанова, выбравшись из тюрьмы

Выбравшись из тюрьмы, Казанова и его спутник быстро сбежали по Лестнице Гигантов, украшенной монументальными статуями Марса и Нептуна. Отец Бальби все время испуганно шептал: «К церкви! К церкви!», но Казанова объяснил ему, что церкви в Венеции не дают убежища преступникам. В результате они побежали прямо к Порта-делла-Карта, то есть к воротам, служившим выходом из дворца.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Неприкосновенность, коей я искал, лежала за пределами границ Светлейшей Республики, и в тот самый миг начал я к ней приближаться; духом я уже достигнул ее, оставалось переместить к духу тело. Направившись напрямик к Порта-делла-Карта, главным во Дворце дожей, я, ни на кого не глядя (тогда и на тебя самого глядят меньше), пересек Piazzetta, малую площадь, и добрался до набережной».

Беглецам повезло. Никого не увидев и сами никем не замеченные, они пересекли Пьяццетту с ее двумя гранитными колоннами, ввалились в первую попавшуюся гондолу и приказали немедленно отплывать. Гондольеры, не задавая лишних вопросов (за деньги они и сейчас готовы плыть хоть в Англию), помчали клиентов по каналу Джудекка.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Гондольеры мои пустились мощно раздвигать воды большого канала Джудекка: через него можно было попасть и в Фузину, и в Местре — именно туда-то мне и было нужно».

Фузина и Местре — это континентальные пригороды Венеции. В Фузине сейчас размещаются алюминиевые заводы, в Местре — железнодорожные мастерские и нефтеперерабатывающие заводы. Фузина находится на западе от канала Джудекка, примерно в шести километрах от площади Сан-Марко, Местре — на северо-западе, всего примерно в десяти километрах от площади Сан-Марко и в четырех километрах от побережья Венецианской лагуны.

— В Местре мы будем через три четверти часа! — крикнул один из гондольеров. — Вода и ветер помогают нам!

Описать чувства Казановы в этот момент лучше, чем он сам, не сможет никто.

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«И тут оглянулся я назад, на прекрасный канал, и, не заметив на нем ни единой лодки, восхитился замечательнейшим из дней, какого только можно пожелать, первыми лучами дивного солнца, что поднималось из-за горизонта, двумя молодыми гондольерами, что сильно и мощно гнали лодку вперед; еще я подумал о том, какую провел страшную ночь, и о том, где находился накануне, и душа моя исполнилась любви и вознеслась к милосердному Богу; настолько я был потрясен силою своей благодарности и умиления, что внезапно сердце мое, задыхаясь от избытка счастья, нашло себе путь к облегчению в обильных слезах. Я рыдал, я плакал, как дитя».

Вскоре беглецы были в Местре. На почте лошадей не оказалось, однако в трактире делла Кампана не было недостатка в извозчиках. Казанова быстро договорился с возницей, дал ему столько, сколько тот запросил, и велел через час с четвертью быть в Треviso, городе, находящемся в двадцати километрах к северу от Местре.

Так в тридцать один год Джакомо Казанова снова стал свободным человеком, но уже с репутацией политического эмигранта.

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Каза просидел в Пьомби с конца июля 1755 года по 1 ноября 1756-го. Больше пятнадцати месяцев. Пять сезонов в аду. Это тяжкое испытание, как физическое, так и моральное».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Этот побег столь невероятен, что некоторые сильно сомневались в его подлинности. Действительно, он состоит из целой череды невероятных чудес и невозможных совпадений. Даже при жизни Казановы, в 1789 году, его рассказ о побеге из Пьомби, переведенный на немецкий язык, был подвергнут сомнению одним критиком из Йены. Впоследствии, по меньшей мере, три великих казановиста — аббат Фулино, венецианец, опубликовавший, однако, большинство документов, касавшихся осуждения Казановы инквизиторами и его тюремного заключения, доктор Гед и Густав Гутиц — утверждали, что Джакомо был всего лишь лжецом, сочинителем, похвалявшимся побегом, который он выдумал на пустом месте. На самом деле, в венецианских архивах было обнаружено столько документов, подтверждающих его рассказ, что отрицать его уже невозможно. Например, нам известно, что Лоренцо Басадонна, тюремщик из Пьомби, был приговорен к десяти годам «колодцев», в частности, за то, что плохо справлялся со своими обязанностями и допустил побег. Были даже обнаружены счета за ремонт в исправление ущерба, причиненного беглецами. Они поступили от плотника и стекольщика. Первый заделал дыру, через которую они сбежали, и смастерил новую дверь, а второй вставил новую решетку в чердачное окошечко. Два венецианца, живших в то время, Бенинья и Градениго, отразили в своих дневниковых записях за 1 ноября 1756 года побег Казановы и Бальби».

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Все, что он рассказывает, — чистая правда: у нас есть счета тюремщика с расходами на питание узника».

Как бы то ни было, побег Казановы из тюрьмы наделал много шума в Европе и принес герою-авантюристу широкую известность.

Сейчас, кстати, любой турист может заказать во Дворце дождей специальную экскурсию, и его проведут от камеры, где сидел Казанова, по маршруту, которым 1 ноября 1756 года он выбрался сначала на крышу (на нее, естественно, не пускают), а затем на свободу. Если выбрать так называемый «Тайный маршрут», можно посмотреть комнаты для

допросов, камеру пыток и темницы.

1774–1783

5 января 1757 года Джакомо Казанова уже был в Париже. Потом была тайная миссия в Дюнкерк, поездка в Голландию по финансовым делам; потом — Германия и Швейцария; встреча с Вольтером; встреча в Риме с папой Климентом III; поездки по Италии, дуэли, обвинения в мошенничестве и тяжелая болезнь; встреча в Петербурге с Екатериной II, а в Варшаве — со Станиславом Августом II; путешествие по Германии; высылка за шулерство из Вены; потом — Испания, Мадрид, Барселона; высылка из Флоренции...

На это у Казановы ушло шестнадцать лет жизни — самых интересных и самых насыщенных всевозможными событиями. В 1772–1774 годах Казанова жил в Триесте и занимался литературным трудом.

Шарль-Жозеф де Линь («Литературный и исторический сборник»):

«Стоит заметить, что Казанова в течение шестнадцати лет, что он мотался по миру, никогда не имел ни паспорта, ни векселя, ни рекомендательного письма».

Джакомо Казанова («История моей жизни»):

«Утомившись кружить по Европе, решил я испросить помилования у венецианских Государственных инквизиторов. В рассуждении этого обосновался я в Триесте и через два года помилование получил. То было 14 сентября 1774 года. Въезд мой в Венецию по прошествии девятнадцати лет доставил мне наслаждение и стал прекраснейшей минутой моей жизни».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Какое счастье испытал Джакомо Казанова, когда 10 сентября 1774 года господин Марко ди Монти, консул Венеции в Триесте, сообщил ему, что он наконец-то может вернуться в родной город, и вручил ему долгожданную охранную грамоту, подписанную 3 сентября, после многих месяцев колебаний и обсуждений, тремя инквизиторами — Франческо Гримани, Франческо-Джованни Сагрето и Аоло Бембо, «дабы он мог беспрепятственно перемещаться вперед и назад, останавливаться и возвращаться и общаться с кем угодно, не подвергаясь никаким обидам» на всей территории Венецианской республики».

Прошло уже почти девятнадцать лет со времени побега Казановы из тюрьмы Пьомби. Ему самому уже было под пятьдесят. Конечно, ему хотелось осесть, отдохнуть, получить наконец возможность свободно гулять по родному городу.

Палаццо Дандоло, в которое Казанова заходил, вернувшись в Венецию

Ален Бюизин («Казанова»):

«Первый частный визит он, разумеется, нанес Марко Дандоло, единственному выжившему из троицы, которая так долго покровительствовала ему и содержала. Ностальгия по далекому прошлому. Буря чувств и горячие слезы».

Марко Дандоло, как мы помним, был одним из друзей сенатора Брагадина, с которым судьба случайно свела Казанову в далеком апреле 1746 года.

Маттео-Джованни Брагадин и Марко Барбаро давно умерли, а Марко Дандоло был старым холостяком и жил в своем дворце, выходящем на Большой Канал, в трехстах метрах

от площади Сан-Марко.

Палаццо Дандоло (Palazzo Dandolo), один из красивейших образцов венецианской готики, было построено в 1400 году знатным семейством Дандоло.

За свою историю здание поменяло большое количество владельцев. В 1536 году, например, дворец был продан семейству Гритти. После Гритти дворцом владели представители фамилий Микеле, Мочениго, Бернардо. В XIX веке палаццо было превращено в отель, в котором в разное время останавливались король Пруссии Вильгельм, Чарльз Диккенс, Оноре де Бальзак, Марсель Пруст, Чарли Чаплин, Грета Гарбо. В 10-м номере, пользующемся огромной популярностью и по сей день, разыгрался роман Жорж Санд и Альфреда де Мюссе.

В настоящее время в палаццо находится гостиница «Hotel Royal Danieli».

Итак, Казанова прибыл в Венецию в середине сентября 1774 года.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Он стал героем дня, его чествовали и слушали, о нем только и говорили, он был окружен любопытством своих сограждан, горящих желанием увидеть и повстречать знаменитого беглеца. Услышать из его собственных уст, в энциклопедическом раз, рассказ о побеге из Пьюмби, который уже обошел всю Европу».

Но в Венеции все очень сильно изменилось. Любопытство венецианцев стало быстро ослабевать, и вскоре Казанова канул в безвестность.

Наверняка он надеялся на то, что будет полностью реабилитирован и, может быть, получит возмещение ущерба за заключение в тюрьму по произволу — компенсацию, соответствующую его невиновности, иначе говоря — важный пост в бюрократической системе венецианской администрации.

«Все ожидали, что я получу должность, соответствующую моим способностям и необходимую для моего существования», — утверждает Казанова в «Истории моего побега из венецианской тюрьмы». К сожалению, фразу следует читать с точностью до наоборот: на самом деле никто этого не ожидал, кроме него самого.

Венецианская инквизиция, на службу которой поступил Казанова

Джакомо Казанова остался «практически совсем без гроша». Конечно, с голода он не умирал и деньги у него водились, но для человека, привыкшего к роскоши, к игре по-крупному, к женщинам и высшему обществу, две-три сотни ливров в месяц были страшной нищетой.

В принципе, ливр (livre от латинского libra) — это не так мало. Монета в один ливр во времена Казановы содержала примерно 8 г серебра. По нынешним ценам 250 ливров только по цене серебра были бы эквивалентны 860 долларам, но для Казановы это все равно был страшный удар по самому больному его месту — по самолюбию. Надо было срочно что-то предпринимать.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Чтобы заработать немного денег и пополнить свой скудный постоянный доход в двести шестьдесят четыре ливра в месяц, состоящий из небольшой ренты, завещанной Барбаро, и чуть увеличенной недостаточным ежемесячным пособием, выплачиваемым Дандоло, ему приходит в голову любопытная мысль: стать шпионом на содержании, профессиональным доносчиком на службе Венецианской республики. Казанова — стукач! Он сам предложил инквизиторам свои услуги».

В итоге в ноябре 1776 года Казанова стал платным доносчиком (конфидентом) инквизиторов. В этом же месяце, кстати, 29-го числа, в Дрездене умерла его мать, не очень беспокоившаяся о судьбе своих детей актриса Дзанетта Фарусси. С учетом того, что 18

декабря 1733 года умер Гаэтано Казанова, теперь наш герой стал круглым сиротой не только де-факто, но и де-юре.

Говорят, что родители, балующие своих детей, обрекают их на несчастье. Может быть, это и так. Но родители, вообще наплевавшие на своих детей, тоже явно не делают их счастливыми. Жизнь Джакомо Казановы — тому наглядное подтверждение. Ему уже за пятьдесят, и кто он? Жалкий платный осведомитель, презираемый всеми, в том числе и теми, на кого он работал.

Казанова начал эту новую для себя деятельность под псевдонимом Анджело Пратолини. Признаем, статус профессионального стукача на службе правосудия — довольно странное занятие для распутного авантюриста, самого пострадавшего от тюремного заточения и бесчисленных высылков. По всей видимости, дело тут было не только в деньгах...

Элио Бартолини («Закат Казановы»):

«Если Казановой двигала «нужда», то она была двойной: одновременно экономического характера и нравственного».

На территории современной Италии оплотами инквизиции были Рим и Флоренция. Венеция поначалу отказалась учредить у себя инквизицию, и туда стали стекаться беглецы из других государств. Вскоре римский папа потребовал покончить с этим, и власти Венеции сочли за благо не идти на конфликт.

В Венеции инквизиция возникла в XIV веке, однако, в отличие от испанской инквизиции, она следила за политической ситуацией в республике, а не за распространением ереси. Венецианская инквизиция подчинялась городским законам, а конфискованное имущество поступало в городскую казну, что ослабляло рвение инквизиторов.

Государственные инквизиторы появились согласно закону 1539 года. Потом они стали известны как Высший Трибунал. Он состоял из трех инквизиторов. Один из них назывался «Красным» (rosso). Он выбирался из членов Совета дожа, носивших алые одежды. Два других инквизитора назначались из рядов Совета Десяти, известных как «Черные» (negri).

Во времена Казановы тремя инквизиторами в Венеции были Франческо Гримани, Франческо-Джованни Сагредо и Аоло Бембо. Все они были сенаторами.

На практике Высший Трибунал брал на себя даже некоторые из полномочий Совета Десяти (органа контроля над деятельностью дожа).

Десять членов Совета Десяти (их имена не разглашались) избирались сроком на один год, в течение которого они обладали неограниченной властью шпионить за любым венецианцем и преследовать его по своему усмотрению, но каждого из десяти по истечении этого срока можно было привлечь к ответственности за любые действия не по справедливости.

Совет Десяти, представлявший собой своеобразную секретную службу республики, заседал во Дворце дожей. И Совет и инквизиторы для сбора компрометирующей информации использовали сеть осведомителей и «доверенных лиц» (секретных агентов). Анонимные обвинения поощрялись, и на улицах Венеции были помещены специальные почтовые ящики для сбора жалоб и доносов. Во Дворце дожей во многих местах в стенах были сделаны прорезы с прикрепленными к ним скульптурными масками, изображавшими человеческие лица с открытыми ртами, для опускания туда доносов. Эти маски называли устами льва (Bocca di Leone).

Большой Совет издавал законы и выбирал должностных лиц; исполнительная власть находилась в руках Сената, также заседавшего во Дворце дожей, а Совет Десяти охранял государство, имея право карать и миловать любого венецианца, включая самого дожа, за которым следили особо внимательно, окружая его все большей и большей роскошью, по мере того как сводили на нет его реальную власть.

Наиболее важные решения принимал Государственный Совет, собиравшийся в Зале Коллегии (Sala del Collegio). Он состоял из дожа, шести советников, старшин, главы Совета

Десяти и Верховного Канцлера. Зал Коллегии был спроектирован Антонио да Понте в 1574 году. Великолепный позолоченный резной потолок зала был создан Франческо Бело; он является обрамлением аллегорических полотен работы Паоло Веронезе, среди которых над трибуной выделяется «Венеция на троне».

Зал Сената (Sala del Senato) был также реконструирован Антонио да Понте. Рисунок прекрасного потолка был сделан веронцем Кристофоро Сорте. Вставленные в него панно созданы различными художниками, в том числе Тинторетто.

В Зале Совета Десяти (Sala del Consiglio dei Dieci) заседал Трибунал, который вел следствия, касающиеся политических преступлений против государства. Трибунал возглавлял дож, и в его состав входило десять членов Большого Совета и шесть советников.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Казанова-доносчик все пускает в ход, цепляясь за любую причину, за мельчайший предлог, чтобы посылать донесения своим хозяевам и удовлетворять их. Простая история супружеской измены: «запутанная ситуация, могущая иметь серьезные последствия», — считает он своим долгом уточнить, чтобы раздуть из этого важное дело, настолько тема его донесения банальна и безынтересна. Если бы Государственным инквизиторам присылали подробные донесения по поводу каждой измены в Венеции, их администрация была бы с головой завалена папками и бумагами, которые заполнили бы все кабинеты во Дворце дож и Прокуратуре. Простой затор на улице, вызванный компанией, усевшейся в кружок на стульях, — и вот он уже строчит донесение: там якобы находится «центр темных и возмутительнейших слухов», — прибавляет Казанова, стараясь раздуть и это дело, явно совершенно незначительное».

Герман Кестен («Казанова»):

«Он служит инквизиции за пятнадцать дукатов в месяц. Его задачей было доносить инквизиции о проступках против религии и добрых нравов. Он жаловался официально, чаще всего тайно, на частоту разводов, на упражнения пальцев молодых людей в темных ложах театров, на обнаженные модели художественных школ. Он доносил на своих друзей, которые читали Вольтера или Руссо, Шаррона, Пиррона или Баффо, Ламеттри или Гельвеция».

Как видим, Джакомо Казанова был никчемным шпионом, так и не раскрывшим ничего существенного. Тем не менее из-за этой грязной работы, хоть и оказавшейся малоэффективной, он совершенно опустил, но при этом считал себя вправе быть безжалостным цензором любой литературы, которая ему почему-то не нравилась. Доносы он писал на всех и по любому поводу. Инквизиторы, видя такое отношение к работе, лишили его жалованья. Они заявили Казанове, что отныне он будет получать оплату сдельно, в соответствии со значимостью каждого из его донесений. Грязная работа тут же потеряла для Казановы экономический смысл.

Стефан Цвейг («Три певца своей жизни»):

«Любимец женщин превратился в Анджело Пратолини, откровенного, презренного доносчика и негодяя; некогда осыпанные бриллиантами пальцы роются в грязных делах и разбрызгивают чернильный яд и желчь направо и налево, пока Венеция не находит наконец нужным освободиться от этого надоедливого сутяги пинком ноги».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Ирония судьбы: его последнее шпионское донесение помечено 31 октября 1782 года — годовщиной его побега из Пьямби».

И все же работа на инквизицию не могла не сказаться на образе жизни Казановы: жить он стал упорядоченно и даже стесненно, что было явным признаком психической усталости и утомления от жизни. Он даже больше не играл в азартные игры.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Вероятно, к тому времени у него остались лишь весьма скудные ресурсы, не позволявшие ему рискованных ставок и необдуманных расходов, в другие времена он, не колеблясь, наделал бы долгов ради нескольких рискованных партий в фараон».

С блестящими и шумными любовными историями тоже было покончено. Похоже, звезда Казановы закатилась.

Квартира на Барбариа-делле-Толле — последнее прибежище Казановы в Венеции

В 1779 году умер Марко Дандоло, последний покровитель Казановы, и наш герой лишился последних средств к существованию, и ему пришлось перебраться жить в район попроще. Ныне этот район называется Кастелло (Castello), Казанова же поселился в северо-восточной его части.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Он повстречал некую Франческу Бускини, которую все звали Кекка или Кеккина, скромную девушку из народа, которая, однако, умела читать и писать, сироту, жившую с матерью, младшей сестрой и юным братом в сущей трущобе. Ее называли белошвейкой. Возможно, она немного занималась шитьем, вышивкой на пальцах или жемчугом, чтобы пополнить скромные доходы дома, которые, во всяком случае, имели загадочное происхождение. Если у нее и было качество, определившее выбор Казановы и заставившее его простить бедность ее среды, то, наверное, лишь ее молодость (ей было всего пятнадцать лет) и красота, поскольку ему нравилось показывать ее на публике, в театре или на прогулке. Мать Франчески, которая, надо полагать, мечтала выдать дочь за какого-нибудь честного и богатого купца, чтобы обеспечить и самой себе покойную старость, недобро смотрела на связь своей дочери с безденежным пятидесятилетним мужчиной. Болтушка растрезвонила об этой истории по всему кварталу, составив любовникам наихудшую репутацию».

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Поскольку Казанова не мог обойтись без женщины, он стал жить с бедной швеей, Франческой Бускини, измученной своей жадной и сварливой матерью. Франческа была не так уж хороша собой, но она заботилась о Джакомо, приводила в порядок его одежду, следила за его бельем, чудесно умела готовить его любимое лакомство — горячий шоколад».

То, что биограф Казановы называет «сущей трущобой», — это улица Барбариа-делле-Толле (Barbaria delle Tole), выходящая на великолепную церковь Санта-Джустина (Basilica di Santa Giustina) с белым фасадом работы знаменитого венецианского архитектора XVII века Бальдассара Лонгены.

Элио Бартолини («Закат Казановы»):

«Он платит за квартиру, и будет платить, более или менее регулярно, до 1784 года, словно чтобы укрепить свои узы с Франческой, выглядящие почти семейными. Сокращение жизненного и нравственного пространства становится, таким образом, нравственным усыханием, сдачей на милость старости с ее ленью, отсутствием энергии, отступлением перед возникающим порой

призраком смерти».

Стефан Цвейг («Три певца своей жизни»):

«Потрясающее зрелище: Казанова разоружен, старый герой неисчислимых любовных битв, божественный наглец и отважный игрок становится осторожным и скромным; тихо, подавленно и молчаливо уходит великий *commediante* *In fortuna* со сцены своих успехов. Он снимает богатое одеяние, «не соответствующее положению», откладывает в сторону вместе с кольцами, бриллиантовыми пряжками и табакерками величавую надменность, сбрасывает под стол, как битую карту, свою философию, старясь, сгибает голову перед железным, непоколебимым законом жизни, благодаря которому завядшие проститутки превращаются в сводниц, игроки в шулеров, авантюристы в приживальщиков».

А потом произошло и вовсе непоправимое. Джакомо Казанова сильно поссорился с неким офицером Карлетти и написал в отместку злой памфлет. Патриций Карло Гримани, сын Микеле Гримани, который в прошлом был любовником матери и покровителем Казанова, встал на сторону Карлетти, бывшего в Венеции его гостем, а Казанова в запале стал нападать на Гримани и других патрициев. Итогом стал язвительный памфлет против всей венецианской аристократии под названием «Ни любви, ни женщин, или Очищенные конюшни».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Это сочинение получило в Венеции неслыханный резонанс, и он быстро понял, что совершил огромную глупость».

Подумать только, Казанова вдруг решил создать назидательное произведение! По меньшей мере лицемерно выглядело его «предисловие автора к читателям»: «Эта книга, читатели, — сатира на величайший из всех пороков: гордыню. Целью этой брошюры является показать, как следовать добродетели, которая всегда зависит от уничтожения порока, ибо совершенно уверен, что человек рождается порочным. Гордыня, надменность, безудержное самолюбие, неискренность, низость, трусливое хвастовство — вот пороки, которые я намерен разоблачить. Я представляю их в самом гнусном виде, чтобы влить ненависть к ним в сердца людей; я описываю их яркими красками, чтобы все их возненавидели и бежали от них; я высмеиваю их, чтобы зараженные ими устыдились, постарались от них отделаться и краснели бы, если медлили с их изгнанием из себя. Добродетели, которые я хочу поставить на место этих отвратительных пороков, — невозмутимость, смирение, стремление к истинным достоинствам, справедливость, благочестивая верность соблюдению честных обязательств, доблесть и великодушная умеренность».

Все это звучит совершенно справедливо, но, как говорится, чья бы корова мычала...

Ален Бюизин («Казанова»):

«Не вышло! Нечего лицемерно строить из себя Тартюфа, когда ты Джакомо Казанова, а в прошлом сбежал из тюрьмы Пьюмби».

Вскоре Казанова понял это и написал письмо с извинениями — нечто вроде общественной исповеди, адресованной читателям своего памфлета. Но было уже слишком поздно.

Ален Бюизин («Казанова»):

«Возмущение было всеобщим. Огромный скандал, поскольку одно из знаменитых и почтенных патрицианских семейств Венеции вывалили в грязь. Последствия пасквиля были катастрофичными для того, кто потратил столько сил,

добиваясь прощения за побег из камеры во Дворце дожей и возвращения в свою дорогую Венецию, но возможно, в том, как он произвел этот скандал, стряхнув с себя оцепенение прозябания и искушая судьбу, было некое самоубийственное намерение. Это был способ из горести навредить самому себе, чтобы избежать грозившей ему заурядности. Даже если делу не был дан официальный код, в том смысле, что власти не предъявили ему требования покинуть город, Казанову тайно попросили как можно быстрее остановить продажу своей книги и «внезапно и окончательно» оставить Венецию вследствие смятения, вызванного его памфлетом. Это решение, принятое втайне во Дворце дожей, объявил ему Франческо-Лоренцо Морозини, прокуратор Сан-Марко с 22 июля 1755 года. Казанова был по меньшей мере уязвлен и разочарован тем, что ему приходится удалиться от родины при таких постыдных обстоятельствах, презираемому и отвергнутому всеми венецианскими патрициями. Он, думавший, что спокойно уйдет на покой в Венеции, понимает, что ему в очередной раз придется колесить по дорогам Европы, тогда как у него больше нет на это сил, да и возраст не тот».

22 сентября 1755 года Джакомо Казанова написал господину Морозини письмо:

«Мне пятьдесят восемь лет, я не могу идти пешком; зима надвигается; и как подумаю о том, чтобы вновь стать авантюристом, то начинаю смеяться, глядя на себя в зеркало. Мне нужно уехать, ибо отъезд мой — дело решенное, архирешенное; но не без неких предосторожностей. В четверг или в пятницу утром я явлюсь к Вашему превосходительству в Сан-Стефано, если Вы мне позволите; и если Вы окажете мне милость дать кое-какой совет, пролить свет, я с благодарностью приму все Ваши замечания и учту их. Уже три года я живу в Венеции в состоянии постоянного принуждения, понимая, что мне придется решиться на то, чтобы отправиться умирать в другое место, и постоянно откладываю свой отъезд. Нынешнее происшествие силой заставляет меня сделать то, что мне следовало бы сделать непосредственно, и именно Ваше превосходительство подталкивает меня к тому, чтобы решиться. Хитросплетения жизни столь сложны, может статься, что где-то я еще обрету покой — драгоценнейшее из сокровищ. Если это так, то я признаю, что обязан своим счастьем жестокому принуждению, к которому мужественно прибегло Ваше превосходительство, побуждая меня уехать. Я навсегда запечатаю в своем сердце почтение, какое испытываю к Вашим выдающимся добродетелям, благодаря которым, я чувствую, прощу всем, кто был ко мне несправедлив и зол, не затаив на них обиды».

Гораздо позже, в 1797 году, Казанова напишет в «Кратком очерке своей жизни»: «В 1782 году перессорился я со всем венецианским дворянством и в начале 1783 года, оставив добровольно неблагоприятное отечество, отправился в Вену».

Добровольно? Это уже явно перебор! На самом деле у него просто не оставалось другого выхода.

Жюльетта Бенцони («Три господина ночи»):

«Жизнь Казановы могла бы течь так и дальше, оставаясь спокойной и даже приятной. К несчастью, он принадлежал к числу тех людей, которые вечно все сами себе портят и не умеют удержать удачу. Казанова оказался замешанным в денежном деле, куда впутал и своего друга патриция Гримальди, причем ухитрился еще сильнее рассердить его тем, что предъявил ему обвинение в ядовитом пасквиле...

И снова, уже в который раз, ворота Венеции захлопнулись у него за спиной.

«Одно из двух: или я не создан для Венеции, или же она не создана для меня!» — так, стараясь скрыть огорчение и тоску, философствовал Казанова.

Теперь он боялся заглядывать в будущее: возраст его приближался к шестидесяти годам, здоровье слабело. Долгая дорога была противопоказана его ногам и спине. И все же надо было снова трогаться в путь...

В январе 1783 года, пообещав Франческе прислать денег, чтобы заплатить за жилье, и скоро вернуться, Казанова опять поднялся на борт корабля, чтобы

переправиться в Местре, на материк».

Теперь с Венецией было покончено окончательно и бесповоротно.

Часть четвертая

Венеция после Казановы

Как ни странно, история венецианской независимости закончилась в конце XVIII века. Ровно за год до смерти Казановы совершенно обескровленный город стал легкой добычей солдат Наполеона Бонапарта, вторжение которых в мае 1797 года ознаменовало конец Светлейшей республики. Последний 120-й дож Людовико Манин, сняв чепец, носившийся под короной, сказал слуге:

— Убери, это мне больше не понадобится.

Анж-Анри Блаз де Бюри («Воспоминания и рассказы о военных действиях Австрии»):

«Все это происходило в то время, когда правительство Венеции уже напоминало стоячие болота, которые своей гниющей зеленью покрывали поверхность воды».

Ален Бюизин («Казанова»):

«Весь XVIII век для Венеции будет лишь долгой агонией, апатичной и патетичной, и Бонапарту, в общем-то, придется лишь прикончить полумертвого».

Конечно, Венеция пыталась сохранить нейтралитет, однако ее захват французскими революционными войсками был лишь вопросом времени. Два события ускорили ход событий. Первое из них — уничтожение французской колонии в Вероне, после того как город был захвачен венецианскими крестьянами в апреле 1797 года. Событие это получило название Веронская Пасха. Второе — нападение на французское судно, которое зашло в венецианские воды. Именно после этого Наполеон заявил, что станет для Венеции вторым Аттилой.

15 мая 1797 года его войска вошли в город.

Анж-Анри Блаз де Бюри («Воспоминания и рассказы о военных действиях Австрии»):

«Французская республика, уничтожив Венецианскую республику, открыла ее казематы лучам солнца, очистила огнем ее ужасные подземелья, впустила повсюду воздух свободы. Странное противоречие, которое часто повторяется в истории народов и отдельных личностей! Есть самый страшный и самый отвратительный тиран, какого можно себе представить, и вдруг он героически провозглашает себя рыцарем свободы для других. Эта самая Французская республика, которая в Париже плодила застенки и кровавые убийства на гильотине, эта нежная мать в красном фригийском колпаке, пившая кровь своих собственных детей, вдруг опечалилась и побледнела при виде варварства прошлого!»

Для начала французы разграбили Венецию и разрушили около сорока древних дворцов. Потом, мирным договором, заключенным в Кампо-Формио 17 октября 1797 года, часть венецианской территории вместе с Истрией и Далмацией была передана Австрии, а часть — присоединена к вновь созданной Цизальпинской республике, которая потом станет основой для созданного Наполеоном Итальянского королевства.

Пьер Дарю («История Венецианской республики»):

«Удивительная республика, долгое время могущественная, выделявшаяся своеобразием своего происхождения, своего местоположения и общественных институтов, исчезла прямо у нас на глазах, в один момент. Современница самых старейших монархий Европы, изолированная из-за своего положения, она погибла в той большой революции, которая свергла столько государств».

Джакомо Казанова умер в изгнании 4 июня 1798 года, но вряд ли его порадовали последние новости из его родного города.

Пьер Дарю («История Венецианской республики»):

«Капризы судьбы восстановили опрокинутые троны; Венеция же исчезла безвозвратно».

Утверждение известного историка не совсем верно. Венеция не исчезла безвозвратно.

Кристиан Бек («История Венеции»):

«Большинство историков Венеции заканчивают свои работы падением Республики. И не без основания, ибо отныне Венеция прекращает свое существование как самостоятельное государство (не считая короткого периода революции 1848 года) и находится под иностранным владычеством, а затем входит в состав Италии. Тем не менее с 1797 года и до наших дней история города, какой бы временами мрачной и проблематичной она ни была, все же продолжается».

В самом деле, город существует и очень неплохо себя чувствует и сейчас, продолжая привлекать массу туристов со всего света. А вот что действительно исчезло безвозвратно — так это та Венеция, которую так хорошо знал и так любил, несмотря на всю сложность их взаимоотношений, наш герой Джакомо Казанова. Впрочем, это судьба любого старого города, любой древней цивилизации. Именно поэтому, кстати, историю часто называют наукой о том, чего уже нет и никогда не будет. Хотя, с другой стороны, легенда всегда берет верх над историей, и это дает возможность закончить книгу о Венеции Джакомо Казановы на оптимистической ноте: Джакомо Казанова и его Венеция, и это бесспорно, уже давно стали легендами, а герои легенд, как известно, живут вечно.

Послесловие

Филипп Соллерс («Казанова Великолепный»):

«Казанова родился в Венеции в начале XVIII века, он неотделим от великого мифа этого города, но умер он в возрасте семидесяти трех лет вдали от него, в Дуксе (ныне Духцов) в Богемии».

В самом деле, в январе 1783 года Джакомо Казанова приехал в Вену. К этому моменту он был беден и имел не самую лучшую репутацию. В австрийской столице он стал секретарем венецианского посла Виченцо Фоскарини и снова начал ходить на балы и в приличное общество. Но Фоскарини вскоре умер, и Казанова вновь остался не у дел. И вот тогда о нем узнал молодой и очень богатый граф Вальдштайн.

Шарль-Жозеф де Линь («Литературный и исторический сборник»):

«Моему племяннику Вальдштайну он понравился у посла Венеции, у которого они обедали вместе».

Граф Вальдштайн посочувствовал «герою вчерашних дней» и предложил Казанове пост библиотекаря в своем богемском замке Дукс, с окладом в тысячу гульденов в год,

коляской и обслуживанием.

Шарль-Жозеф де Линь («Литературный и исторический сборник»):

«Казанова, оставшись без денег, закончив свои путешествия и приключения, согласился и стал библиотекарем у потомка великого Вальдштайна. В этом качестве он провел в замке Дукс четырнадцать последних лет своей жизни, из которых шесть он осчастливливал меня своими рассказами, которые были столь же живыми, как и в двадцать лет».

Библиотека Дукса составляла сорок тысяч томов, а сам замок был по-настоящему роскошен. Пятидесятивосьмилетний Казанова, проживший дюжину жизней, романтик с придворными манерами, явно не подходил к своей новой должности.

Герман Кестен («Казанова»):

«Он был похож на заколдованное существо из сказки, на того воскресшего героя, который раз в неделю, в месяц, в год становится принцем, но выглядит чудовищем. Колдовство начиналось, когда Вальдштайн был в замке, тогда для пиров, охоты, салонных разговоров в замок собирались князья, графы, музыканты, литераторы, иностранцы. Тогда старый авантюрист блистал, почти шести футов ростом, костистый итальянец с широкими жемами, длинной шпагой, поддельными украшениями, элегантными манерами Тальми, навсегда пропавшей в мире любезностью и французской придворной речью, в одеждах с истлевшей элегантностью, с умом, лучащимся, как и у большинства гостей, с остроумием, равным остроумию лучших гостей, например, дяди Вальдштайна, блистательного князя Шарля де Линя, который принадлежал к умнейшим людям и писателям этого остроумного столетия».

Полный сострадания к самому себе и тоски по безвозвратно ушедшей молодости, полный подозрения к новому наступающему XIX веку и вспыхнувшей буржуазной революции, полный злобы на свое здоровье, разрушенное временем, и ненависти к смерти, Казанова в Дуксе начал писать, и именно поэтому мы и знаем его историю в стольких подробностях. Он вел обширную переписку, принимал своих друзей и посетителей графа Вальдштайна, к которым среди прочих принадлежали Шиллер и Гёте.

Казанова давно страдал от подагры, а в конце 1797 года он вдобавок получил и воспаление простаты — типичную болезнь стариков. Конец приближался, и он сам уже чувствовал это. Однажды он даже заявил: «Я жил как философ и умираю как Христос». Неплохая шутка для человека, который умер через несколько недель...

Джакомо Казанова умер 4 июня 1798 года. Вероятно, он был похоронен на кладбище в Дуксе, но его могила исчезла, и никто точно не знает, где она находилась.

Это может показаться странным, но на родине Казановы, в Венеции, к нему до сих пор относятся с некоторым пренебрежением — если не хуже. Так, по крайней мере, полагают многие известные специалисты по Казанове.

Орацио Баньяско («Перевоплощение Казановы»):

«По отношению к Казанове Венеция поступает некрасиво. Это всегда было так. Нет ни улицы, ни площади Казановы. Коренные венецианцы все еще считают его блудным сыном, обливавшим свою родину грязью. Тогда как он, добиваясь прощения, всю жизнь писал о Венеции в самых положительных тонах. Своим побегом из Пьомби он разрушил миф о том, что из этой венецианской тюрьмы убежать нельзя. И вот даже по случаю двухсотлетия со дня смерти Казановы Венеция не устроила ни одной выставки. Выставки проходят в Дрездене, в чешском Дуксе, везде, но только не в Венеции».

В самом деле, улицы Казановы (Via Casanova) есть в Монце (Ломбардия), в Чепатти (Пескара), в Генуе и ряде других итальянских городов. В Неаполе, на площади Гарибальди,

стоит отель «Казанова». В начале лета 1998 года — 4 июня — в день двухсотлетия со дня смерти Казановы в богемском городе Духцов казановисты со всего мира собрались на конференцию. В костеле при замке графа Вальдштайна, где Казанова провел последние тринадцать лет своей жизни, была отслужена католическая месса за упокой души великого венецианца.

В Духцове есть музей Казановы, который даже присуждает медаль Казановы, но не за сексуальные подвиги, а исключительно за литературные. В этом городе традиционно проводится праздник Казановы, сопровождающийся выставками и фейерверками. Здесь можно увидеть и кресло, в котором, как считается, скончался Казанова, и обстановку его спальни, и его восковую фигуру за письменным столом. И переночевать здесь можно в пансионе «Казанова», расположенном рядом с замком Вальдштайнов.

В Венеции, как ни странно, ничего этого нет. Правда, нужно отметить, что в 1998 году Венеция все же получила памятник Казановы работы русского скульптора Михаила Шемякина. Помогла дата — карнавал, посвященный 200-летию со дня смерти этого всемирно известного венецианца.

Осенью Шемякин показал городским властям эскиз памятника, а 14 февраля под гром оркестра и вопли многочисленных зрителей было сдернуто покрывало, и народу предстала бронзовая группа на гранитном пьедестале: Казанова галантно склонился к механической кукле, а по бокам стоят шестигрудые сфинксы.

Памятник был установлен на самом почетном месте — на набережной Венецианской лагуны, рядом с Дворцом дожей. Лучше места и придумать было невозможно. Именно здесь Казанова нанял гондолу, сбежав из тюрьмы Пьомби. Памятник просто идеально вписался в ансамбль знаменитой Пьяццетты. Казалось бы, наконец Казанова окончательно возвратился в свою родную Венецию...

К сожалению, через год памятник демонтировали.

Объяснение этому может быть лишь одно. Вокруг памятника вечно толпились туристы. Что они только с ним не вытворяли! Самые скромные забирались на него и позировали между Казановой и его возлюбленной куклой, более раскрепощенные обнимались с шестигрудыми сфинксами или водружали на головы Казановы и его спутницы свои головные уборы. Многие даже пытались вскарабкаться на них, и все это выглядело сущим варварством. Как говорится, что имеем — не храним...

Впрочем, это характерно не только для Венеции. Этим грешат все избалованные своей богатой историей города мира. Кто, например, в той же Москве сейчас вспомнит графа Дмитрия Петровича Бутурлина? Или Николая и Анатолия Демидовых? А ведь в Италии, где они умерли, им поставлены памятники...

Использованная литература

- Бек Кристиан. *История Венеции* (пер. с французского Е. Морозовой). Москва, 2002.
- Бюизин Ален. *Казанова* (пер. с французского Е. Колодочкиной). Москва, 2007.
- Декруазетт Франсуаза. *Повседневная жизнь Венеции во времена Гольдони* (пер. с французского Е. Морозовой). Москва, 2003.
- Казанова Джованни Джакомо. *История моей жизни* (пер. с французского И. Стаф и А. Строева). Москва, 2003.
- Кестен Герман. *Казанова* (пер. с немецкого Е. Гужова). Москва, 1991.
- Соллерс Филипп. *Казанова Великолепный* (пер. с французского Н. Мавлевич и Ю. Яхниной). Москва, 2007.
- Цвейг Стефан. *Три певца своей жизни* (пер. с немецкого П. Бернштейн и В. Зоргенфрея). Москва, 1992.
- Andrieux, Maurice. *Venise au temps de Casanova*. Paris, 1969.
- Bagnasco, Orazio. *La apuesta de Casanova*. Barcelona, 2000.
- Bartolini, Elio. *Le Crépuscule de Casanova*. Paris, 1995.

- Bassi, Elena. *Palazzi di Venezia*. Venezia, 1976.
- Benzoni, Juliette. *Seigneurs de la nuit*. Paris, 1978.
- Blaze de bury, Ange-Henri. *Souvenirs et récits des campagnes d 'Autriche*. Paris, 1854.
- Boulton, Susie. *Venice*. Thomas Cook Publishing, 2006
- Brusegan, Marcello. *La grande guida dei monumenti di Venezia*. Roma, 2005.
- Byron, George Gordon. *Le pèlerinage du chevalier Harold* (Childe Harold). 1812
- Casanova, Jacques de Seingalt. *Histoire de Ma Vie*. Edition Inté grale. Wiesbaden, 1960–1962. 6 volumes.
- Commynes, Philippe de. *Mémoires* (traduction de l'ancien français par Joël Blanchard). Paris, 2004.
- Daru, Pierre. *Histoire de la République de Venise*. Paris, 1821. 9 volumes.
- De la haye-ventelay, Denis. *Relation de la République de Venise*. Paris, 1701.
- Goldoni, Carlo. *Mémoires de M. Goldoni, pour servir à l'histoire de sa vie et à celle de son thé âtre*. Paris, 2003.
- Goudar, Ange. *L'espion chinois, ou l'envoyé secret de la cour de Pékin*. Cologne, 1774. 6 volumes.
- Gautier, Théophile. *Italia*. Paris, 1855.
- Ligne, Charles-Joseph de. *Mélanges historiques et littéraires*. Tome IV. Paris, 1828.
- Limojon de saint-didier, Alexandre-Toussaint de. *La ville et la république de Venise*. Paris, 1680.
- Michaud, Louis-Gabriel. *Biographie Universelle Ancienne et Moderne*. Tome 60. Paris, 1836.
- Monnier, Philippe. *Venise au XVIII siècle*. Paris, 1920.
- Moschini (l'abbé). *Itinéraire de la ville de Venise et des îles circonvoisines*. Venise, 1819.
- Parker, Derek. *Casanova*. London, 2002.
- Pollio, Joseph. *Bibliographie anecdotique et critique des œuvres de Jacques Casanova*. Paris, 1926.
- Quadri, Antonio. *Huit jours à Venise*. Venise, 1828.
- Ritacco, Innocenza. *Don Giovanni e Casanova: la seduzione tra mito e realtà*. Perugia, 2001.
- Rondelet, Antoine. *Essai historique sur le pont de Rialto*. Paris, 1837.
- Rouart, Jean-Marie. *Bernis, le cardinal des plaisirs*. Paris, 1998.
- Russo, Raffaella. *Palazzi di Venezia*. Venezia, 1998.
- Salverte, Eusèbe. *De la civilisation: Venise, Raguse*. Paris, 1838.
- Sansovino, Francesco. *Venetia citt à nobilissima et singolare descritta in XIII libri. Ristampa anastatica dell'edizione di Venezia, 1581*. Venezia, 2002.
- Vaillot, René. *Le cardinal de Bernis. La vie extraordinaire d'un honnête homme*. Paris, 1985.
- Valery (PASQUIN, Antoine-Claude). *Voyages historiques et littéraires en Italie, pendant les années 1826, 1827 et 1828*. Bruxelles, 1835.
- Vincent, Jean-Didier. *Casanova. La contagion du plaisir*. Paris, 1990.

GIACOMO CASANOVA
STORIA
DELLA SUA VITA

Сергей Нечаев
Венеция
Казановы

[historia]

CoRpus

